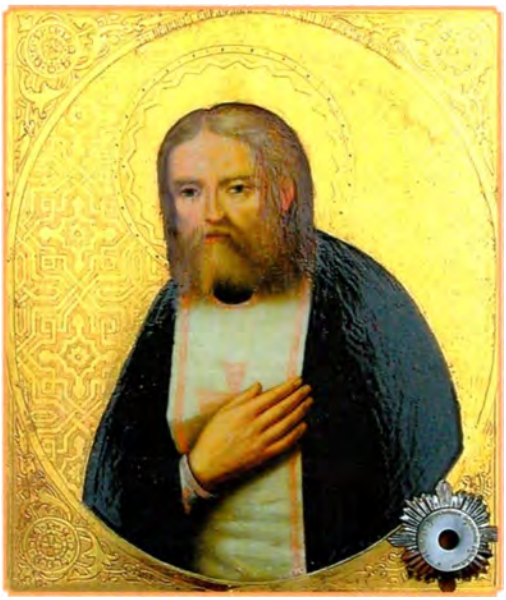
Архиепископ Костромской и Галичский
АЛЕКСАНДР

ПРЕПОДОБНЫЙ ТИМОН, СТАРЕЦ НАДЕЕВСКИЙ

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II



Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей на пути, сей и в тернии; всё где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро.

Преподобный Серафим Саровский

Издание Костромской епархии
Русской Православной Церкви

Архиепископ Костромской и Галичский
АЛЕКСАНДР

ПРЕПОДОБНЫЙ ТИМОН, СТАРЕЦ НАДЕЕВСКИЙ

Кострома
2004

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

Работа архиепископа Костромского и Галичского Александра «Преподобный Тимон, старец Надеевский» раскрывает перед нами образ одного из местночтимых угодников Божиих древнего Костромского края, ученика и духовного друга великого святого земли Русской — преподобного Серафима Саровского.

Воспоминание о подвигах преподобного старца иеромонаха Тимона побуждает нас задуматься о действии всеблагого Промысла Божия: во все века истории Церкви иноки стремились к уединению, к отдалению от мирского жития — но тем самым служили делу спасения мира, становились благодатными духовными путеводителями народа Божия, *«пастырями и учителями» (Еф. 4, 11)* стада Христова.

Отметим, что совершившаяся в 2003 году согласно Нашему Определению канонизация старца Тимона и обретение его святых мощей стали возможными прежде всего попечением автора этой книги, вот уже 15 лет возглавляющего Костромскую кафедру и успешно сочетающего архипастырские труды с церковно-историческими исследованиями.

Молитвами преподобного Тимона, старца Надеевского, да ниспошлет Всемилостивый Господь Свое благословение Костромской епархии, отмечающей в 2004 году юбилейную дату — 260-летие учреждения.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ОТ АВТОРА

Среди учеников и духовных последователей великого святого земли Русской преподобного Серафима Саровского верующими Костромского края благоговейно чтится память преподобного Тимона Надеевского — старца, пустынножителя и возобновителя Николо-Надеевской пустыни — на котором поистине исполнились слова святого апостола Павла: *«Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви» (Рим. 11, 16).* Как справедливо отмечает один из жизнеописателей преподобного Тимона священник Алексий Воскресенский, «уже та близость, которая связывала отца Тимона с великим Серафимом, считавшим его искренним своим другом, показывает достоинства этого подвижника»[1]. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 25 декабря 2003 года в костромском Богоявленско-Анастасиином кафедральном соборе состоялось прославление преподобного Тимона, старца Надеевского, в лике местночтимых святых Костромской епархии; здесь же, в кафедральном соборе, почивают ныне святые мощи угодника Божия.

Материалы, послужившие источниками для составления данного жизнеописания, можно разделить на четыре группы.

Письменные свидетельства людей, лично общавшихся с преподобным Тимоном.

1. «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения», ч. I, М., 1856. Отец Парфений посещал Надеевскую обитель, беседовал со старцем Тимоном; однако его воспоминания писались задолго после этого - как отмечает сам автор, «от многих лет и времени, уже много я и позабыл: дни, месяцы и лица; и весьма трудно было все это собрать и сообразить»[2].

2. Рукопись под названием «Собственноручные записки соседнего с Надеевом помещика Сергия Николаевича Нелидова» (32 страницы скорописи в четверть листа), хранившаяся в Надеевской пустыни до ее закрытия в XX веке. К настоящему времени документ утрачен, но его фрагменты, процитированные

в публикации священника Алексия Воскресенского (см. ниже), являют собой уникальные свидетельства прозорливости и чудотворений преподобного Тимона.

3. Рукопись под названием «Блаженные и святые дни преподобного старца иеромонаха Тимона, пустынножителя и возобновителя Николаевской Надеевской пустыни в продолжение всей его жизни» (78 страниц полууставного письма в четверть листа), также хранившаяся в Надеевской пустыни и утраченная после революции. К данной группе материалов ее можно отнести лишь с определенной долей условности. Священник Алексий Воскресенский считал, что она написана келейником преподобного — рясофорным монахом (иноком) Иоанникием, впоследствии иеромонахом Иустином[3]. Однако в послужных списках насельников Надеевской пустыни тридцатых годов XIX века имени инока Иоанникия нет; имя иеромонаха Иустина встречается — однако значительно позднее (в число братства пустыни он был определен в 1864 году, пострижен в монашество — в 1869 году[4]). Таким образом, либо рукопись «Блаженные и святые дни...» принадлежала перу неизвестного нам келейника преподобного, либо — была написана впоследствии иеромонахом Иустином на основании воспоминаний лиц, близко общавшихся с преподобным. Первое предположение видится нам более вероятным.

Упоминания о преподобном Тимоне в жизнеописаниях подвижников благочестия XIX века.

1. «Житие старца Серафима Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника», составленное иеромонахом Иоасафом (Тихоновым) и неоднократно переиздававшееся с 1863 года; в данной работе цитирование производится по третьему изданию — М., 1884.

2. Ковалевский Андрей. Подвижник Нило-Сорской пустыни иеросхимонах Нил. М., 1885; в данной работе цитирование производится по третьему изданию — М., 1897. Несмотря на то, что сведения о жизни старца прямо заимствованы автором из трудов инока Парфения (на что он и сам указывает[5]), брошюра А. Ковалевского содержит немало интересных сведений о внутренней жизни Надеевской пустыни первой половины тридцатых годов XIX века, когда ее насельником был иеромонах Никон (Прихудайлов; в схиме — иеросхимонах Нил).

Жизнеописания старца Тимона, опубликованные в начале XX века.

1. Воскресенский Алексей [священник]. Старец иеромонах Тимон, пустынножитель Надеевский, ученик преподобного Серафима Саровского. Костромские епархиальные ведомости, 1912, № 10, отд. неоф., с. 272-280; № 11, отд. неоф., с. 300-312; № 12, отд. неоф., с. 336-342; № 13, отд. неоф., с. 361-372[6].

2. Тихон, игумен. Благочестивая жизнь старца иеромонаха Тимона, пустынножителя и возобновителя Николаевской Надеевой пустыни, Костромской губернии, Макарьевского уезда. М., 1905.

Эти жизнеописания — положенные в основу предлагаемой вниманию читателя работы - составлены из материалов первых двух групп источников, причем книга игумена Тихона, по замечанию священника Алексия Воскресенского, является почти дословной копией рукописи «Блаженные и святые дни...».

Архивные материалы.

Исследовались фонды Вознесенского Печерского и Богородице-Феодоровского мужских монастырей Нижегородской епархии (Государственный архив Нижегородской области) и Свято-Троицкой Кривоезерской мужской пустыни Костромской епархии (Государственный архив Ивановской области). Именно по ним производилась сверка фактов, изложенных в работах указанных выше авторов. Использовались также фонды Российского государственного исторического архива, Государственного архива новейшей истории Костромской области и Государственного архива Костромской области; последние, к сожалению, сильно пострадали от пожара в архивном хранилище в 1982 году (к примеру, был утрачен «Синодик Надеевской пустыни» XVII века).

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь, оказанную при написании данной книги, директору Государственного архива Костромской области Н.И. Соловьеву, Е.А. Рубанковой и сотрудникам ГАКО, директору Государственного архива новейшей истории Костромской области А.М. Елизарову и сотрудникам ГАНИКО, директору Государственного архива Ивановской области Л.Н. Лисицыной и сотрудникам ГАИО, ведущему специалисту Российского государственного исторического архива О.В. Кстич, наместнику Вознесенского Печерского монастыря г. Нижнего Новгорода игумену Тихону (Затёкину), директору музея истории Нижегородской епархии О.В. Дегтевой, доктору медицинских наук профессору В.Н. Звягину, кандидату исторических наук А.Г. Авдееву, старшему научному сотруднику Костромского объединенного историко-архитектурного музея-заповедника А.В. Семеновой, выпускнику Московской Духовной академии Т.Р. Надееву.

Учитывая то, что предлагаемая вниманию читателя книга имеет не только научно-исторический, но и агиографический характер, автор счел возможным поместить в ней иллюстрации, сделанные костромским художником А. Серовым. К сожалению, ни одного живописного или фотографического изображения Надеевской пустыни в известных автору собраниях не сохранилось. В приложении к книге публикуются некоторые документальные материалы о Надеевской пустыни - не имеющие (за исключением Приложения 4) прямого отношения к трудам преподобного Тимона, но представляющие несомненный интерес для истории этого монастыря древнего Костромского края.

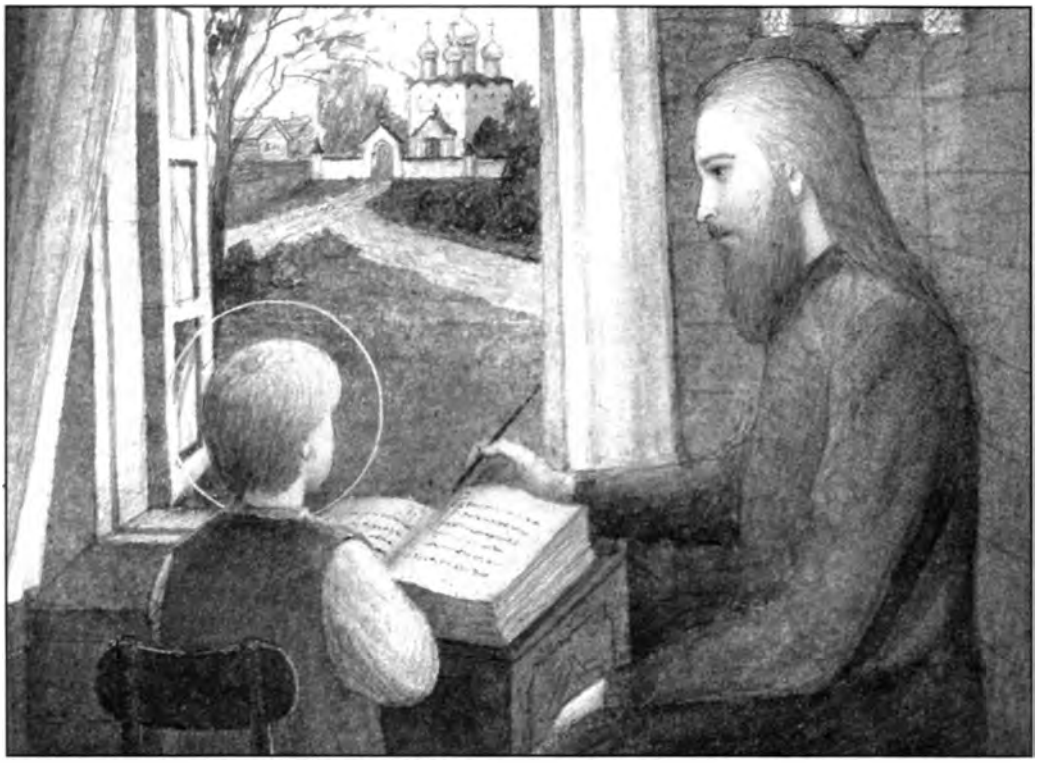
Все даты до официального перехода на новый стиль в тексте приводятся по юлианскому календарю (старому стилю). Документы цитируются (если это не оговаривается особо) в соответствии с современными правилами.

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ БУДУЩЕГО СТАРЦА

Преподобный Тимон родился в 1766 году[7] в городе Балахне Нижегородской губернии, в семье диакона одного из приходских храмов Феодора и его супруги Анисии[8]. Младенец, нареченный при крещении Тихоном[9], стал первым ребенком в семье отца диакона; впоследствии у матушки Анисии родилась дочь Гликерия. Уже в возрасте трех-четырех лет он никогда не просил себе еды, пока кто-либо из домашних не напоминал ему об этом, и питался обычно хлебом и простой кашей. Отец начал учить сына грамоте в пятилетнем возрасте, и к семи годам Тихон свободно читал церковные книги. Уже с детства Тихон отличался любовью к уединению, игры сверстников не привлекали его; в то же время родные часто замечали Тихона молящимся или делающим крестики, которые он потом раздавал окружающим.

Следует отметить, что сведений о получении будущим старцем Тимоном духовного образования в архивных материалах не сохранилось, однако об этом согласно повествуют жизнеописатели — как самого старца, так и преподобного Серафима Саровского:

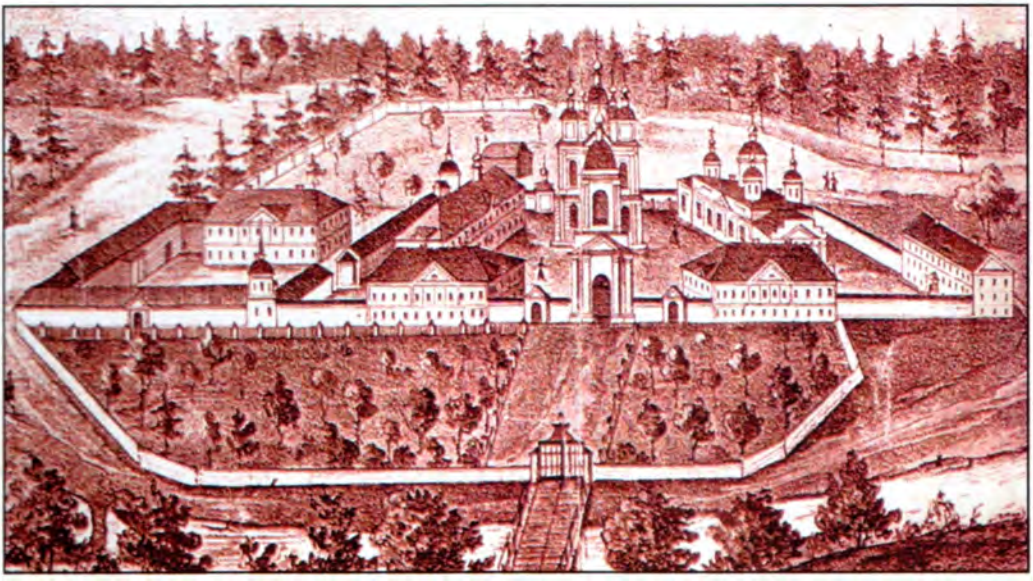
Храмы Балахны. Слева — церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы (фото начала XX века), справа — церковь в честь Рождества Христова, построенная в 1675 году (фото 2004 года).



Диакон Феодор обучает сына грамоте (здесь и далее — рисунки А. Серова).

«Он [преподобный Тимон] происходил из духовного звания, окончил полный курс учения в Нижегородской семинарии и был человек образованный. Влияние духовной науки развило в нем, кроме умственных дарований, чувство благочестия с характером аскетическим»[10].

«Вполне подготовленный к школьному обучению, под руководством своего отца изучивший даже нотное пение, на 8-м году (...) [Тихон] отвезен был в единственную тогда для всей епархии «бурсу» в Нижнем Новгороде. Шесть лет пробыл он в ней и затем, как прекрасный благонравный ученик, переступил порог Нижегородской Духовной семинарии для продолжения дальнейшего своего образования. (...) Учился он прекрасно, отличаясь в то же время особенным благонравием; любимым его предметом было Священное Писание и изучение предметов богословских. Много раз перечитал он за время своего пребывания в семинарии Святую Библию, познакомился в совершенстве и с Четии-Минеями святителя Димитрия Ростовского, производившими на его мягкую и восприимчивую душу глубокое впечатление. Пред духовным взором его снова оживали далекие пустыни Ливии и Фиваиды, населенные тысячами иноков, и, как живые, представали образцы христианских совершенств, воплотившихся в лице духоносных отцев иночества»[11].



Оранский монастырь. Фото с гравюры XIX века.

По словам жизнеописателей, во время каникул Тихон совершал паломнические путешествия по монастырям Нижегородской, Костромской, Владимирской и Тамбовской епархий; тогда же он посетил Саровскую и Кривоезерскую пустыни, впоследствии имевшие важное значение в судьбе подвижника.

В одно из таких путешествий, в Оранском Богородицком монастыре близ Нижнего Новгорода[12], Тихон встретился со старцем-иеромонахом, который сказал ему: «Видно, брат, и ты будешь в монастыре и удостоишься звания монашеского. Да, действительно ты будешь монах; но прежде этого много еще встретишь превратных

Встреча отрока Тихона со старцем-иеромонахом в Оранском монастыре.

обстоятельств в твоей жизни. Спасайся! Видно, так угодно Богу! Бог тебя благословит!»[13] Пророческие слова старца глубоко запали в душу впечатлительного, благочестивого юноши и впоследствии полностью оправдались.

По достижении двадцатилетнего возраста Тихон вернулся в родительский дом, к отцу, путь земной жизни которого уже завершался. Около 1787 года Тихон вступил в брак с дочерью священнослужителя одного из балахнинских храмов Евдокией[14], после чего подал прошение о хиротонии епископу Нижегородскому и Алатырскому Дамаскину (Семенову-Рудневу; 1737-1795) и был рукоположен во диакона к Свято-Алексеевскому храму села Зиняково Семеновской округи Нижегородской губернии[15].

Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин. Фото с портрета конца XIX века.

Село Зиняково (ныне именуемое Зиняки). Каменный храм во имя святителя Алексия, митрополита Московского, построенный на месте деревянной церкви, в которой служил преподобный Тимон. Фото 2004 года.

ПРИХОДСКОЕ СЛУЖЕНИЕ И НАЧАЛО ИНОЧЕСКОГО ПУТИ

На приходе диакон Тихон Федоров[16] благоговейно и безукоризненно исполнял обязанности священнослужителя, в семейной жизни являясь прекрасным домохозяином и любящим мужем[17]. Однако счастье его было недолгим: матушка Евдокия скончалась в расцвете сил. Кончина супруги стала тяжелым ударом для молодого диакона. Как отмечает священник Алексий Воскресенский, «может быть, он тотчас же сделал бы то, что сделал спустя несколько лет после того, совершенно ушел бы от мира и заключился в обитель, но его еще удерживала здесь священная обязанность по отношению к матери и сестре, имевшим в нем свою единственную опору»[18]. Отец Тихон наложил на себя строжайший пост и пребывал в усиленной молитве; но привязанность к супруге была настолько велика, что воспоминания о ней повергали молодого священнослужителя в глубокое уныние и едва не доводили до отчаяния.

После долгих размышлений отец Тихон решился искать облегчения печали своей души в путешествии по святым местам России, в молитве перед святынями и в беседах с подвижниками. Испросив у епархиального священноначалия отпуск, скорбящий вдовец отправился в Киев, затем — в Москву и в Троице-Сергиеву Лавру, по пути заходя и в другие обители; «везде он преклонял молитвенно колена свои с воплем крепким и слезами многими о даровании ему мира душевного и управления жизни его на путь служения Господу»[19].

Диакон Тихон у могилы супруги.

В Зиняково преподобный вернулся духовно укрепленным, с намерением при первой же возможности удалиться в монастырь. Однако - так как на его попечении оставались овдовевшая мать и сестра - отец диакон решил сначала испытать твердость своего намерения и предал себя подвигам благо-

Приходское кладбище в селе Зиняки (Зиняково). Фото 2004 года.

чества. Затворившись в своей комнате, он проводил время в усердной молитве, ежедневно совершая иноческое келейное правило, читая святоотеческие книги — при этом, однако, не пропуская ни одного богослужения в приходском храме. Полностью отказавшись от употребления мяса, отец Тихон и обыкновенной пищи вкушал очень мало, только чтобы тело окончательно не изнемогло; в понедельник, среду и пятницу он часто вообще ничего не ел.

В это время по благословению правящего епископа отец Тихон часто посещал Саровскую пустынь[20], где он впервые оказался в семинарские годы и со старцем которой иеромонахом Назарием (Кондратьевым; 1735-1809), впоследствии игуменом Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, состоял в переписке. Собеседниками отца Тихона были известные подвижники — схимонах Марк, иеродиакон Александр; но особенно горячее участие принял в нем преподобный Серафим Саровский. «Он [преподобный Серафим] утвердил его в решимости, ради любви Божией и вечного своего спасения, оставить мир, указал средства, как бороться на этом тернистом и полном самоотвержения пути со врагами нашего спасения, укрепил дух его крепкой верой в Бога, надеждой на Его помощь и защиту, научил всецелой преданности воле Его и воспламенил сердце его безграничной любовью к Нему»[21].

Возвращаясь из очередной поездки в Саров и окончательно решившись оставить мир, отец Тихон посетил в Нижнем Новгороде правящего архипастыря, епископа (с 1804 года — архиепископа) Нижегородского и Арзамасского Вениамина (Краснопевкова-Румовского; 1738-1811), и, по указанию владыки, был принят в братию нижегородского Вознесенского Печерского монастыря[22]. Знаменательно, что именно в этой обители совершился монашеский постриг одного из наиболее известных святых Костромского края — преподобного Макария Унженского и Желтоводского, преставившегося ко Господу в 1444 году.

Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Вениамин. Фото с портрета конца XIX века.

О поступлении преподобного Тимона в монастырь свидетельствует сохранившийся до нашего времени документ Нижегородской Духовной консистории:

«Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Нижегородской Духовной консистории, первоприсутствующему оной, благочиний смотрителю, и семинарии ректору Нижегородского Печерского первоклассного монастыря отцу архимандриту Гедеону.

Резолюциею Его Преосвященства Вениамина епископа Нижегородского и Арзамасского, состоявшеюся на прошении Семеновской округи села Зинякова вдового диакона Тихона Федорова о определении его в ваш монастырь, велено: «Ежели препятствия по консистории — не окажется, и настоятелем принят будет, то определить в Печерской». Вследствие чего в Нижегородской Духовной консистории определено: как по справке в сей консистории оказалось, что к определению показанного просителя диакона Тихона в ваш монастырь в число братства никакого препятствия не предвидится, да и вы принять сего диакона в сей ваш монастырь согласны, то о бытии ему Федорову в оном вашем монастыре в числе братства, послать к вам отцу архимандриту указ, при коем и сего диакона препроводить, которой при сем и посылается. Апреля 28 дня 1800-го года»[23].

Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь. Вверху - фото с картины И.И. Шишкина, 1870 год; внизу - фото с картины А.К. Саврасова, 1871 год.

С усердием и терпением отец Тихон приступил к монашеской жизни; смиренный послушник, молитвенник и строгий постник, он пользовался всеобщим уважением братии, отличаясь честностью и доброжелательностью по отношению к окружающим. Вскоре новый насельник обители был пострижен в рясофор с наречением имени в честь святого мученика Троадия Неокесарийского[24], а затем Преосвященный Вениамин назначил его экономом при архиерейском доме (хотя жить отец Троадий остался в Печерском монастыре)[25].

Жизнеописатель отмечает: «Какое несоответствие и противоположность действительности с его стремлениями! Дух его стремился к созерцательной жизни, душа рвалась в безмолвие пустыни (...) - а веление начальственное снова бросало его в молву мира, на стогны шумного града, в море бурь и соблазнов. Но добрый инок не отрекся от этого ига, возлагавшегося на его рамена: он смиренно покорился воле Божией, хотя, может быть, и со скорбью в душе. Казалось бы, новое положение должно было охладить его ревность иноческую и привнести в душу его рассеяние, но благодать Божия сохранила своего избранника на всех путях, им пройденных, и это потому, конечно, что инок Троадий смотрел на порученное ему дело как на дело Божие и взирал на него как на священный для инока долг послушания»[26].

Исполняя должность эконома при архиерейском доме, отец Троадий показал себя с самой лучшей стороны. Уже в 1801 году Преосвященный Вениамин назначил его строителем Богородице-Феодоровского Городецкого монастыря[27], в стенах которого в 1263 году преставился ко Господу святой благоверный великий князь Александр Невский. Соответствующий указ правящего архиерея сохранился в архивных документах:

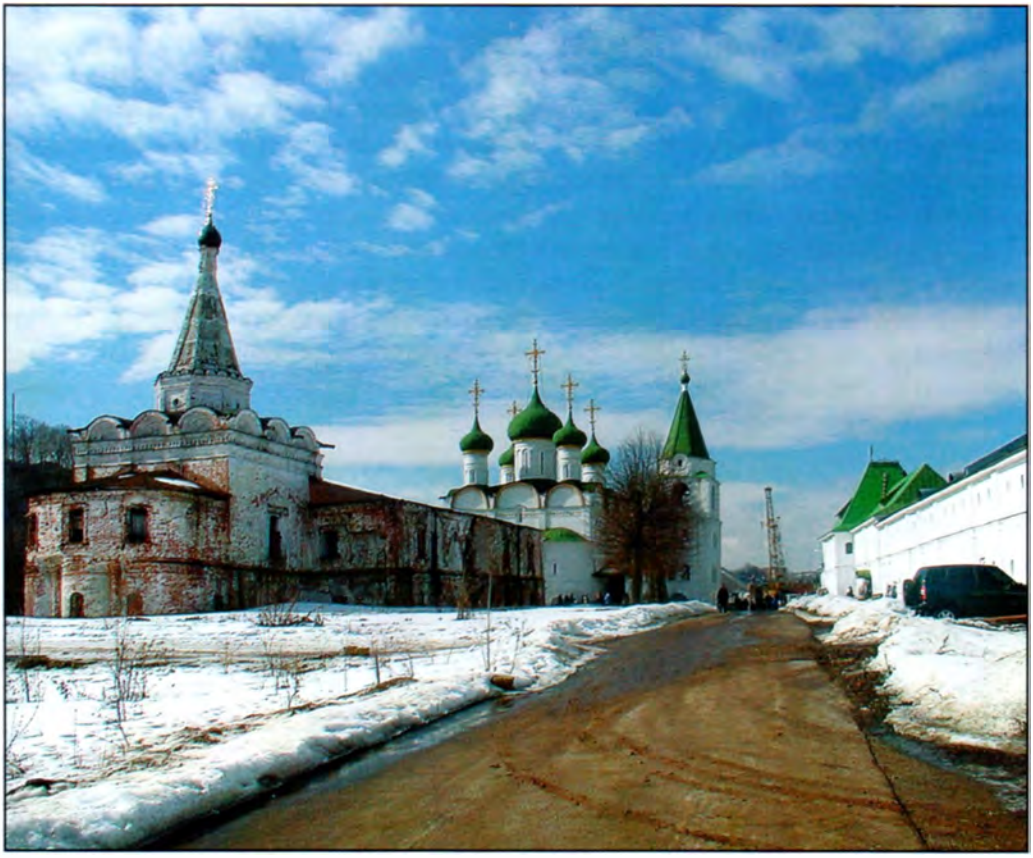
«1801 года апреля 4 дня. Печерского монастыря иеродиакону Троадию быть в Городецком Феодоровском монастыре строителем и на сей чин привесть его здесь к присяге и предписать ему того монастыря имущество и братию принять в свое смотрение, и притом доканчивать строение начатое и прочее производить с требованием наставления от Островоезерского строителя Иоасафа. Епископ Вениамин»[28].

Вознесенский собор Печерского монастыря. Фото начала XX века.

В связи с новым назначением было принято решение о пострижении отца Троадия в мантию: соответствующий указ Святейшего Синода Духовная консистория получила 12 августа 1801 года[29]. Однако, по неизвестным нам причинам, пострижение отца Троадия в монашество состоялось лишь в 1804 году. Преподобный принял монашество с именем Тимон — в честь святого апостола от семидесяти Тимона, одного из семи диаконов (Деян. 6, 5), впоследствии епископа Бострийского. Постриг совершился 24 января 1804 года[30], о чем говорится в указе Духовной консистории:

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Нижегородской Духовной консистории, Городецкого Феодоровского монастыря братии.

Вследствие определения сей консистории чрез сие вам дается знать, что ваш настоятель (...) Нижегородского Печерского монастыря наместником иеромонахом Дамаскиным пострижен в монашество, и наречен Тимоном. Февраля 5 дня, 1804 года»[31].



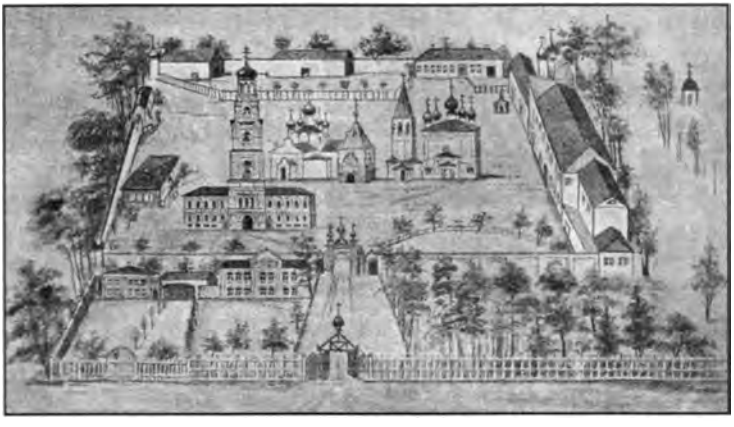
Вознесенский Печерский монастырь. Фото 2004 года.

ПРЕБЫВАНИЕ В ГОРОДЕЦКОЙ БОГОРОДИЦЕ-ФЕОДОРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ

Пострижение в монашество подвигло преподобного Тимона к тому, чтобы умножить свои подвиги; в Надеевской пустыни до ее закрытия хранился железный пояс шириной в полтора вершка (6,7 см) и весом в один пуд (более 16 кг), который старец на протяжении многих лет тайно носил под одеждой для утруждения плоти[32]. Преподобный стал образцом для братии в молитве и воздержании, в нестяжании и смирении: именно последнее качество побуждало иеродиакона Тимона отклонять неоднократно делавшиеся ему нижегородскими архипастырями предложения о рукоположении в сан иеромонаха. «Я никак не соглашался», - вспоминал позднее сам преподобный, - «потому что все желание мое было в пустыни жить одному, с единым Богом»[33].

На новом поприще трудов во благо Церкви и народа Божия преподобный Тимон явил себя достойнейшим служителем алтаря Господня. Истинный духовный отец монастырской братии, умевший для воспитания в добродетели разумно применять и сердечное поощрение, и кроткое наказание, он стал мудрым учителем духовной жизни и для мирян. Желавших получить наставление отца Тимона было очень много; стремясь не оставить никого без своего внимания, преподобный беседовал с паломниками непосредственно в храме или в монастырской гостинице. В свободные часы он занимался переписыванием святоотеческих сочинений и богослужебных последований или предавался богомыслию в уединении.

Во время управления Богородице-Феодоровской обителью преподобный Тимон со вниманием заботился о ее благоустроении, о порядке в монастырском хозяйстве. Это стало причиной тяжелых испытаний для подвижника. Монастырю издавна принадлежали расположенные вблизи обители земли; однако крепостные крестьяне князя Ухтомского (численностью около 500 человек, причем весьма состоятельные) начали против обители судебную тяжбу с целью эти земли отобрать. Дело, первоначально разбиравшееся в балахнинском уездном суде, растянулось на десятилетие (1802-1812 годы); ходатаем



Городецкий Богородице-Феодоровский монастырь. Фото с рисунка конца XIX века.

по монастырским нуждам стал отец Тимон. Вопрос этот был жизненно важным для благосостояния монастыря, переживавшего тогда не лучшие времена. Приведем свидетельство церковного историка: «Материальными средствами к существованию Феодоровского монастыря служили земля и доброхотные приношения окрестных жителей и богомольцев. Но при одних этих средствах монастырь не в состоянии был не только иметь надлежащее благолепие в своих церквах и в церковной утвари, но даже не мог поддерживать и здания свои. (...) Скудость монастырских средств была так велика, что церковные священные облачения были сшиты из простой бумажной материи и холста, а вместо восковых свечей пред местными иконами были поставлены деревянные окрашенные подсвечники, на которых были поставлены деревянные и тоже окрашенные под цвет воска свечи, и только с восковыми пальчиками на них»[34].

Внутренний вид Богородице-Феодоровского монастыря. Фото начала XX века.

Позицию монастыря в вопросе о владении землями отражает сохранившаяся до нашего времени жалоба от 26 ноября 1806 года на имя императора Александра I, поданная в Нижегородскую палату гражданского суда и подписанная самим преподобным. Приведем здесь некоторые ее фрагменты:

«Всепресветлейший державнейший Великий Государь Император Александр Павлович, Самодержец Всероссийский, Государь всемилостивейший.

Храм во имя благоверного великого князя Александра Невского и колокольня Богородице-Феодоровского монастыря. Фото начала XX века.

Список с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери - главная святыня Богородице-Феодоровского монастыря. Фото с литографии XIX века.

Приносит жалобу Нижегородской губернии Балахнинской округи Городецкого Феодоровского монастыря строитель иеродиакон Тимон на Балахонской *[так в тексте — А.А.]* уездный суд, а о чем моя жалоба — тому следующие пункты. (...)

В Балахонском уездном суде производилось дело об отнятии у Городецкого Феодоровского монастыря вотчины князя Ивана Михайловича Ухтомского, села Городца крестьянами, владеемой сим монастырем по вкладу в 7207-м *[1699 по гражданскому летоисчислению — А.А.]* году Городецкой верхней большой слободы от жителя Ильи Иютдинова. Жеребья земли по три десятины в поле а вдву потомуж, которая во владении монастырском была более ста лет; но откомандированным по просьбе князя Ухтомского коштным землемером Поповым в 1801-м году отмежевана к пожалованным ему, князю Ухтомскому, крестьянам, к чему депутат с духовной стороны призван не был, и по сему межеванию с восточной и западной сторон только небольшим по три аршина от стен монастырских оставлено, хотя по храмозданной грамоте на восстановление сего монастыря от бывшего тогда Патриарха Адриана, данной по собственной просьбе городецких жителей, велено во все четыре стороны от церкви для построения монастырского отмерять по сороку сажен, и решением уездного суда постановлено ту пашенную землю оставить во владении крестьян князя Ухтомского... (...) Каковое решение, подписанное судом минувшего октября 27 дня, строителю сего ноября 6-го числа объявлено. (...)

В отдаче сей земли к монастырю противного закону ничего вышним Правительством не найдено, а в 764-м *[то есть в 1764-м году — А.А.]* при разборе монастырей заштатные монастыри оставлены на их собственном содержании от состоящих в их владении земель и прочих угодий, что у кого во владении было, потому означенная земля и оставалась во владении у монастыря до 1802-го года без всякого от кого-либо спору более ста лет, что и сами крестьяне князя Ухтомского утверждают. (...)

Объясня все сие, всеподданейше прошу, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сию мою апелляционную жалобу с указными пошлинами в Нижегородской палате гражданского суда при-

нять и по сей моей жалобе, рассмотря означенное дело, по вышепрописанным обстоятельствам и законам неправильно отмежеванную во владение господина князя Ухтомского крестьян пашенную землю девяти десятин, бывшую более ста лет во владении монастырском, возвратить монастырю. (...)

Всемилостивейший Государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сей моей апелляционной жалобе решение учинить. Ноября 26 дня 1806-го года. К поданию надлежит в Нижегородскую палату гражданского суда. Сию жалобу сочинял того же Феодоровского монастыря строитель иеродиакон Тимон. А переписывал Нижегородского архиерейского дому казначейских дел подъячий Никита Иванов. Феодоровского монастыря строитель иеродиакон Тимон руку приложил»[35].

Судейские чиновники — несомненно, из корыстных побуждений — стремились решить тяжбу в пользу крестьян. Надеясь свести дело к заочному рассмотрению, они вызывали преподобного Тимона в суд в самое неблагоприятное время года: либо осенью, когда Волга только начинала покрываться льдом, либо весной, при отсутствии переправы через реку. Отцу Тимону не раз (на протяжении 1802-1806 годов) приходилось рисковать жизнью, чтобы попасть в уездный город; тем не менее суд в 1806 году все же признал иск крестьян обоснованным, и обители, казалось, предстояло лишиться своих исконных владений. Но вмешательство Судии Небесного не дало осуществиться неправедному решению судей земных. Игумен Тихон так описывает последовавшие события: «Балахнинский уездный суд, к огорчению отца Тимона, решил дело в пользу крестьян, и лишь только решение оного подписал судья Малевинский и заседатели, а секретарь скрепил, как на том же месте кара Божия мгновенно разлилась на присутствующих. Судья Малевинский ослеп и два года трясся и кончил таким образом дни своего бытия. Заседатели наказаны были параличом, а секретарь тоже не избегнул гнева Божия, только достоверно не известно, какое наказание его постигло»[36]. Впоследствии, уже много лет спустя, очевидец этого события балахнинский купец Петр Иванович Латухин[37] рассказывал о случившемся Сергею Ни-

Список с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери из часовни Богородице-Феодоровского монастыря в Нижнем Новгороде. Фото начала XX века.

колаевичу Нелидову (помещику, оказавшему старцу большую помощь в возобновлении Надеевской обители) в присутствии преподобного Тимона. Старец при этом произнес, имея в виду судейских чиновников: «Сперва ослепи Господь их очи душевные, а потом и телесные»[38].

По свидетельству процитированного выше архивного документа, решение суда было обжаловано преподобным Тимоном в Нижегородской палате гражданского суда с непосредственной апелляцией на имя государя. Однако завершение тяжбы растянулось на шесть лет, в продолжение которых городецкому строителю довелось испытать многие печали.

Для самого преподобного это происшествие стало началом горьких скорбей: против него — несомненно, при участии лиц, инициировавших судебный процесс — воздвиглась настоящая буря жалоб и клеветы как со стороны некоторых насельников обители, так и из окружения правящего архиерея. Как пишет священник Алексий Воскресенский, «братия, недовольная требовательностью своего настоятеля в отношении исполнения строжайших предписаний иноческого устава, для которой самая жизнь его [преподобного Тимона] служила безмолвным, но сильным укором, старалась распространять о нем самую злостную и недобросовестную клевету, истолковывая всякое его деяние и всякое слово совершенно противоположно действительному значению»[39].

В итоге, вскоре после отправления жалобы на имя государя преподобный был лишен должности строителя обители: с февраля 1807 года строителем Богородице-Феодоровского монастыря в епархиальных документах значится иеромонах Александр, в 1809 году — иеродиакон Вениамин[40]. Однако можно предполагать, что старец не прекратил ходатайствовать за правое дело — которое, сопряженное со многими скорбными обстоятельствами, по истечении нескольких лет наконец увенчалось успехом.

Нижний Новгород. Фото с открытки начала XX века.

Перемены в жизни преподобного Тимона были связаны с назначением на Нижегородскую кафедру епископа Моисея (Близнецова-Платонова; 1770-1825)[41], ревностного и бескомпромиссного архипастыря, о принципиальности которого современник сви-

детельствует: «Строгое исполнение своих обязанностей он предпочитал родству, дружбе и даже собственной славе. Будучи уверен, что пастырь добрый должен думать не о том, что об нем говорят другие, но о том, чем обязан своей должности, он нередко пренебрегал требования других, когда видел, что они противны или правде, или человеколюбию; не уважал даже общего мнения, когда оное находил в совести своей несогласным со строгим соблюдением истины»[42]. 23 июля 1811 года епископ Моисей, до этого занимавший Пензенскую кафедру, прибыл в Нижний Новгород[43], а 28 сентября того же года иеродиакон Тимон вновь был определен строителем Богородице-Феодоровской обители[44]. Вскоре государственная власть восстановила справедливость и вернула монастырю его владения — соответствующее решение Нижегородского губернского правления последовало 9 января 1812 года[45]. Крестьяне же, возбудившие дело, в самом скором времени обеднели и разорились, что дало возможность жизнеописателю заключить: «Так совершился суд Божий, грозный и нелицеприятный, над мздоимцами и корыстолюбцами, дерзновенно посягнувшими на чужое достояние»[46].

Епископ Нижегородский и Арзамасский Моисей. Фото с портрета конца XIX века.

В 1814 году епископ Моисей в ходе одной из поездок по епархии посетил и Богородице-Феодоровскую обитель. Встретившись с преподобным Тимоном, архипастырь в беседе с ним высказал мнение, что строитель монастыря по высоте своих обязанностей непременно должен быть иереем; подвижник со смирением подчинился настоятельно высказанной воле епископа и здесь же, в обители, за архиерейским служением был рукоположен владыкой Моисеем во иеромонаха. Сведений о точной дате рукоположения преподобного Тимона не сохранилось — однако известно, что 12 октября 1814 года он, пребывая уже в священническом сане, совершил монашеский постриг насельника Богородице-Феодоровского монастыря Варлаама[47].

ПЕРЕВОД В ВЫСОКОГОРСКУЮ ВОЗНЕСЕНСКУЮ ПУСТЫНЬ

Перенесенные испытания тяжело отразились на здоровье отца Тимона – его постигла болезнь, из-за которой в марте 1818 года преподобный был вновь освобожден от должности строителя. При этом священноначалие высоко оценивало его труды. В «Ведомости Городецкого Феодоровского монастыря о монашествующих и послушниках за 1818 год» об иеромонахе Тимоне указано: «В должности исправен, постоянен, трезв и к послушаниям способен»[48].

Об этом же свидетельствует и награждение преподобного в 1818 году, вместе с другими священнослужителями, относившимися к Балахнинскому Духовному правлению, бронзовым наперсным крестом «за отлично-усердную службу». В соответствующем рапорте правления говорится:

«В Нижегородскую Духовную консисторию из Балахнинского Духовного правления рапорт о получении указа.

Его Императорского Величества указ из реченной Духовной консистории, отправленный марта 30-го дня под № 822-м с прописанием Святейшего Правительствующего Синода и с приложением реэстра получившим бронзовые кресты, учрежденные для духовенства в ознаменование знаменитой эпохи 1812-го года, сегоже апреля 9-го числа получен.

Крест в память Отечественной войны 1812 года (из собрания музея истории Нижегородской епархии); таким же крестом в 1818 году был награжден преподобный Тимон. Фото 2003 года.

И во исполнение оного Его Императорского Величества указа в получении крестов и актов расписки:

1-я: Городецкого Феодоровского монастыря бываго строителя иеромонаха Тимона в получении из Духовной консистории конверта со вложением креста (...) »[49].

Сохранилась до нашего времени и собственноручная расписка преподобного о получении креста:

«1818-го года марта 27 дня присланные от Его Преосвященства Моисея Епископа Нижегородского и Арзамасского и ордена святыя Анны первого класса кавалера крест для ношения на персех на владимирской ленте и акт Городецкого Феодоровского монастыря иеромонах Тимон, крест и акт получил и в принятии расписался»[50].

Свободный от начальственных обязанностей, преподобный Тимон всецело предался безмолвию, молитве, чтению и переписке святоотеческих трудов; но бывали времена, когда душой его овладевали беспокойство и грусть. Именно тогда Господь, желая утешить Своего верного делателя, открыл старцу, что в дальнейшей жизни ему готовится другое предназначение.

Святитель и чудотворец Николай. Икона 1903 года.

Однажды подвижник вышел за ворота монастыря в поле; здесь он вдруг увидел перед собой неизвестно откуда явившегося человека (по преданию, сохранявшемуся в записях Надеевской пустыни, неизвестным был святитель и чудотворец Николай)[51]. Подойдя к отцу Тимону, незнакомец спросил его, как пройти в некое близлежащее место. Погруженный в размышления, иеромонах машинальным движением руки указал вопрошавшему требуемое направление; но путник своей рукой показал в противоположную сторону и тут же исчез. «Придя в себя как бы от некоего самозабвения и не видя говорившего с ним человека-странника, с которым он намеревался продолжить беседу, отец Тимон понял, что это было ему явление от Бога и что таким образом ему предуказано будущее, теперь от него до времени сокровенное. И действительно, спустя некоторое время он шел тем путем, который указан был ему неведомым странником, в Николаевскую Надеевскую пустынь, призвать которую к новой жизни было ему предназначено»[52].

В 1820 году решением священноначалия преподобный Тимон был переведен на жительство в Высокогорскую Вознесенскую пустынь близ Арзамаса. Точная дата этого перевода нам неизвестна, однако еще 14 января 1819 года старец числился в братии Богородице-Феодоровского монастыря[53].

После переселения иеромонаха Тимона в Высокогорскую обитель[54] жизнь его проходила в почти полном уединении. Затворившись в келии, преподобный предал себя богомыслию и молитве — при этом неопустительно посещая храм и неся чреду богослужений наравне с другими иеромонахами. Отлучался из обители он крайне редко и только по послушанию, для исполнения какой-либо монастырской надобности. Не оставлял он и работы по изучению святоотеческих трудов: в библиотеке Надеевской пустыни впоследствии хранились

Вид города Арзамаса в 1826 году. Фото с картины А.В. Ступина.

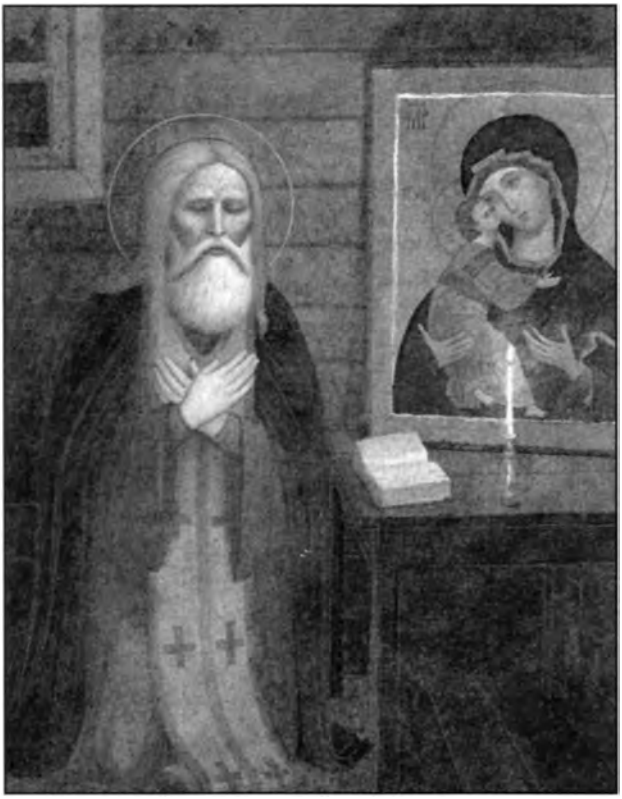
книги, переписанные им полууставом в стенах Высокогорской обители — к примеру, творения преподобного Исаака Сирина на 454 листах. Духовным другом и собеседником преподобного Тимона, советы которого подвижник очень ценил, стал преподобный Антоний (Медведев; 1792-1877), бывший послушник Саровской обители, с 1820 года послушник, инок, затем (с 1826 года) строитель Высокогорской пустыни, а в 1831-1877 годах — архимандрит, знаменитый наместник Свято-Троице-Сергиевой Лавры, ныне прославленный в местночтимом лике Радонежских святых. Большим уважением иеромонах Тимон пользовался среди жителей Арзамаса; дома некоторых из них подвижник изредка посещал и наставлял ищущих спасения души.

Вид Арзамаса. Фото начала XX века.

Тем не менее жизнь в Высокогорской пустыни не могла полностью удовлетворить главного желания преподобного Тимона — уединения в безмолвии и молитве по примеру саровских подвижников, согласно словам его духовного наставника преподобного Се-

рафима: «Мы бегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых. Удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог»[55]. Со слезами моля Бога об осуществлении своего заветного чаяния, подвижник решил для приуготовления к подвигу отшельничества совершить паломничество на Соловки, поклониться святым мощам преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, «питая, быть может, и тайную мысль найти на севере, бывшем некогда русской Фиваидой, удобное место для пустынножительства»[56]. Получив благословение епархиального священноначалия, иеромонах Тимон отправился пешком в дальний путь; через Нижний Новгород, Балахну и Юрьевец (откуда он заходил для молитвы перед чудотворной Иерусалимской иконой Божией Матери в Троицкую Кривоезерскую пустынь) преподобный Тимон приблизился к Кадыю, небольшому городу Костромской губернии, и впервые посетил располагавшуюся в 30 верстах от Кадыя Никольскую Надеевскую пустынь — место своих будущих иноческих трудов и подвигов.

Преподобный архимандрит Антоний. Фото с портрета второй половины XIX века.



Преподобный Тимон в Высокогорской пустыни.

ПЕРВЫЕ ПОСЕЩЕНИЯ ПРЕПОДОБНЫМ ТИМОНОМ НАДЕЕВСКОЙ ПУСТЫНИ

Никольская Надеевская пустынь была, согласно преданию, основана в 1239 году (по другому мнению — в XV веке) среди дремучих и непроходимых лесов близ речки Деи, левого притока реки Нёмды (отсюда и название — «Надеевская», то есть «на Дее»), на месте явления чудотворной иконы святителя Николая. В 1532 году обитель подверглась ограблению и разорению казанскими татарами, после чего в 1535 году по разрешительной грамоте великой княгини Елены Васильевны Глинской, матери царя Иоанна IV Грозного, ее возобновили на новом месте — в трех верстах от прежнего. В 1653 году монастырем управлял игумен Онуфрий[57], в 1683 году — строитель «старец Зосима»[58]. В 1664 году в Надеевской пустыни имелся деревянный храм во имя святителя и чудотворца Николая с приделом во имя преподобного Макария Унженского (см. Приложение 1). В 1692 году, при Патриархе Московском и всея Руси Адриане, в обители был воздвигнут и освящен новый однопрестольный деревянный храм во имя святителя Николая[59] - видимо, сильно пострадавший от пожара в 1699 году. В середине двадцатых годов XVIII века Никольскую Надеевскую пустынь предполагалось приписать вначале к близлежащей Словинской пустыни, затем к костромскому Свято-Троицкому Ипатьевскому мужскому монастырю (см. Приложение 2); однако Надеевская обитель сохраняла свою самостоятельность по меньшей мере до 1744 года. Автор рукописи 1773 года «История Костромской иерархии» (опубликованной в 1887 году в «Костромских епархиальных

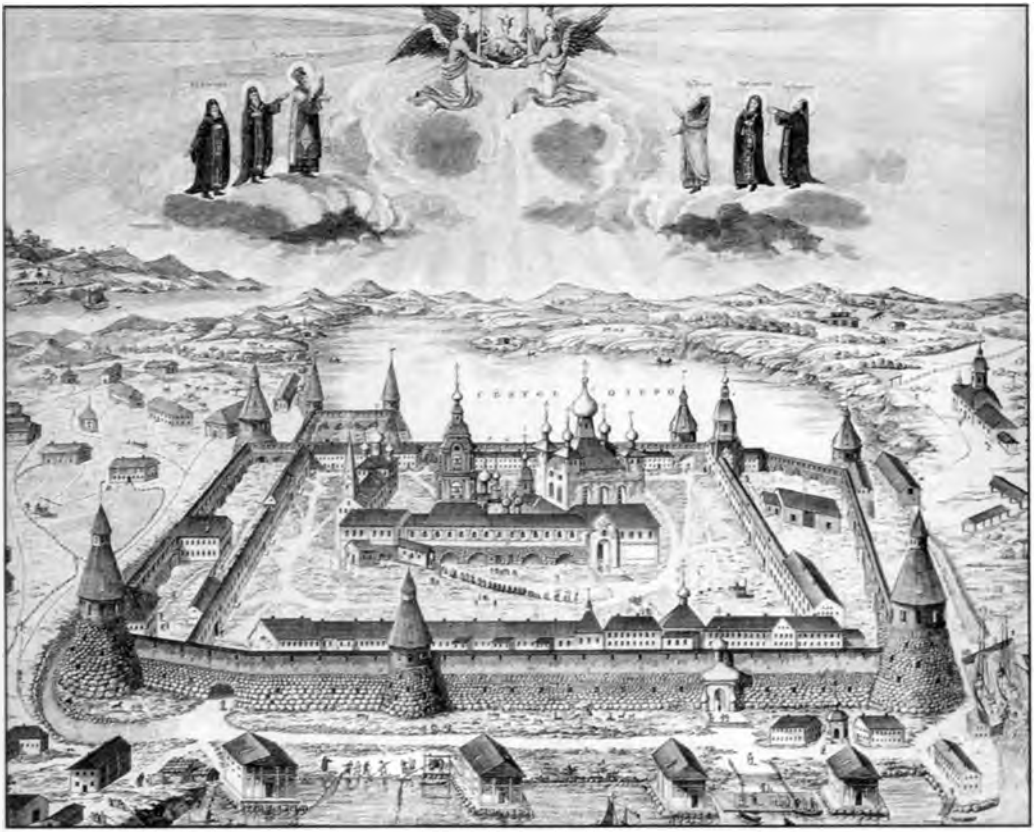
Деревня Паново, вблизи которой располагалась Надеевская пустынь. Фото 2003 года.

ведомостях») указывает, что к 1744 году — времени учреждения Костромской епархии — «в Кадыйском уезде было две пустыни: 1) Новословинская и 2) Николаевская, что в Надееве»[60]. Таким образом, вопрос о точном времени преобразования Надеевской пустыни в приходскую церковь Николаевского погоста[61] до сих пор остается открытым. Игумен Тихон указывает временем упразднения обители 1746 год[62], священник Алексий Воскресенский — 1764 год[63], В.А. Самарянов - «ранее 1764 года»[64] (последнее утверждение представляется наиболее корректным).

В 1816 году по ходатайству настоятеля Троицкой Кривоезерской пустыни игумена Феодосия упраздненную обитель приписали к Кривоезерскому монастырю. Вскоре попечением отца игумена здесь был отремонтирован деревянный храм (см. Приложение 3), построены келии для братии и хозяйственные здания; на погосте, по образцу Кривоезерского монастыря, ввели общежительный устав (по благословению игумена Феодосия в Надеевском погосте постоянно проживали 2-3 насельника из числа братии Кривоезерской обители, хотя состав этой маленькой общины периодически менялся). Впрочем, священник Алексий Воскресенский замечает: «Все это существовало скорее на бумаге, нежели в действительности, относясь к предположениям относительно будущего. Единственный деревянный храм, несмотря на недавний ремонт, от ветхости грозил разрушением; колокольня была еще древнее его; в 1699 году, когда сгорела церковь, она сохранилась от пожара и теперь была близка к разрушению от давности; самый звон ее был скуден, состоя из четырех колоколов, в общей сложности имевших [весом] 13 пудов 28 фунтов, причем самый большой из них весил 9 пудов и 28 фунтов; братии было чрезвычайно мало, два-три человека, которые содержались личным земледельческим трудом и сбором грибов и ягод, произраставших здесь в летнее время в изобилии. Посторонних богомольцев, несмотря на древность происхождения и чудотворность явленного образа святителя Христова Николая, не бывало, чему отчасти способствовало и само местоположение обители, затерявшейся в глубине лесов и весьма удаленной от более или менее крупных и населенных центров человеческой жизни»[65]. Иеромонах Парфений также свидетельствует: «Пустынь Надеевская стоит в глубокой пустыне, в тихом и безмолвном месте, окружена отвсюду непроходимыми темными лесами и болотами, и на двадцать верст нет проезжей дороги, а по которой кто приехал, по той и выехать должен. Кругом самой пустыни хлебопахотные поля; много сенокосов; близко река, хотя и небольшая, но рыбы в ней довольно»[66]. Иеромонах Никон (Прихудайлов; подробнее об этом сподвижнике преподобного Тимона будет сказано ниже) о Надеевской пустыни того времени писал: «Церковь деревянная святителя Николая чудотворца одна только составляла всю ее сущность, а прочие постройки все только были развалины. Трапеза, вместе и келарня, была просто изба крестьянская черная; ограды не имелось, только значился остаток обители — святые врата, ветхие; но при всем том что-то непонятное наполняло душу чувством благоговения и радости, которых пояснить даже не могу»[67].

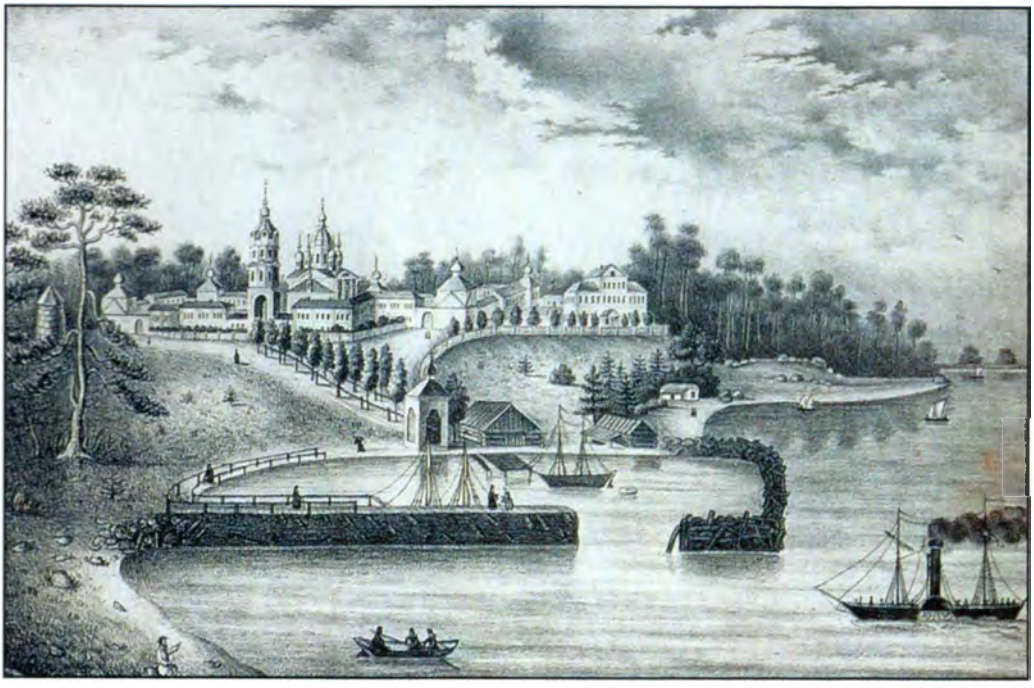
Преподобный Тимон на Соловецких островах.

При первом своем посещении Надеевской пустыни иеромонах Тимон провел здесь два-три дня и всей душой полюбил это место, твердо решив по возвращении из паломничества переселиться сюда для уединенного жительства. Усердно помолившись перед главной святыней пустыни — чудотворным образом святителя Николая — отец Тимон продолжил паломничество; путь его пролегал через Галич, Чухлому, Солигалич, Тотьму, Устюг, Холмогоры, Архангельск и по Белому морю — в Соловецкий монастырь. Здесь подвижник поклонился святым мощам преподобных Зосимы и Савватия, Германа и Иринарха, посетил Анзерский и Голгофо-Распятский скиты. Верный своему благочестивому обычаю собирания богослужебных последований, преподобный переписал здесь для келейного молитвенного употребления акафист Ангелу Хранителю, составленный в 1793-1795 годах соловецким иеросхимонахом Иосифом (список этот впоследствии также хранился в Надеевской пустыни). Наконец, «мысленно испросив себе небесного благословения чудотворцев и сложив в сердце своем словеса мудрости и опыта духовного, подчерпнутого из беседы с подвизавши-



А.М. Шелковников. Вид Соловецкого монастыря. Фото с гравюры 1827 года.

И.В. Ческий. Вид Валаамского монастыря.
Фото с рисунка первой половины XIX века.



Неизвестный художник. Вид Коневецкого монастыря. Фото с литографии 1858 года.

Н.Г. Чернецов. Вид Юрьевца-Поволжского. Фото с картины 1851 года.

мися там старцами высокой духовной жизни»[68], отец Тимон простился с Соловками и направился в обратный путь иной дорогой — через Онегу, Каргополь, Вытегру, Лодейное Поле, Ладогу, Шлиссельбург, Санкт-Петербург, Новгород, Тихвин, Вологду, Грязовец и Галич. В дороге преподобный посещал иноческие обители — Валаамский и Коневецкий монастыри (устав последнего он также списал для духовного руководства); в Новгороде отец Тимон встречался с настоятелем Юрьевского монастыря архимандритом Фотием (Спасским) и с графиней А.А. Орловой-Чесменской, а в Тихвине сделал список со службы явлению чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. Но душа подвижника стремилась в полюбившееся ему Надеево, куда он пришел вновь на обратном пути.

Как согласно повествуют жизнеописатели[69], в этот раз преподобный Тимон, более подробно ознакомившийся с пустынью и окружавшей ее местностью, в восторге души сказал пребывавшим там кривоезерским послушникам: «Быть может, Господь Бог приведет меня жить в эту пустынь с вами, возлюбленная о Христе братия, хотя ненадолго». — «Неужели ты, батюшка отец Тимон, и в самом деле пойдешь сюда жить, в такие непроходимые леса и в такое дикое место?» - удивились его собеседники. Подвижник отвечал: «Многие святые отцы предназначали мне это место для моего спасения. Они говорили так: «Иди в непроходимые леса Надеевой пустыни, и там спасешься». Да кроме того, я сам, грешный, сподоблялся не один раз видеть во сне великого угодника Божия Николая Чудотворца, который, как будто призывая меня к себе, говорил: «Иди в мою древнюю Надееву пустынь, там ты обрящешь себе вечное спасение, и по смерти многотрудное тело твое там же получит упокоение... Несомненно уповая на помощь Божию, покровительство Царицы Небесной и предстательство святителя Христова Николая, я непременно постараюсь исполнить священный долг сей и поселиться в эти отдаленные от общества людей места, дабы свободно наедине слезами очистить свою душу от грехов и неосужденно явиться к Престолу Верховного Судии моего Бога».

Простившись с надеевской братией, преподобный Тимон через Кадый, Юрьевец, Балахну и Нижний Новгород незамедлительно, даже не заходя в Высокогорскую пустынь, направился в Саров — чтобы, вступая на путь отшельничества, испросить благословения преподобного Серафима, к которому обращался за советом и наставлением во всех важных жизненных случаях. В то время святой Серафим еще не оставил полностью своего затворнического подвига, но доступ к нему всех, желавших видеть старца, уже был открыт.

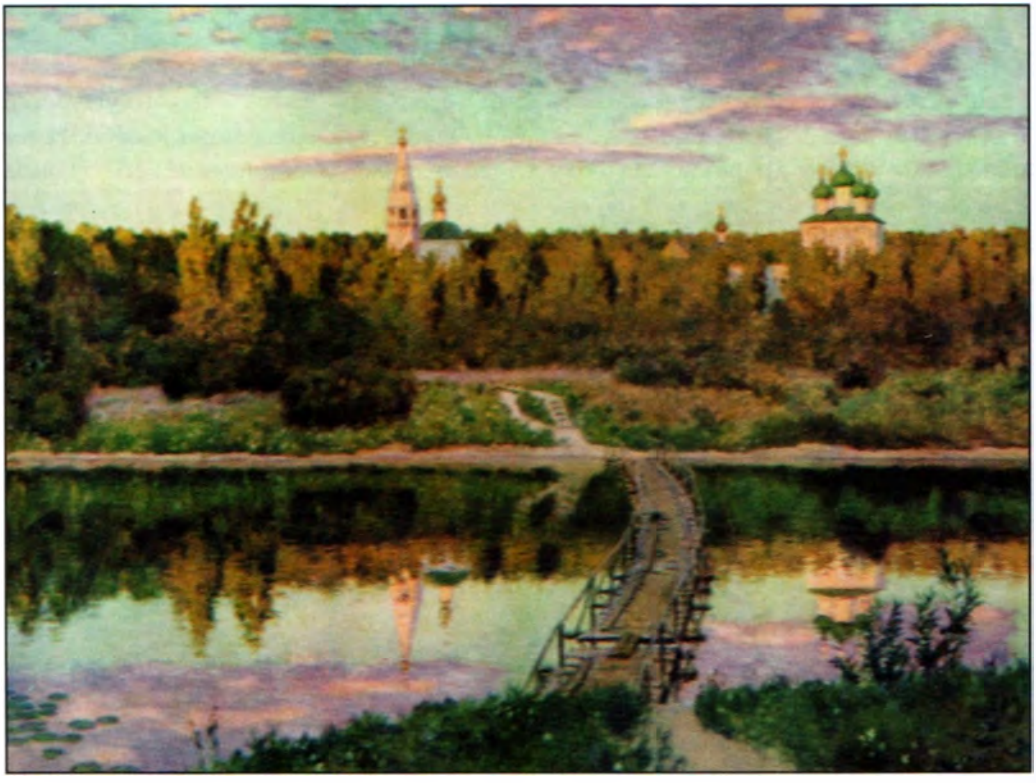
Подробностей беседы саровского старца с отцом Тимоном не сохранилось, однако известно, что преподобный Серафим благословил его приступить к исполнению давнего намерения, при этом произнеся знаменательные слова: «Сей плоды, да расцветут цветы!», и, преподав отцу Тимону многие поучения об истинном пустынножительстве, отпустил с миром[70].

Вдохновленный беседой с великим старцем, подвижник возвратился в Высокогорскую обитель.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В НАДЕЕВСКУЮ ПУСТЫНЬ

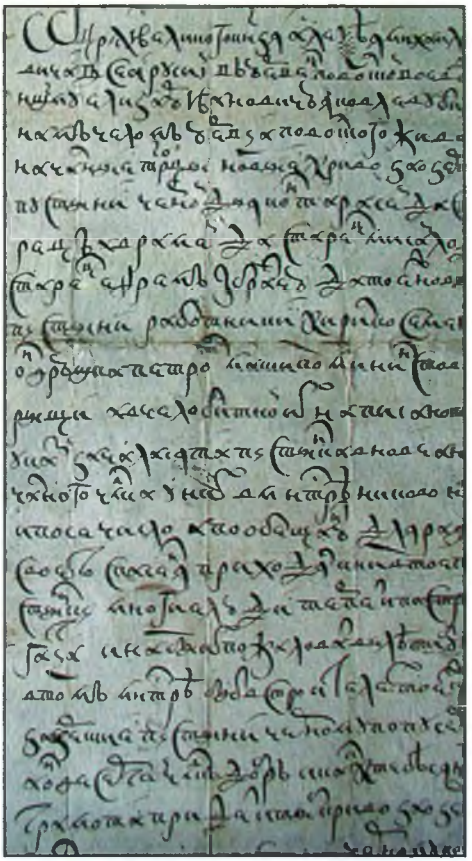
Для того, чтобы оказаться в Надееве, иеромонаху Тимону следовало прежде всего перейти из Высокогорской обители Нижегородской епархии в относящийся к Костромской епархии Троицкий Кривоезерский монастырь, к которому была приписана Надеевская пустынь (до 1787 года Кривоезерская пустынь также входила в состав Нижегородской епархии; в пятидесятые годы XX века место, где она располагалась, было затоплено при строительстве Горьковской ГЭС). Примечательно, что именно этот монастырь запечатлен на известных картинах И.И. Левитана «Тихая обитель» и «Вечерний звон»[71].

Кривоезерская обитель, основанная в 1624 году[72], располагалась в Макарьевском уезде Костромской губернии на левом берегу Волги, напротив уездного города Юрьевца и вблизи давшего ей именование Кривого озера (неподалеку от впадавшей в Волгу реки Унжи); известна она была прежде всего благодаря находившейся здесь чудотворной Иерусалимской иконе Божией Матери, написанной в 1709 году монахом этого монастыря Корнилием, в миру Кириллом Улановым, бывшим царским иконописцем, с 1714 года — игуменом Криво-



И.И. Левитан. Тихая обитель. Фото с картины 1890 года, на которой изображена Кривоезерская пустынь.

езерской обители, принявшим в 1720 году постриг в схиму с именем Карион и скончавшимся в 1731 году[73]. Отец Тимон неоднократно посещал Кривоезерскую пустынь — в годы учебы, во время служения диаконом в Зиняково и позднее, уже после принятия монашества. Вернувшись в Высокогорскую обитель после беседы с преподобным Серафимом, отец Тимон подал прошение на имя епархиального архиерея о перемещении в число братии Кривоезерской пустыни, «дабы, ознакомившись с жизнью и уставом тамошних иноков, удобнее и лучше было бы ему выполнить давнишнее заветное желание идти в леса Николаевской Надеевой пустыни для отшельничества»[74]. Жизнеописатели указывают, что преподобный переселился в Надеевскую пустынь в 1825 году[75]; однако официально он был принят в братию Кривоезерской пустыни в январе 1827 года (что вполне объясняется продолжительностью переписки между Нижегородской и Костромской Духовными консисториями).



Грамота 1648 года о построении в Кривоезерской пустыни деревянного Троицкого храма. Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 360, оп. 1, д. 371, л. 1.

Сохранился указ Костромской Духовной консистории игумену Феодосию о принятии преподобного Тимона в число братии Троицкой Кривоезерской пустыни:

«Присланным в сию консисторию, Нижегородская Духовная консистория вследствие сообщения сей консистории, испрашивающего уведомления, может ли быть уволен Арзамасской Высокогорской пустыни иеромонах Тимон из Нижегородской в Костромскую епархию для определения в Троицкую Кривоезерскую пустынь в число братства, таковым же дала знать, что по учиненной в оной консистории справке оказалось: оный иеромонах от роду имеет 59 лет, в 1800 году поступил из вдовых диаконов в число братства Нижегородского первоклассного Печерского монастыря, из оного в 1811-м переведен в Городецкий Феодоровский с должностию строителя*, от коей в 1818 году за болезнию уволен; а в 1820 году переведен в означенную Высокогорскую пустынь, в

* Период 1801-1806 годов в данном указе не учитывается.

представленной же за прошлый 1825 год* от строителя с братиею монастыря сего ведомости рекомендован он, Тимон, поведения нехудого, и для того он, Тимон, из Нижегородской епархии в Костромскую увольняется вовсе и по Указу Его Императорского Величества консисториею определено, и Его Преосвященством Самуилом, епископом Костромским и Галичским, утверждено о определении означенного иеромонаха Тимона в оную пустыню в число братства послать к Вам, отцу игумену с братиею, указ. Генваря 17 дня 1827 года»[76].

Епископ Костромской и Галичский Самуил (здесь и далее - фото с портретов, хранящихся в Костромском епархиальном управлении).

Настоятель Кривоезерской обители игумен Феодосий (Крюков)[77] с братской любовью принял отца Тимона и, узнав о его желании, выразил полную готовность содействовать ему. Кривоезерский монастырь в описываемое время отличался строгим уставом и высокой духовной жизнью своих насельников, но душа отца Тимона неудержимо стремилась в надеевские леса. Спустя всего три месяца после его поступления в Кривоезерскую пустынь, благодаря ходатайству игумена Феодосия, епископ Костромской и Галичский Самуил (Запольский-Платонов; 1772-1831) — управлявший Костромской епархией с 1817 по 1830 годы — удовлетворил прошение иеромонаха Тимона о переселении в Надеево[78]. Братия обители провожала подвижника с искренним огорчением: за короткое время пребывания в монастыре отец Тимон сумел стяжать всеобщую любовь своим кротким, послушливым и доброжелательным нравом, искренним стремлением помочь и услужить каждому.

Говоря о надеевском периоде жизни отца Тимона, следует отметить: образ его подвижничества здесь все же не мог быть полностью отшельническим. Отпуская преподобного из Троицкой обители, игумен Феодосий при этом поручил ему надзор за духовно-нравственным состоянием братии и попечение о хозяйственном благоустройстве пустыни, а также вменил в обязанность совершать богослужения в воскресные и праздничные дни.

---

* Следовательно, справка Нижегородской Духовной консистории о старце Тимоне была составлена в 1826 году.

ПОДВИГ ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВА

По прибытии в Надеево иеромонах Тимон, совершив Божественную литургию в Никольском храме и усердно помолившись пред чудотворным образом святителя Николая, избрал себе место для уединенного подвижничества - в 10 верстах от пустыни, у реки Шуи, при небольшой речке Василевке. Здесь он выкопал землянку, опустил в нее деревянный сруб и поселился в такой скромной келье (всю обстановку которой составляли иконы, а также несколько душеполезных и богослужебных книг) в совершенном одиночестве. Дни и ночи преподобный проводил в посте, молитве и богомыслии. Жизнеописатель восклицает: «Сколько сладостных ощущений и светлых надежд на милость и благодать Божию просвечивалось в этой чистой, беспорочной душе отца Тимона, очищенной, подобно драгоценному металлу в горниле, искушениями и напастями житейскими, непрестанными подвигами и трудами, потрясающими слух горькими и тяжелыми вздохами и слезами!»[79] Постоянным правилом преподобного стало совершение умной молитвы Иисусовой, дополнявшейся краткими молитвословиями: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, даждь мне истинное смирение! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, даждь мне тишину сердечную! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, даждь мне зрети мое прегрешение! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, даждь мне Тебе и ближнего моего любити и во всем святую волю Твою творити!» Чтение Четвероевангелия, Псалтири, акафистов и святоотеческих книг (многие из которых были переписаны им самим) старец соединял с молитвенными поклонениями Пресвятой Троице, Господу Иисусу Христу и Пресвятой Владычице Богородице; по пятницам же он читал «Богомысленное размышление о Пречистых Страстях Христовых» из творений святителя Димитрия, митрополита Ростовского.

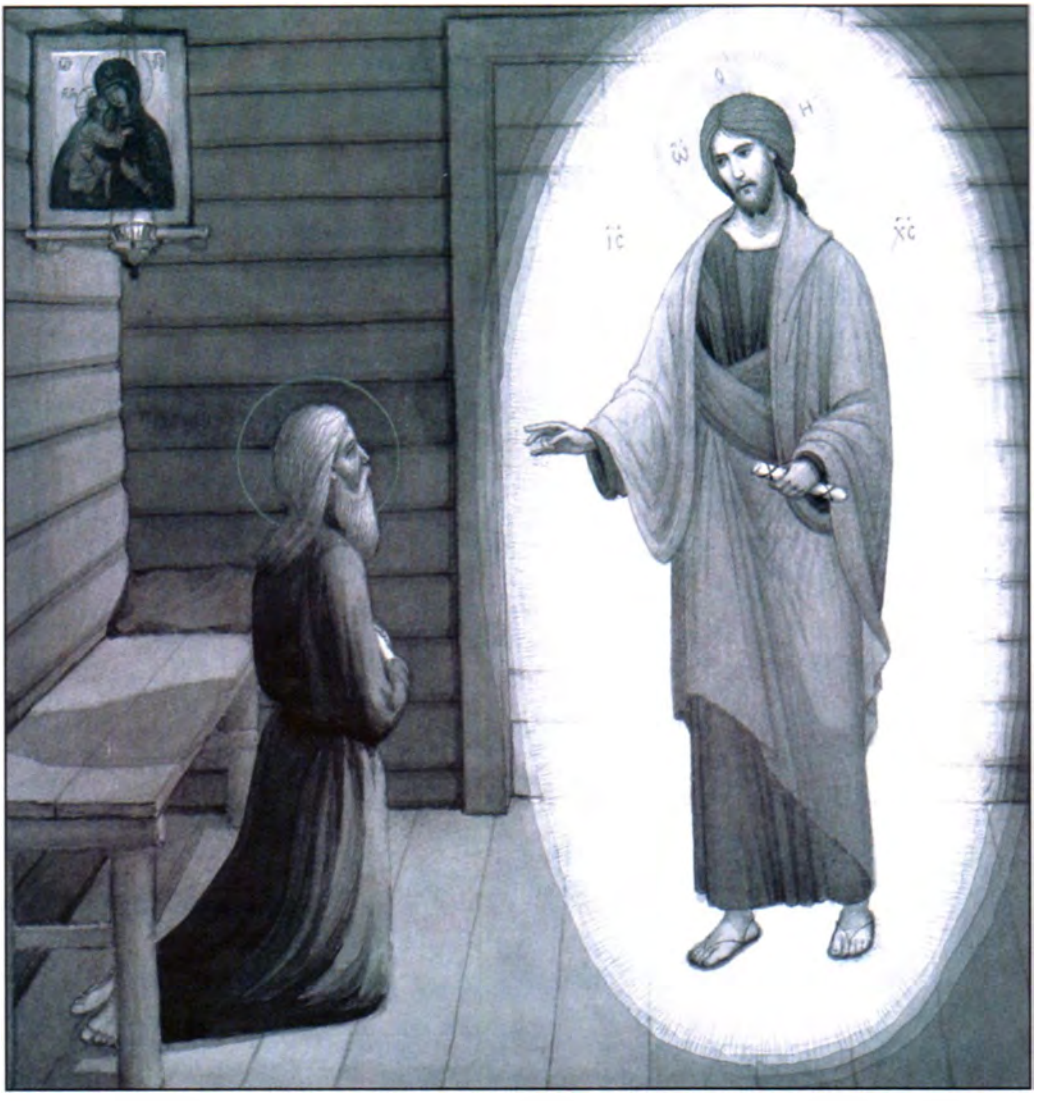
Преподобный Тимон строит пустынную келью.

С исполнением молитвенного правила и чтением душеполезных книг преподобный Тимон соединял строгий пост, принимая пищу только для того, чтобы не утратить телесных сил. Всю его трапезу составляли хлеб[80] и вода в ограниченном количестве, по праздникам — картофель, тертая редька или капуста; во время постов старец иногда вообще не вкушал пищи на протяжении нескольких дней. Несмотря на крайне суровый образ жизни, отец Тимон при этом был физически крепок и светел лицом. Ни одной свободной минуты он не оставлял без дела: вблизи своей келии он устроил небольшой огород, в теплое время года заготавливал дрова на долгую и снежную зиму — так что отдых его от молитвы и трудов занимал не более трех часов в сутки. Доводилось старцу претерпевать и бесовские искушения, особенно в начале отшельнической жизни. Как указывает игумен Тихон, «враг рода человеческого представлял ему то разного рода мечты и страхования, то наводил на него тяжкий и продолжительный сон, то борол его унынием; но доблестный подвижник молитвой и постом и крестным знамением отражал, при помощи содействующей ему благодати Божией, все козни и злоухищрения диавола»[81].

Исполняя послушание, данное ему игуменом Феодосием, преподобный Тимон по воскресным и праздничным дням оставлял свою келью и совершал богослужения в Никольском храме пустыни. Молва о подвижнике распространилась по окрестностям, и многие верующие стали посещать Надеевскую обитель, чтобы получить благословение старца. Отец Тимон вначале по смирению не давал людям советов и наставлений, считая это служение превышающим его духовные силы; но по истечении почти шести лет пустынного безмолвия Господь призвал его к новому подвигу на благо Церкви и народа Божия.

В одну из пятниц, по молитвенном прочтении «Богомысленного размышления о Пречистых Страстях Христовых», преподобный, отягощенный дневными трудами, заснул и был сподоблен чудесного откровения. «И видит он во сне как бы вошедшего в его келию Самого Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, блистающего необычайным лучезарным светом, Который сказал устрашенному пустынножителю: «Радуйся, верный служитель Мой Тимон, и спасайся!» Трепещущий от чудного и внезапного видения Господа, Тимон молчал и только в страхе и благоговейном ужасе взирал на своего Создателя и Владыку, и наконец, ободренный Им Самим, поднявшись со своего жесткого ложа, поклонился Ему до земли и сказал: «Благослови меня, Сладчайший мой Господь и Спаситель, и помоги мне, грешному». Господь же изрек ему: «Не ужасайся, старец, а сотвори то, что Я повелю тебе. Иди в пустынь угодника Моего святителя Николая Чудотворца, в которой спасались некогда многие иночествующие, и возобнови ее для жительства вновь иночествовать имеющим по тебе в последующие годы». И видение окончилось»[82].

Преподобный, пораженный чудесным явлением Спасителя, тем не менее замедлил исполнить Его повеление. Причину этого священник Алексий Воскресенский объясняет так: «Он [преподобный] был настолько опытен в духовной жизни, что, зная о кознях врага, в различных образах являвшегося под-



Явление Господа Иисуса Христа преподобному Тимону.

вижникам древности, не мог сразу поверить действительности только что полученного им повеления, опасаясь впасть в прелесть; да и смиренномудр он был до такой степени, что даже сама мысль о восстановлении обители, как дела для него невозможного, никогда не касалась смиренной его души, а необходимость оставления своего сладкого уединения была для пустыннолюбивой его души непомерно тяжелой»[83]. За такую медлительность отцу Тимону было послано грозное вразумление Божие, о котором сам он так рассказывал впоследствии: «Грех моих ради великих повелел Господь мне из пустыни выйти на

хутор *[погост - А.А.]*, жить там и основать монастырь. Но аз никак не хотел разлучиться с пустыней и противился Господу своему. За то меня Господь наказал: разбил меня паралич, и аз лежал, как мертвый. Приехали монастырские работники за лесом и, привезши мне пищи, нашли меня без памяти и без языка, и всего разбитого, и взяли меня и привезли на хутор. Но Господь Бог мой чудесно меня исцелил в скором времени, яко николи же был болен. И аз благодарил Господа Бога моего и более противиться воле Божией не стал и остался на том месте жить, и Господь благословил место сие»[84]. Устное предание, записанное впоследствии, говорит также, что больному отцу Тимону явились преподобные Макарий Унженский и Тихон Луховский - чтимые святые Костромского края - которые, благословив старца, сказали ему: «Господь послал нас к тебе подать здоровье. Встань ты от болезни и снова продолжай свои подвиги, но никогда не противься святейшей воле Господа нашего Иисуса Христа, хотящего нам всякого блага для спасения наших душ»[85].

Преподобный, исполненный благодарных чувств к Богу за свое чудесное исцеление, постепенно стал приуготовляться к исполнению данного ему повеления Божия; однако чем дольше подвижник размышлял о том, как возобновить Надеевскую пустынь, тем более это дело казалось невозможным для него — и по возрасту, и по слабости телесных сил, и по отсутствию материальных средств для начала работ. Но однажды, когда отец Тимон предавался подобным скорбным раздумьям, ему в легком сне явился святитель Николай и с любовью сказал: «Что ты скорбишь, старец, о таком деле, которое совершенно зависит от воли Божией? Неужели Господь, благоволивший избрать тебя для исполнения воли Своей, не силен помочь тебе? Вот ты посмотри, что для тебя при мне имеется»[86]. С этими словами святитель Николай показал старцу мешок, полный золота, и тотчас стал невидим. Сомнения, столь долго томившие отца Тимона, после этого явления рассеялись; твердо уповая на помощь Божию, он стал готовиться к воссозданию пустыни.

Преподобные Тихон Луховский и Макарий Унженский. Икона конца XIX века.

НАЧАЛО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ НИКОЛО-НАДЕЕВСКОЙ ПУСТЫНИ

Возобновление Надеевской пустыни решено было начать со строительства здесь каменного храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. Первоначальная мысль о постройке нового храма в Надеево принадлежала благодетелю отца Тимона игумену Феодосию — который еще в 1820 году письменно просил епископа Самуила «о даче благословения нам в выстройке теплой церкви», намереваясь посвятить ее имени преподобного Макария Унженского. Выбор небесного покровителя для нового храма был не случаен: в документах XVII века, хранившихся в Надеевской пустыни (см. Приложение 1), указывалось, что кроме престола во имя святителя и чудотворца Николая древний деревянный храм обители имел и престол, посвященный преподобному Макарию[87]. Однако, промыслом Божиим, этот вопрос так и остался неразрешенным до прибытия в Надеево старца Тимона.

Ходатайства о разрешении новой постройки заняли почти весь 1831 год. Первое прошение на имя епископа Костромского и Галичского Павла (Подлипского; 1788-1861), управлявшего Костромской епархией в 1830-1836 годах, «о дозволении в Надеевской пустыни на место ветхой деревянной во имя святителя Николая [церкви] выстроить новую каменную во имя Успения Божией Матери с приделами святителя Николая и Макария Унженского чудотворца» было отправлено еще 21 января[88]; видимо, тогда же началась разработка проекта, который был готов и утвержден губернским архитектором в июле.

Однако Преосвященный, помня удаленность Надеевской пустыни от жилых мест и ее прежнее запущенное состояние (а также беспокоясь, чтобы предстоящие работы не принесли ущерба материальному положению Кривоезерской обители), не спешил преподавать благословение на новое дело. Об этом свидетельствует указ строителю Троицкой Кривоезерской пустыни иеромонаху Макарию:

«Сего июля 29-го дня присланным к Его Преосвященству Павлу (...) Вы, строитель с братиею, прошением просили о дозволении вам по освидетельствованному губернским архитектором плану и фасаду, (...) в Надеевской пустыни построить каменную церковь с таковою же колокольнею. На котором прошении резолюциею Его Преосвященства предписано: «Учиня надлежащую справку о Надеевской пустыни, потом в каком устройстве находится Кривоезерская пустынь, доложить с мнением». И для того, по указу Его Императорского Величества консисториею определено: о доставлении сведений, какую надобность имеете вы в постройке сея церкви, на каком положении она существовать будет, какие выгоды от Надеевской пустыни полагаете ныне и какие предполагаете на будущее время, предписать Вам, строитель, указом. Июля 30-го дня 1831-го года»[89]. Кроме того, епископ Павел высказал желание лично ознакомиться с состоянием Надеевской пустыни.

В итоге дело решилось после вмешательства помещика В.С. Ашиткова — усердного помощника преподобного Тимона; он лично обратился к епископу Павлу с ходатайством, смысл которого ясен из следующего указа консистории иеромонаху Макарию:

«Минувшего октября 26-го числа (...) помещик майор и кавалер Василий Степанов сын Ашитков прошением прописывая, что Вы, строитель с братиею, июля 29-го числа сего года Его Преосвященство прошением просили о построении, вместо деревянной состоящей в Надеевской пустыни во имя святителя и чудотворца Николая церкви, каменной во имя Успения Божией Матери с приделами святителя Николая и преподобного Макария Унженского чудотворцев, на котором прошении резолюция Его Преосвященства последовала таковая: «Остановиться до личного Его Преосвященства обозрения», а как усердие его, Ашиткова, есть содействовать в постройке оной пособиями его по силе и присмотром, да и прочие вблизи живущие всякий по своей силе объявили подпиской давать помощь, чтобы, не касаясь до сумм главной Кривоезерской пустыни, а просимый храм воздвигнуть на особенное в Надеевскую пустынь подаяние, от постройки же сего храма произойдет польза — во-первых, иметь будут все те старцы, (...) долженствующие быть в той пустыни, место для богослужения, и они, вблизи живущие, свет назидания в подвигах духовных, и, во-вторых, не запустить то место, на коем приносилось Господу Богу славословие, испрашивал с приложением плана и фасада с профилью и подписки усердствующих дозволения на построение в Надеевской пустыни каменной церкви, на котором прошении резолюцией Его Преосвященства предписано: «По прописываемым причинам дозволяется производить каменное строение церкви с колокольней в Надеевской пустыни по утвержденному плану»; и для того по указу Его Императорского Величества консисторией определено: о дозволении строить в Надеевской пустыни каменную церковь с колокольней (...) и когда все приготовлено будет, тогда с приложением свидетельства о освящении церкви просить дозволения особо. Ноября 18-го дня 1831-го года»[90].

Епископ Костромской и Галичский Павел (Подлипский).

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА СТАРЦА ТИМОНА С ПРЕПОДОБНЫМ СЕРАФИМОМ

Получив разрешение архипастыря и приступая к трудам, преподобный Тимон не мог не испросить на это дело благословения своего духовного отца — преподобного Серафима. В апреле 1832 года убеленный сединами подвижник пешком, преодолевая немалые дорожные трудности, пришел в Саров.

К описываемому времени имя преподобного Серафима стало известно многим боголюбивым людям земли Русской. «Созревши в духовной жизни, он, уже старец, всего себя посвящает на деятельное служение ближним. И богатые и бедные, и знатные и простые ежедневно тысячами стекались к его келии и, падая ниц пред согбенным старцем, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искренней любовью и благодарностью каждое его слово»[91]. Но преподобный Серафим не только достиг святости и личного спасения, явив собственным жизненным подвигом евангельский образ подлинного христианства, не только *«сотворил и научил» (Мф. 5, 19)* пути ко спасению своих духовных чад; он открыл миру саму цель христианской жизни. Поистине, *«немудрое Божие премудрее человеков» (1 Кор. 1, 25)*; вопрос, на протяжении веков обсуждавшийся выдающимися мыслителями и теологами, был разрешен простыми словами смиренного саровского инока — «истинная цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божиего»[92]...

Преподобный Серафим Саровский. Икона начала XX века.

Дойдя до келии преподобного Серафима, отец Тимон с нетерпением ожидал встречи со своим наставником, но тот не допускал его к себе; другие посетители беспрепятственно проходили к угоднику Божию, а старец тщетно простоял у келии преподобного до самого вечера. Наконец и ему дано было благословение войти.

Г. Мешков. Вид Саровского монастыря.
Фото с офорта первой половины XIX века.

Позднее старец Тимон так описывал эту встречу: «Аз же, взошедши, падох ему на ноги и от радости много плакал, что чрез много лет сподобился видеть еще его в живых, и сказал ему: «Отче святый! За что вы на меня, грешного, прогневались и целый день меня до себя не допускали?» Он же меня посадил и начал говорить: «Нет, не тако, отче Тимоне! Аз тебя люблю; но это я сделал потому, что ты монах, да еще и пустынножитель, потому должен ты иметь терпение; да еще испытывал тебя, чему ты научился, живши столько лет в пустыне: не пустой ли ты из нее вышел? А прочие люди — мирские, да еще и больные; их надобно прежде полечить и отпустить; ибо здравии врача не требуют, но болящии, как Господь сказал. А с тобой надобно при свободном времени больше побеседовать». И тако с ним всю ночь препроводили в беседе»[93].

Во время этой ночной беседы, благословляя своего ученика на труды по возрождению обители, преподобный Серафим сказал: «Очень радуюсь, что в прошедшем Надеевская пустынь с иночествующими была в хорошем и душеспасительном состоянии. В ней были великие и святой жизни подвижники, из числа коих некоторые почивают на том самом месте, где ты должен будешь строить храм, как сие сам узнаешь и увидишь»[94]. Далее преподобный Серафим обратился к старцу Тимону со следующими словами (цитируемыми в «Сказании инока Парфения»[95]): «Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии; всё где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будеши от

своего Господина, но отдавай его торжникам: пусть куплю деют*. Еще скажу тебе, отче Тимоне: не води дружбы и не имей союза, во-первых, с врагами Христовой Церкви, то есть с еретиками и раскольниками; во-вторых, с теми, которые святых постов не соблюдают; в-третьих, с женами, ибо они много нас, иноков, повреждают. А в своей новоустроенной обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и по уставу святых отец, чтобы никто не творил своей воли; винное питие и табак употреблять отнюдь никому не позволяй; даже, сколько возможно, удерживай и от чаю: чревоугодие — не монашеское дело»[96].

Беседа преподобного Серафима с преподобным Тимоном.

После беседы наставник и ученик встали на молитву, прося Господа Бога открыть им прежнюю славу Никольской Надеевской обители. В духовном состоянии, именуемом святыми отцами восхищением, они увидели прежних насельников пустыни — «кровию венчанных и за Христову веру избиенных от татар лики мучеников, столпников и отшельников»[97]. Придя в себя после чудесного видения, преподобный Серафим и преподобный Тимон возблагодарили Господа и Его Пречистую Матерь за оказанную им великую милость. После этого преподобный Серафим, укрепляя ученика в предстоящем подвиге, повторил некогда уже сказанные ему слова - «сей, Тимон, сей плоды, да расцветут цветы» - и, благословляя старца Тимона на обратный путь, предсказал скорое свое преставление ко Господу: «Наступает уже время, в которое я должен предстать к Нелицеприятному Судии Богу и отдать отчет в своих делах, ибо по

*Данная притча преподобного Серафима — сокращенное изложение двух евангельских притч Господа Иисуса Христа: о сеятеле (Мф, 13, 3-23; Мк, 4, 3-20; Лк, 8, 4-15) и о талантах (Мф. 25, 14-30; Лк, 19, 12-27).

прошествии восьми месяцев после нашего с тобою свидания я вызван буду из сей временной земной жизни в вечную жизнь, а ты после меня проживешь на земле еще семь лет. Прошу тебя, дорогой мой друг отец Тимон, поминай меня во святых своих молитвах; в благословение тебе даю после себя лапотки, которые и завещаю надеть тебе на свои ноги тогда, когда Господь воззовет тебя в небесные Свои обители. Теперь иди в свою Надееву пустынь и, что Господь покажет, то и делай. Он там утешит тебя еще и не одним откровением, которыми ты и доселе был сподобляем от Бога»[98].

Пав друг другу в ноги и облобызавшись по монашескому обычаю в плечи со словами: «Христос посреде нас! — И есть, и будет!», преподобный Серафим и преподобный Тимон расстались. Провожая ученика из своей келии, святой Серафим со слезами сказал: «Господь да благословит тебя и твой путь, дорогой мой отец Тимон. Прости! Я несомненно верую, что мы с тобою увидимся в вечности. Ради Бога, будь тверд в вере, не ослабевай в трудах своих и храни устав по правилам святых отец»[99]. Эта встреча подвижников действительно оказалась последней: 2 января 1833 года преподобный Серафим отошел ко Господу...

Возвращаясь из Саровской обители, преподобный Тимон посетил Кривоезерскую пустынь, в числе братии которой официально состоял. Возглавлявший монастырь в то время (с 1827 по 1832 год) иеромонах Макарий приветствовал старца словами: «Слава Богу, что Царица Небесная опять возвратила тебя сюда счастливо»[100], и, узнав подробности встречи отца

Встреча преподобного Тимона со святителем Николаем по пути в Надеевскую пустынь.

Тимона с преподобным Серафимом, советовал ему по возвращении в Надеево безотлагательно приступить к возобновлению пустыни.

Приближаясь к Надееву и в полном одиночестве проходя дремучим лесом, преподобный много думал о предстоящем воссоздании обители и строительстве каменного трехпрестольного храма. По дороге преподобный Тимон догнал пожилого путника, идущего в том же направлении, что и он. «Мир тебе, блаженный старец!» - приветствовал странник иеромонаха Тимона. — «И с тобою да будет Господь, добрый мой спутник», - отвечал тот. Оба старца пошли вместе; между ними завязался разговор, и отец Тимон поведал страннику обстоятельства своего возвращения в Надеево. «В чье же имя ты думаешь построить храм?» - спросил путник. — «Если Господу и Его великому угоднику святителю Николаю Чудотворцу будет угодно, то я думаю построить храм трехпрестольный, а именно: первый и главный в честь Успения Божией Матери, потом в приделах на правой стороне во имя преподобного Макария, а на левой — святителя Николая Чудотворца». — «Святитель Николай», - возразил путник, - «по Божию произволению повелевает тебе поступить в этом деле так: в имеющем строиться храме первый престол посвятить памяти Успения Пресвятой Богородицы, а в приделах: на правой стороне — во имя святителя Николая Чудотворца, на левой же — во имя преподобного Макария. А что касается средств для постройки храма, то в этом надейся на милость Божию: я помогу тебе»[101].

Теперь старец Тимон ясно понял, что с ним беседует сам святитель Николай; он пал перед угодником Божиим на колени, но тот успокоил его и тотчас сделался невидимым, а преподобный с радостью и восторгом продолжил свой путь и прибыл в Надеевскую пустынь.

Преподобный Макарий Унженский и Желтоводский. Икона XIX века.

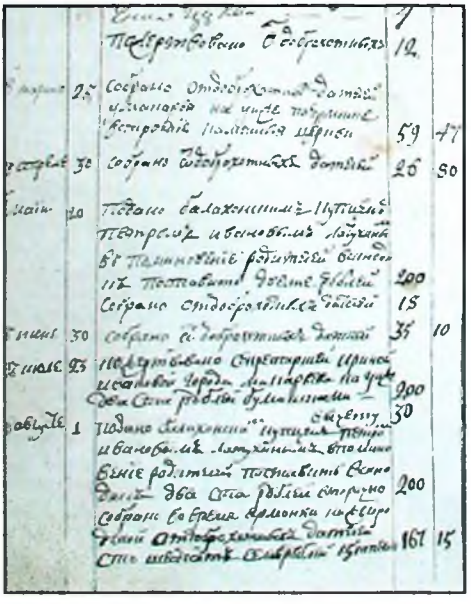
СТРОИТЕЛЬСТВО УСПЕНСКОГО ХРАМА

Уже в 1832 году преподобный Тимон приступил к строительству храма. Ему помогали как настоятели Кривоезерской пустыни, так и почитавшие старца местные помещики - Иларионовы, Нелидовы и в особенности В.С. Ашитков; при их участии в Надееве был построен небольшой кирпичный завод, на котором вместе с братией обители трудился и сам отец Тимон. Жизнеописатель отмечает: «Для приобретения необходимых средств старец прибегал и к давно испытанному в России способу — стучаться в двери христианского милосердия верующих, делившихся с ним избытками своих стяжаний. Для той же цели, как и для закупки необходимых материалов, он теперь посещал не только окрестные многолюдные селения, но неоднократно предпринимал и далекие поездки в Нижний Новгород[102], где жили люди еще прекрасно его помнившие и искренне почитавшие его, от которых старец получал нескудные жертвы на предпринятое им дело»[103].

Нижний Новгород. Фото с открытки начала XX века.

Главным помощником преподобного Тимона стал иеромонах Никон (Прихудайлов)[104] — который и правил вместе с отцом Тимоном Надеевской пустынью до своего отбытия в Нило-Сорскую обитель[105]. Священник Алексий Воскресенский отмечает: «Его [иеромонаха Никона] участие в восстановлении Надеевой пустыни выражалось главным образом в разделении со старцем Тимоном богослужебного

Кирпич, производившийся в монастыре (маркировка «НИП» - «Никольская Надеевская пустынь»). Фото 2003 года.

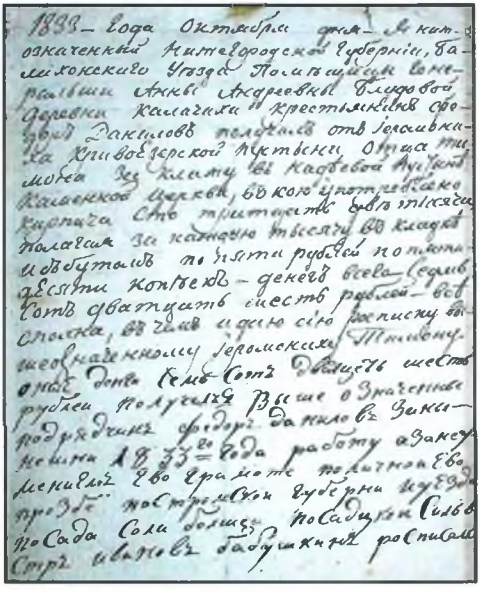


Книга для сбора пожертвований на строительство Успенского храма: слева — обложка, справа — одна из страниц. Государственный архив Ивановской области (ГАИО), ф. 893, оп. 1, д. 164.

труда, так как по множеству приходивших сюда богомольцев, желавших помянуть родителей и сродников своих, в его время совершаемы были почти ежедневно по две литургии: в древнем и новом храмах*. В отсутствие же старца из обители управление ею переходило к иеромонаху Никону»[106]. Жизнеописатель иеромонаха Никона также свидетельствует: «Старец пустынножитель отец Тимон очень полюбил иеромонаха Никона и стал просить его переселиться на постоянное житье в Надеевскую пустынь. Игумен Макарий благословил ему жить постоянно в Надеевской пустыни, совершать там богослужение и заведывать клиросом»[107].

Начатое в 1832 году строительство, несмотря на участие в нем местных благотворителей, тем не менее уже вскоре потребовало дополнительного сбора средств. В Государственном архиве Ивановской области сохранилась книга для записи пожертвований на постройку (1833-1835 годы), озаглавленная: «Книга, данная из Костромской Духовной консистории Троицкой Кривоезерской пустыни иеромонаху Тимону, если же когда какое-либо иметь будет он препятствие в производстве сбора, то чинить оный иеромонаху Павлу, по прошению строителя той пустыни иеромонаха Иосифа, по резолюции Его Преосвященства Павла, Епископа Костромского и Галичского и Кавалера, для сбора от доброхотнодателей по Костромской епархии подаяний на устроение в Надеевой пустыни вновь каменной церкви во имя Успения Божией Матери с двумя

*Имеются в виду деревянный Никольский и каменный Успенский храмы.



Расписка подрядчика Ф. Данилова. ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 165, л. 1.

приделами во имя святителя Николая и преподобного Макария», выданная 2 мая 1833 года[108].

Преподобный Тимон привлекал к строительству храма не только местных мастеров, но и своих земляков-балахнинцев. Об этом свидетельствуют расписки в получении денег за работы. Вот одна из них:

«1833 года октября (...) дня я, нижеозначенный Нижегородской губернии, Балахонского уезда помещицы генеральши Анны Андреевны Блудовой, деревни Калачихи крестьянин Федор Данилов, получил от иеромонаха Кривоезерской пустыни отца Тимона за клажу в Надеевой пустыне каменной церкви, в кою употреблено кирпича сто тридцать две тысячи, полагая за каждую тысячу в кладке и с бутом по пяти рублей по пятидесяти копеек денег всего седмь сот двадцать шесть рублей — все сполна, в чем и даю сию расписку вышеозначенному иеромонаху Тимону. Оные деньги семь сот двадцать шесть рублей получил вышеозначенный подрядчик Федор Данилов за нынешнюю 1833-го года работу, а за неумением его грамоте по личной его просьбе Костромской губернии и уезда посада Соли Большие посадский Сильвестр Иванов Бабушкин расписался»[109].

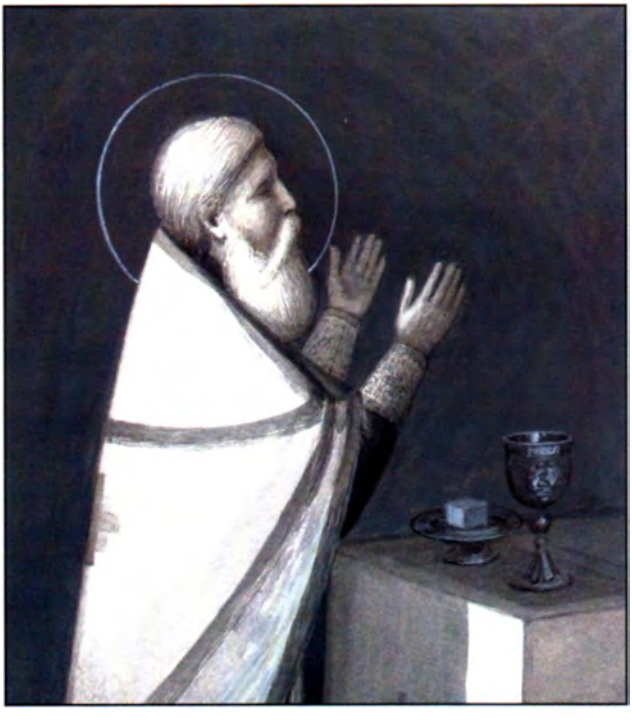
В октябре 1834 года завершились работы по устройству основной части церковного здания с двумя боковыми приделами (главный придел в честь Успения Пресвятой Богородицы тогда еще не был готов). Следует отметить, что приделы храма были украшены иконостасом и иконами из Воскресенской церкви посада Пучежа, о чем свидетельствует указ Костромской Духовной консистории:

«Сего ноября 23-го числа поданным Его Преосвященству Павлу, Епископу Костромскому и Галичскому и Кавалеру, Николаевской Надеевской пустыни иеромонах Тимон прошением, с приложением данного от священно-церковнослужителей и прихожан посада Пучежа Воскресенской церкви согласия, просил о дозволении принять в приделы строящегося в той обители каменного храма древний иконостас и святые иконы, исключая нижнего яруса, жертвуемые означенными священно-церковнослужителями и прихожанами. На котором прошении резолюциею Его Преосвященства предписано: «Дозволить». Для того по указу Его Императорского Величества консисториею определено: о дозволении учинить просимое послать к Вам, отцу строителю, указ. Ноября 26-го дня 1834-го года»[110].

6 декабря 1834 года при огромном стечении народа по благословению епископа Костромского и Галичского Павла состоялось освящение Никольского придела. Освящение и Божественную литургию совершали: сам иеромонах Тимон, иеромонах Никон, священник из церкви близлежащего села Словинка Иоанн Нифонтов, иеродиакон Гедеон, диакон словинского храма. С этого времени преподобный Тимон ежедневно служил в Никольском приделе Божественную литургию на протяжении семи месяцев — до июля 1835 года, когда епископ Павел, обозревая епархию, посетил Надеевскую пустынь и, увидев придел во имя преподобного Макария полностью готовым, освятил его в самый день памяти Унженского чудотворца, 25 июля[111]. По воспоминаниям современников, на это торжество в Надеево собралось множество людей, «так что одних наиболее почетных посетителей, разделявших праздничную трапезу с архипастырем, было более 40 человек»[112].

СЧЕТЪ
ГУБКИНА

Счет на приобретение для Успенского храма дарохранительницы. ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 165, л. 4.



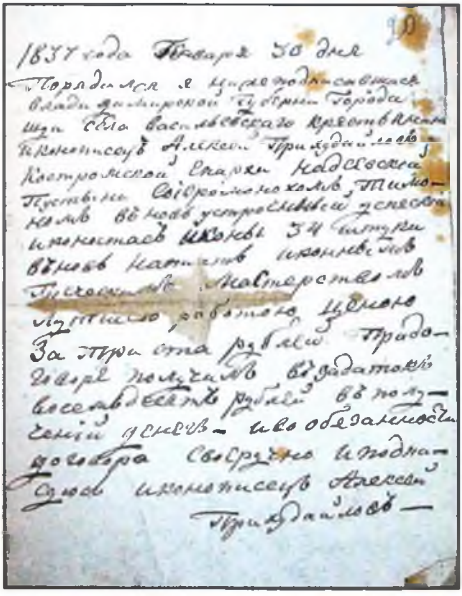
Преподобный Тимон совершает Божественную литургию.

В описываемое время братия Надеевской пустыни была немногочисленной. Кроме самого преподобного Тимона — о котором указывалось: «Находится правителем и устроителем в Надеевской пустыни, при вновь строящейся каменной церкви, временем там исправляет чреду священнослужения и прочие по пустыни должности»[113] - в число насельни-

ков входили иеромонах Никон, иеродиакон Иоанн (Тимофеев), рясофорный послушник Николай Иконников и послушник Александр Руттилевский[114].

После освящения боковых приделов главным предметом попечения преподобного Тимона стала достройка главного придела храма. Наконец, в 1837 году работы в Успенском приделе полностью завершились, и по благословению нового правящего архиерея — епископа Владимира (Алявдина; 1791-1845), пребывавшего на Костромской кафедре с 1836 по 1842 год — 5 января 1838 года состоялось его освящение, которое возглавил настоятель Паисиево-Галичского мужского монастыря архимандрит Дионисий (Муравьев)[115]. Следует отметить, что, по утверждению А. Ковалевского, храмовая икона Успения Пресвятой Богородицы была написана иеромонахом Никоном: «Пожелал он [иеромонах Никон] храмовую икону — Успения Богоматери, своего письма, украсить благолепною серебропозолоченною ризою. Для этого отправился он за сбором к родным своим и знакомым, и при их помощи украсил икону эту ценною серебропозолоченною ризой, с украшениями изображений на ней Спасителя и Богоматери жемчугом и драгоценными каменьями»[116].

Епископ Костромской и Галичский Владимир.



Во время достройки Успенского придела произошло чудесное событие, засвидетельствованное в монастырских бумагах. После окончания отделочных работ старец Тимон поручил группе живописцев украсить придел росписями. Известно, что иконостас Успенского придела писал Алексей Прихудайлов — судя по всему, брат иеромонаха Никона. Об этом говорит его расписка: «1837 года генваря 30 дня. Порядился я, нижеподписав-

Расписка А. Прихудайлова. ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 165, л. 20.

шийся Владимирской губернии города Шуи села Васильевского крестьянин иконописец Алексей Прихудайлов, Костромской епархии Надеевской пустыни со иеромонахом Тимоном в новь устроенный Успенский иконостас иконы 34 штуки вновь написать иконным греческим мастерством лучшею работою ценою за три ста рублей. При договоре получил в задаток восемьдесят рублей, в получении денег и во обязанности договора своеручно и подписуюсь. Иконописец Алексей Прихудайлов»[117].

В ночь с 1 на 2 октября 1837 года, когда художники уже ушли из храма, послушник увидел исходящий из церковного здания необычайный свет. Испуганный, он прибежал в помещение, занимавшееся живописцами, и сказал: «Зачем вы оставляете огонь в церкви? Пойдите и посмотрите, не загорелось ли что там». «Встревоженные живописцы поспешили к церкви и, подойдя к окну, увидели, что посреди храма стоял большой подсвечник с возженными местными свечами, а по обе стороны его в молитвенном положении стояли два иноках схимника, блиставшие небесным светом. Чрез послушника живописцы тотчас же известили отца Тимона о происходящем в церкви. Старец поспешил туда. Приблизившись к дверям храма, он оградил их крестным знамением и приказал отворить. Все вошли внутрь храма. Здесь было темно. «Что бы означало это видение: не мечта ли от врага?» — спросили старца. — «Что видели вы — то не мечта», — ответил он. — «Господь Бог благословит сие место Своею благодатью; вы же о сем не разглашайте, ибо дела Божии для нас непостижимы». Такое же явление предшествовало и самому освящению храма»[118].

Епископ Владимир высоко оценивал труды старца. Указом от 30 апреля 1837 года он поощрил преподобного: «Отцу Тимону за его тщательное попечение об устроении Надеевской пустыни объявить от имени моего признательность и благодарность»[119], а вскоре после освящения наградил его грамотой (№ 1576 от 9 мая 1838 года) следующего содержания: «За благочестивую Вашу жизнь и примерное усердие к устроению храма Господня во имя Успения Пречистой Богородицы объявляем Вам нашу архипастырскую благодарность и благословение; во свидетельство чего за подписом моим и даю Вам сей похвальный лист. Владимир, Епископ Костромской и Галичский»[120]. Нужно отметить, что владыка Владимир не только последовал примеру своих предшественников на Костромской кафедре — епископов Самуила и Павла, глубоко чтивших преподобного Тимона, — но и был его духовным сыном[121].

Особое отношение епископа Владимира к преподобному Тимону подчеркивают и такие примечательные факты. В 1838 году строитель Троицкой Кривоезерской пустыни иеромонах Паисий[122] предпринял попытку ограничить экономическую самостоятельность Надеевской пустыни посредством упразднения ее приходо-расходных книг. На это последовал указ Костромской Духовной консистории:

«Сего генваря 3 дня при рапорте к Его Преосвященству Владимиру, Епископу Костромскому и Галичскому и Кавалеру, Вы, строитель, представляли приходо-расходные книги Надеевской Николаевской пустыни, просили оные

Собственноручная подпись преподобного Тимона. ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 185, л. 85.

уничтожить и Надеевскую пустынь оставить в непосредственном заведовании Кривоезерской. На котором рапорте резолюциею Его Преосвященства предписано: «Поелику Надеевская пустынь находится в зависимости от Кривоезерской пустыни, то не подвергая оной той отчетности, коей подчинены прочие пустыни, особенно по уважению к настоящему правителю ее иеромонаху Тимону, и по немощи его, и по дознанной его честности, а паче по неимению в сей пустыни знающих счетоводство, оставить ее в непосредственном заведовании Кривоезерской пустыни с тем, чтобы строитель имел наблюдение за приходом и расходом суммам, и чтоб он вместе со своими книгами чрез полгода представлял краткую ведомость о приходе и расходе их за подписом правителя пустыни и старшей братии...» Генваря 31 дня 1838 года»[123].

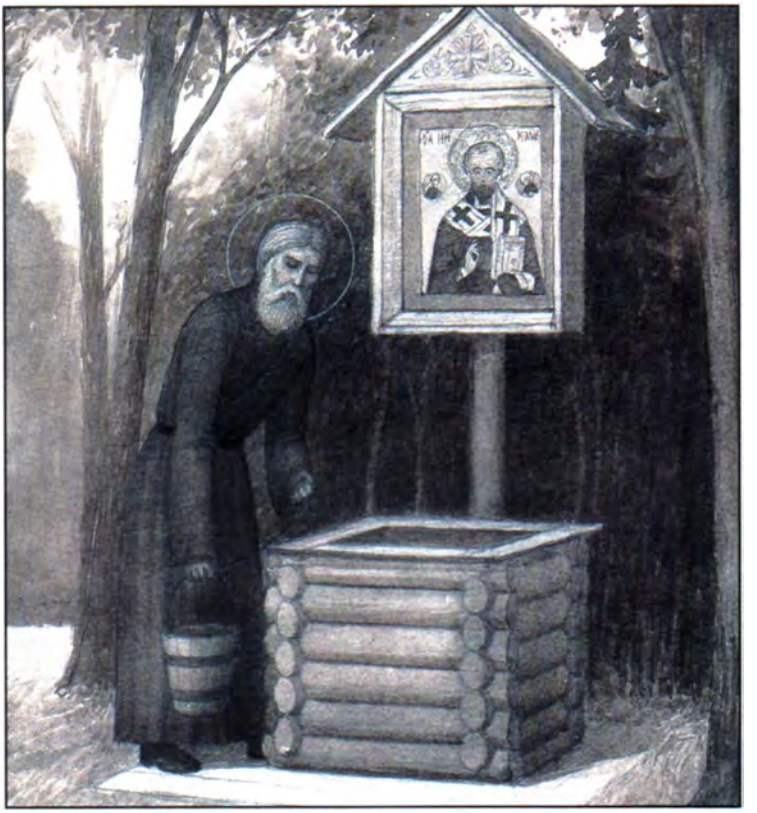
Однако иеромонах Паисий продолжил попытки вмешиваться во внутренние вопросы жизни Надеевской обители. В 1839 году, 31 мая, он без согласования с преподобным подал архиерею рапорт о назначении ризничего пустыни, и вновь получил в ответ слова кроткого, но твердого архипастырского вразумления:

«Присланным к Его Преосвященству Вы, строитель, рапортом испрашивали в Надеевской пустыни, состоящей под ведением Кривоезерской, определить ризничим находящегося там иеромонаха Авраамия, по старости правителя оной Надеевской пустыни иеромонаха Тимона (...) На котором рапорте резолюцией Его Преосвященства предписано: «Не увольняя иеромонаха Тимона от управления Надеевской пустынью, спросить его: кого он находит способным к охранению вместе с собой всего церковного имущества в означенной пустыни. И доложить справкой о всех живущих с ним в той пустыни иеромонахах и иеродиаконах». И для того по указу Его Императорского Величества консисторией определено: о спросе иеромонаха Тимона, кого он находит способным к охранению вместе с собою всего церковного имущества, и о доставлении оного показания в консисторию вместе с Вашим сведением о всех живущих в Надеевской пустыни иеромонахах и иеродиаконах... Июля 22 дня 1839 года»[124]. В итоге вопрос о назначении иеромонаха Авраамия ризничим положительно решился лишь 3 сентября 1839 года — когда в консисторию был отправлен рапорт, «при коем и отношение правителя Тимона»[125].

Показательно также, что именно преподобному Тимону в 1838 году церковным священноначалием было доверено совершить монашеский постриг Анны Абрамовны Штрокирх — дочери купца Курляндской губернии, послушницы Никольского Староторжского женского монастыря города Галича, являвшейся затем (в 1848-1891 годах) настоятельницей этой обители игуменией Асенефой[126].

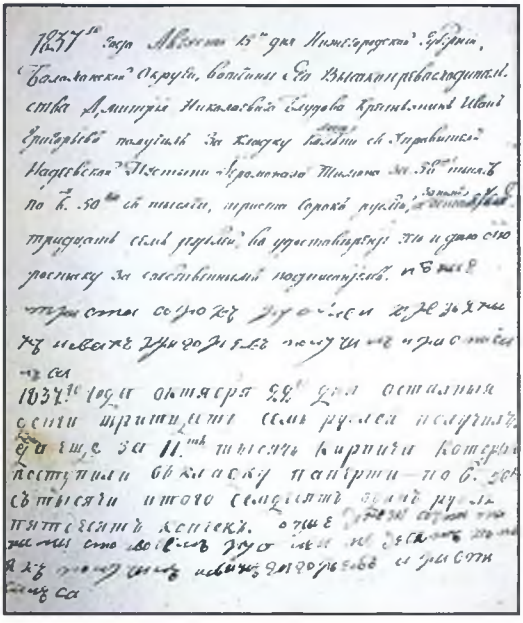
ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОССОЗДАНИЯ ПУСТЫНИ И ПОДВИГ СТАРЧЕСТВА

С завершением постройки Успенского храма труды преподобного Тимона по возобновлению Надеевской пустыни не закончились. К тому времени деревянный Никольский храм окончательно пришел в ветхость, угрожал скорым падением; по благословению Преосвященного Владимира решено было разобрать его до основания с тем, чтобы полученные при разборке материалы использовать для отопления каменной церкви и на производстве кирпичей. Летом 1838 года, совершив в последний раз Божественную литургию в стенах древнего храма, преподобный Тимон и другие священнослужители пустыни вынесли престол Никольской церкви на берег реки Нёмды и, при пении антифонов, предали его сожжению, а пепел высыпали в реку — как это предписывается церковными установлениями. После того, как Никольский храм был разобран, на его месте построили несколько деревянных корпусов с кельями для монастырской братии. Опись 1838 года свидетельствует, что насельниками обители (официально зачисленными в число братии) в то время были: «Правитель иеромонах Тимон, иеромонах Аврамий, послушник Арсений Никифоров, послушник Федор Михайлов, послушник Никита Стефанов, послушник Иван Михайлов, послушник Владимир Трифонов»[127].

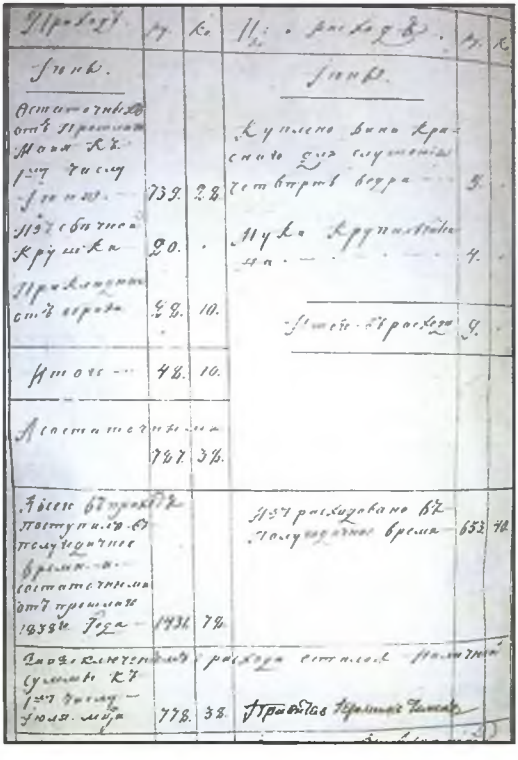


Преподобный Тимон у источника.

Вблизи обители преподобным был выкопан источник, освященный им в честь святителя и чудотворца Николая. Последуя примеру своего учителя и духовного друга преподобного Серафима Саровского, отец Тимон также прокопал вокруг монас-



Расписка И. Григорьева.
ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 165, л. 9.



Страница приходо-расходной книги Надеевской пустыни за 1839 год.
ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 195, л. 381об.

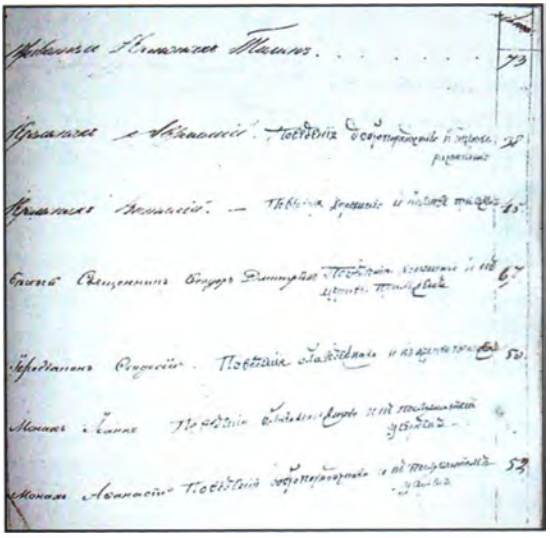
тыря канавку, и посещавшие Надеевскую пустынь паломники проходили по ней, совершая молитву «Богородице Дево, радуйся».

В 1837-1838 годах при Успенском храме попечением иеромонаха Тимона была воздвигнута каменная трехъярусная колокольня (см. Приложение 4). Постройкой колокольни занимался земляк преподобного Тимона — крестьянин Иван Григорьев, о чем свидетельствует расписка: «1837-го года августа 15-го дня Нижегородской губернии, Балахонской округи, вотчины Его Высокопревосходительства Дмитрия Николаевича Блудова крестьянин Иван Григорьев получил за кладку колокольни с управителя Надеевской пустыни иеромонаха Тимона за 58 тысяч [кирпича] по 6 р. 50 коп. с тысячи, триста сорок рублей, а затем оставшиеся тридцать семь рублей, во удостоверение чего и даю сию расписку за собственным подписанием...»[128]

В 1839 году старец Тимон начал воздвигать каменную ограду вокруг обители; однако завершать это строительство пришлось уже его преемникам... Описание ограды сохранилось в указе консистории строителю Кривоезерской пустыни:

«Сего сентября 9-го дня поданным Его Преосвященству Владимиру (...), Николаевской Надеевской пустыни правитель иеромонах Тимон прошением просил о дозволении построить вновь вокруг всей обители каменную ограду с вратами и баш-

Иеромонах Парфений (Агеев).
Фото с портрета середины XIX века.



Фрагмент списка братии Надеевской пустыни с собственноручными пометками преподобного Тимона.
ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 195, л. 280.

нями по углам, а состоящие теперь не на плановых местах два старых флигеля братских келий и его личные кельи разместить по приличию: первые в ограде, а последние за оградой, на сумму церковную и доброхотных дателей, по представленному плану и фасаду. На котором прошении резолюцией Его Преосвященства предписано: «Бог благословит»... Сентября 11-го дня 1839 года»[129].

Интересное описание внутренней жизни Надеевской пустыни того времени оставил иеромонах Парфений (Агеев):

«Все время, сколько я у него [преподобного Тимона] гостил, он ежедневно служил Литургию, и всегда со вниманием и слезами. В церкви у него всякое благочиние: пение пустынное, столповое, кроткое, тихое и протяжное; такожде и в трапезе весьма благочинно. Но сам для себя отец Тимон пустынного своего устава не оставил, хотя ради братии по уставу монастырскому готовят пищу. Хотя у него изобильно всего, довольно скота, масла, млека *[молока - А.А.]* и рыбы, но он сам ничего не употребляет, ни млека, ни масла, ни рыбы; но только у него и пищи — сухари, намоченные в воде. Садится он за трапезу на настоятельском месте, и ставят пред ним чашу воды с сухарями. (...) Посетителей, господ и купцов, приглашал всех за общую братскую трапезу»[130].

Сохранился список братии Надеевской пустыни за 1839 год — из которого следует, что, кроме самого преподобного, в Надеево

тогда подвизались иеромонах Авраамий, иеромонах Вениамин, овдовевший священник Феодор Дмитриев, иеродиакон Феодосий, монах Иоанн, монах Афанасий, послушники Арсений Никифоров, Никита Стефанов, Иван Прокофьев и Николай Васильев, а также проживали «по паспортам» (то есть без официального зачисления в братию) Иван Травин и Алексий Рудомазин[131].

Прежде чем обратиться к описанию последних дней земной жизни преподобного Тимона, следует сказать несколько слов о его пастырской душепопечительной деятельности.

В тридцатые годы XIX столетия имя отца Тимона получило широкую известность в Костромском крае, и многие верующие стали посещать старца для получения духовного наставления. Священник Алексий Воскресенский так описывает его пастырский подвиг: «Пустынные лесные дороги покрылись многочисленными толпами пешеходов, стремившихся к старцу Божию с тяжелым бременем своих духовных и телесных нужд. Посещали старца и образованные люди, чтобы насладиться его беседами, благоухавшими благодатью Божией. И поистине сокровищницей великих благ была беседа его; смиренная и вместе властная, она согревала сердце, снимала завесу с глаз, озаряла ум духовным разумением, приводила к раскаянию, рождала желание исправиться, стать лучшим и более совершенным, возбуждала надежду, что исправление совершится; она была как ясный луч солнца, разгоняющий темноту. Как всю свою жизнь, так и слова свои отец Тимон основывал на Слове Божием — просившим у него совета по трудным обстоятельствам жизни он давал разъяснения на основании Священного Писания и примеров из жизни святых Божиих. Особенно выделялись в нем любовь и смиренномудрие. Всякого приходившего он встречал ласковым: «батенька, матонька» и кланялся ему первый, предваряя его поклон. Никогда он не говорил строгими укорами, никогда не обличал жестокими словами; а если замечал дурное, то указывал тихо и кротко; более просил и советовал, чем обличал. Иногда не понимали люди в ту минуту, когда он говорил, что его слова относятся именно к ним; но впоследствии, при нужде, всегда вспоминалась старцева речь»[132].

Даже само намерение встретиться со старцем благословлялось Господом чудесными последствиями. К примеру, иеромонах Парфений так описывает свою встречу с преподобным Тимоном:

«Проживая в Высоковском монастыре[133], от многих мы слышали о великом старце и пустынножителе иеромонахе Тимоне, живущем в Надеевской пустыни (...); и захотелось нам посмотреть сего старца и получить от него наставление к душевной пользе. Однажды, избрав удобное время, я отпросился к старцу и отправился в путь. В то время я был так глух, что 300-пудового колокола звону не мог слышать, а разговаривал манием или на письме. Но когда начал подъезжать к Надеевской пустыне, то открылись мои уши, хотя и не совершенно; и стал слышать человеческий разговор и церковное пение. Когда же, приехавши в пустынь, увидел блаженного старца иеромонаха отца Тимона и святолепные его седины, премного возрадовалась душа моя и вострепетало

Преподобный Тимон беседует с паломниками.

сердце мое. Он меня благословил, ввел в келлию свою и разверз медоточивая своя уста, и начал меня поить от изобильных своих источников живою водою, и с малых слов растопил мое сердце, яко воск, и сделал меня таким, что якобы никогда я не бывал раскольником, и в то же время перекрестил я лице свое в три перста, во имя Святой Троицы, и более уже не творил крестного знамения двумя перстами даже до сего дня. Воистину дан сему старцу от Господа Бога такой дар премудрости, что никто ему не может противиться, и во всем моем многолетном странствии подобного ему в словесном даре не видал. Я много его благодарил и просил его святых молитв, чтобы до кончины живота моего не оскудела вера моя в Господа Бога моего Иисуса Христа и во Святую Его Церковь»[134].

Священник Алексий Воскресенский следующим образом комментирует это свидетельство: «Такой восторженный отзыв Парфения о духовных дарованиях старца Тимона в особенности заслуживает глубокого внимания ввиду того, что это отзыв человека бывалого, посетившего многочисленные замечательные святыни России, Палестины, Афона и Молдавии и, в качестве искателя Христовой истины, сталкивавшегося с людьми разнообразных положений и дарований духовных»[135].

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННИКОВ О ПРОЗОРЛИВОСТИ ПРЕПОДОБНОГО ТИМОНА И СОВЕРШАВШИХСЯ ПО ЕГО МОЛИТВАМ ЧУДОТВОРЕНИЯХ

В записках помещика Сергея Николаевича Нелидова, помогавшего преподобному Тимону возрождать Надеевскую пустынь, имелось много свидетельств о прозорливости старца и о совершавшихся по его молитвам исцелениях болящих (хотя преподобный Тимон, как и другие подвижники, старался не обнаруживать благодатный дар целения недугов и часто прикрывал его внешними действиями). Этот документ, написанный вскоре после кончины старца и хранившийся в Надеевской обители, по всей видимости, был уничтожен во время закрытия монастыря; однако его фрагмент опубликовал священник Алексий Воскресенский в «Костромских епархиальных ведомостях» - благодаря чему мы имеем возможность привести здесь наиболее замечательные примеры духовных дарований преподобного Тимона.

«Радушно принимаемый в семействе глубоко уважавших его именитых костромских помещиков князей Вяземских, старец однажды сказал княжне Варваре Александровне, что настанет в жизни ее такое горькое время, когда она ослепнет, но впоследствии зрение ее возвратится снова, что и действительно случилось чрез несколько лет с поразительной точностью.

Княжна Екатерина Александровна Вяземская, не имевшая обычая целовать благословляющую руку священника, пред поездкой своей в Надеев сказала, что из угождения сестре своей Софии она облобызает руку старца Тимона. Благословляя ее по прибытии в Надеев, подвижник Божий заметил: «Возьми, поцелуй руку и не думай, что это мне лично нужно и приятно; но, смиренно лобызая руку священника, ты воздаешь честь невидимо благословляющему тебя чрез него Спасителю».

При посещении старцем Тимоном села Парфентьева некая мать подвела к нему на благословение своего 13-летнего сына, уже три года лишившегося употребления языка. Служитель Божий сказал, что подобные несчастья происходят от безрассудных слов самих родителей, в пылу раздражения греховного призывающих на головы детей различные бедствия. Благословив затем немотствовавшего отрока о имени Господни, старец возвратил ему потерянный дар слова.

Прибыв однажды в село Печуры Галичского уезда, в дом Шиповых, старец узнал, что одна из девиц этого семейства сильно страдает болезнью горла. Он приказал принести со льда вишневого сиропа, налил им половину стакана, долил остальную [половину] водой и дал больной выпить. Та с верой исполнила его приказание, и болезнь оставила ее. Когда же, по отъезде старца, этим же средством пробовали лечить других в подобных случаях, вместо пользы получался один вред.

Помещик Василий Стефанович Снитков, возвращаясь Волгою с нижегородской ярмарки, подвергался опасности потопления: порывом внезапного ветра

сломало мачту его судна, заливаемого водою. Заехавший в его деревню в отсутствие хозяина старец на опасения жены хозяина, не случилось ли с ним какого несчастья, промолвил: «Путь жидкий и опасный; иногда ветром мачту ломает, и вода польется в судно; да как призовет в помощь Николая Чудотворца, то и спасется». Так в действительности и было, как рассказывал своим домашним возвратившийся Снитков, как будто отец Тимон лично находился там: едва только призвал Снитков на помощь святителя Николая, как явились проезжавшие матросы, поставили мачту, законопатили и засмолили щели судна, и владелец его мог спокойно продолжать свой дальнейший путь. (...)

В Николаевском женском монастыре, в городе Галиче, при входе старца в келлию молодой монахини внезапно погасла лампада, горевшая у святых икон. «Ты так же скоро погаснешь, как эта лампада», - печально заметил старец. И монахиня, теперь совершенно здоровая, чрез несколько дней внезапно умерла.

Графиня Екатерина Андреевна Кронгельм, бывшая в Надееве, сделалась свидетельницей просьбы некоего человека к отцу Тимону о принятии его в обитель. «Каких бродяг принимает он к себе», невольно подумала она. — «Напрасно ты думаешь, что он — бродяга», - ответил старец чудный, читая ее мысли, - «бродяг в пустынь не принимал и не приму». (...)

Преподобный Тимон, старец Надеевский.
Фото с литографического портрета, изданного Надеевской пустынью в 1861 году.

Невдалеке от Надеева находились усадьба и имение Александра Михайловича Безобразова, управляющим которыми был Петр Николаев. Раз ожидалось сюда прибытие самого помещика. В это время к управляющему заехал старец. Беседуя со своим почтенным и уважаемым гостем, хозяин думал про себя глубокую и затаенную думу, все ли его господин найдет здесь в должном порядке и как бы по его барской прихоти не попасть в Сибирь. «Ну что же», - ответил ему на невысказанную мысль старец Тимон, - «и в Сибири жить — то же солнце светит». Случилось так, что вскоре император Николай I пожаловал Безобразову в Сибири золотые прииски, и Петр Николаев действительно отправлен был туда их управляющим. (...)

Женщина, много раз видавшая старца, встречавшая и провожавшая его в массе его почитателей, никогда не могла получить его благословения, чего ей искренно желалось. Выходя от Нелидова и встретив ее в числе других, он подзывает ее к себе и говорит: «Ты давно искала моего благословения и не получала — теперь я тебя благословлю». (...)

Священнику Киру Владимирову[136], желавшему получить от отца Тимона теленка на племя, но имевшему при себе всего лишь 50 копеек и потому даже не заикнувшемуся о своем желании, старец внезапно говорит: «Тебе желательно купить у меня теленка; ну, полтинничка-то и будет довольно».

Приглашенный раз к постели больного городничего заштатного города Судиславля, на обращенную к нему просьбу помолиться о его выздоровлении старец предлагает вопрос: «Что, не хочется умирать?» - «Нет, не желалось бы», - получился ответ. — «Ну, если ты желаешь выздороветь, то отстань от привычки, душу твою отягощающей, и дай слово не есть по постам, средам и пятницам скоромного, и — выздоровеешь». Тот дал обещание и выздоровел; но, возвратившись к прежнему образу жизни, вторично занемог и умер.

Проезжая раз селом Чернышевым и видя производившиеся у дома помещика Иларионова перестройки, старец заметил: «Вот, уехал в Москву дела свои обделывать, да и здесь производит поправки, думая возвратиться; а того не знает, что кончит жизнь свою в Москве» - что и действительно вскоре случилось.

Священник села Успенья-Лежнева Павел, сильно страдавший болью груди, видит во сне подходящего к нему уже умершего старца. «Дай, я потру тебе грудь», - говорит явившийся, что и делает. Проснувшийся иерей тотчас же почувствовал облегчение, а вскоре и болезнь его совершенно миновалась.

Как велика была сила веры и как чудодейственна молитва старца, показывает следующий случай. Загорелась скотная изба в монастыре и уже вся была объята пламенем. Монахи выбежали тушить пожар и разламывать избу, а старец Божий, никому не сказав и слова, войдя в свою келлию, спокойно встал на молитву, и в ту же минуту пламя погасло само собою, тогда как и инструментов пожарных здесь никаких не было; так молитва праведника превозмогла силу разрушительной всепожирающей стихии и угасила огонь»[137].

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ И КОНЧИНА ПРЕПОДОБНОГО

Возрождая Надеевскую пустынь и совершая свой пастырский подвиг, преподобный Тимон достиг глубокой старости, но был по-прежнему бодр духом и крепок силами - которых не сломили ни годы, ни труды, ни горести и печали. Однако срок его земного жительства завершался, как это и предсказывал преподобный Серафим. Жизнеописатель свидетельствует: «Старцу было открыто Господом не только время его кончины, о которой он говорил, как о вещи самой обыкновенной и для него весьма желательной, но и о тех лицах, которые предварят его в этом и последуют за ним в страну загробную»[138]. О близости завершения своего земного пути отец Тимон говорил настоятельнице Никольского Староторжского женского монастыря в городе Галиче игумении Таисии[139], а помещице Иулиании Бартеневой сказал, «что они весьма скоро увидятся там — в вечности; она действительно пережила его одной только неделей[140]; келейному же своему (...) заметил, что погребение его будет совершено макарьевским архимандритом Дионисием. Между тем, ничто, по-видимому, не предвещало близости его кончины: старец, как всегда, был бодр, необыкновенно быстр в движениях, занимался своими обычными делами, неопустительно посещал церковные богослужения, выстаивая их до конца, и священнодействовал; но заметно было, что его священнодействия теперь отличаются еще большей глубиной благоговейного чувства, как бы он здесь уже желал предначать свою молитву о мире, чтобы продолжать ее у пренебесного Престола Божия»[141]. Примечательно, что осенью 1839 года преподобный ходатайствовал перед правящим епископом о назначении ему помощника для «полного по пустыни, по церкви, по ризнице распоряжения на время отлучек моих»[142] - вслед-

Галичский Никольский Староторжский монастырь. Фото начала XX века.

Макариево-Унженский монастырь (с 1993 года возобновленный как женская обитель). Фото 2000 года.

ствие чего епископом Владимиром указом от 5 декабря 1839 года в помощь старцу были назначены священник Феодор Дмитриев и иеромонах Виталий[143].

С наступлением 1840 года преподобный Тимон очень ослабел, хотя и продолжал совершать богослужения; но 12 января он слег в постель, никуда не выходил из келии и пребывал в богомыслии и самоуглублении, практически никого не принимая. За три дня до кончины старец был соборован и причастился Святых Христовых Таин. 20 января он сказал келейнику, что настало время его отшествия ко Господу, и через келейника дважды предупредил братию о приезде в обитель архимандрита Дионисия, прося должным образом приготовить поминальную трапезу.

На следующий день, 21 января, после совершения Божественной литургии в его келью вновь принесли Святые Дары. «Благоговейно — со слезами благодарности и сокрушения принял их умирающий пустынножитель; мир свыше посылаемый — умиление небесное живо отражалось в разговоре и чертах лица блаженного старца; спокойно лежал на предсмертном одре отец Тимон; еще раз напомнил он келейнику своему, что скоро прибудет отец архимандрит Дионисий проститься с ним»[144].

Духовная близость преподобного Тимона и архимандрита Дионисия — настоятеля Макариево-Унженской обители и благочинного, в ведение которого входила Надеевская пустынь — подтверждается следующим интересным фактом. «Архимандрит Дионисий составил правила благочиния в монастырях, руководствуясь уставами Коневской пустыни и Юрьева монастыря и благочиннической инструкцией. В 1840 году по приказанию Преосвященного Владимира эти правила были разосланы во все монастыри для руководства, причем велено написать их полууставом на большом листе и выставить в трапезе»[145]. Как указывалось выше, преподобный Тимон в своем паломничестве к

Беседа преподобного Тимона с архимандритом Дионисием.

святыням северной Руси списал уставы иноческой жизни Соловецкой и Коневецкой обителей, а также посетил новгородский Юрьев монастырь; более чем вероятно, что упомянутые правила отец Дионисий составлял по материалам, собранным старцем Тимоном, и при его непосредственном участии.

Архимандрита Дионисия никто не извещал о болезни старца. Но, повинуясь какому-то необъяснимому влечению, отец настоятель поспешил в Надеево и еще застал преподобного Тимона живым.

«Когда ему [преподобному] сказали о приезде архимандрита, он перекрестился и сказал: «Слава Богу! Господь исполнил и последнее мое желание, теперь я спокойно умру». Трогательна была эта предсмертная беседа отходящего к Богу старца с посетившим его. Попросив приподнять его на одре своем, старец сидя встретил архимандрита. — «Или уже оставить нас хочешь, отец Тимон?» - спросил его вошедший гость, лобызая старца. — «Да, батюшка, отец Дионисий», - отвечал старец, - «видно, так Господу угодно». Последняя его мысль была о Надееве: «Не оставь своим покровительством», - просил он архимандрита, - «не оставь дорогого мне Надеева; многого еще недостает в нем,

Насельники пустыни у гроба преподобного Тимона.

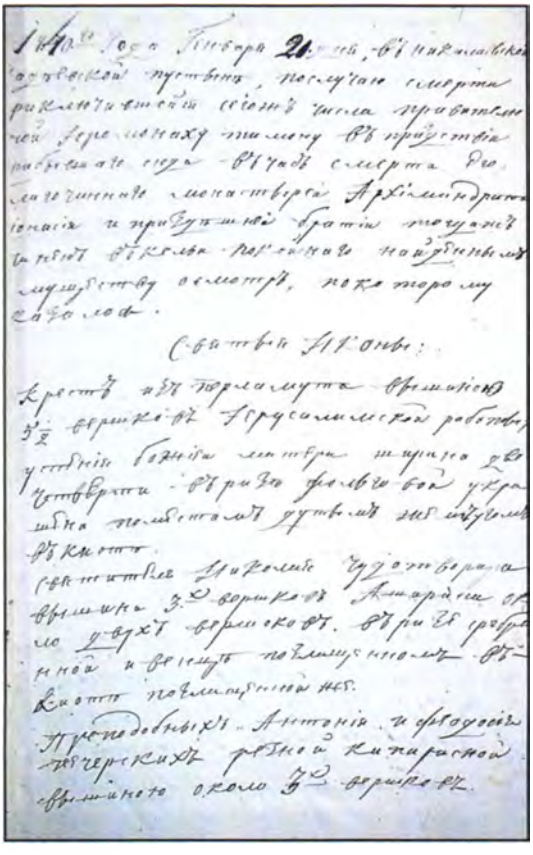
много превратностей в своей судьбе он [монастырь] должен перенести-пережить; слава и благоденствие сего священного места — места благочестивых трудов и покоя великих и многих подвижников — у Бога и пред Богом». — «А вы, отцы и братие, сотрудники мои», - обратился умирающий к немногочисленным инокам обители, - «при несомненной вере в Божественный промысл, жизнью воздержною, миролюбивою, молитвою бденною, пламенною, терпением постоянным, сокрушением нелицемерным идите неуклонно — пролагайте себе дорогу в вечность, за гробом на небе наша отчизна; все простите меня, молю вас, Господа ради»[146].

Это были последние слова преподобного Тимона; через несколько мгновений он предал дух свой Господу. Игумен Тихон отмечает: «Сколько любви заботливой, искренней к обители, отеческой пламенной ревности о благе и спасении братии таилось в душе умирающего возобновителя Надеева. Посвятив свои подвиги и труды на благоустройство здесь общежития, отец Тимон и умирая заботился отечески и, как будто, единственно об оставляемой им обители; на смертном одре думал особенно о ней, зная ее настоящее и провидя будущую ее судьбу»[147].

Кончина преподобного совершилась в 5 часов 30 минут вечера 21 января 1840 года в возрасте 73 лет[148]. 23 января после отпевания, которое возглавил

архимандрит Дионисий, тело преподобного Тимона было погребено за алтарем воздвигнутого им Успенского храма. Впоследствии над могилой почитатели старца воздвигли каменное надгробие с чугунной плитой, имевшей соответствующую надпись. Заслуживает внимание следующее свидетельство жизнеописателя: «Очевидцы передают, что в темноте ночи многократно над могилою подвижника являлся чудный свет, исчезавший при приближении к ней людей»[149].

В день преставления ко Господу преподобного Тимона насельники Надеевской пустыни составили опись его имущества - которая сохранила для нас внутренний облик кельи старца. Приведем здесь фрагмент описи:



Посмертная опись имущества преподобного Тимона, составленная братией Надеевской пустыни. ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 199, л. 1.

«1840-го года генваря 21 дня, в Николаевской Надеевской пустыни, по случаю смерти, приключившейся сего же числа правителю оной иеромонаху Тимону, в присутствии прибывшего сюда в час смерти его благочинного монастырей архимандрита Дионисия и при здешней братии тогда же учинен в келье покойного найденному имуществу осмотр, по которому оказалось:

Святые иконы.

1. Крест из перламутра вышиною 5 1/2 вершков иерусалимской работы.

2. Успение Божией Матери, ширина две четверти, в ризе фольговой, украшена по местам жемчугом в киоте.

3. Святителя Николая Чудотворца, вышина 3-х вершков, а ширина около двух вершков. В ризе сребрянной и венце позлащенном в киоте позлащенной.

4. Преподобных Антония и Феодосия Печерских резной кипарисной вышиною около 3-х вершков.

5. Соловецких чудотворцев вышиною около 2-х вершков в киоте позолоченной.

6. Боголюбской Божией Матери, вышиною 5 вершков, в ризе фольговой в киоте.

7. Божией Матери Взыскание погибших, вышина 2 вершка, в ризе серебряной в киоте золоченой.

8. Явление Тихвинской Божией Матери, вышина 6 вершков, в ризе фольговой и киоте.

9. Явление Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому, вышина 5 вершков.

10. Распятие Господне таковой же меры.

11. Крест с распятием, медный, небольшой»[150].

Из имевшихся в келье старца книг особый интерес представляют те, которые, как отмечено, «писаны полууставом» - переписаны самим преподобным: «Исаака Сирианина, Аввы Дорофея, Седьмоднев из летописца, Исихия и Григория Синаита о умном делании, устав Коневского монастыря, служба святому Димитрию Ростовскому, Главизны святых отец»[151].

Приводится в документе и список одежды, имевшейся у старца: «Ряска демикотоновая на таковой же подкладке; подрясник суконный на крашенинной подкладке; ряска нанковая черная; подрясник старый китаешный на вате; подрясник старый нанковый на подкладке; подрясник старый китайчатый на мерлушечьем меху; подрясник крашенинный на овчинном меху; подрясник китаешный на подкладке; шуба старая нанковая на овчинном меху; тулуп крыт сукном на овчинном меху; полушубок суконный малиновый на овчинном меху; клобук крепы травчатой старый; мантия тонкой манатьи; четки черневитые костяные»[152].

Подписан документ насельниками Надеевской пустыни — священником Феодором Дмитриевым, иеромонахом Авраамием и иеродиаконом Феодосием[153].

23 января священник Феодор Дмитриев и иеромонах Виталий направили в Кривоезерскую пустынь уведомление о кончине преподобного Тимона:

«Троицкой Кривоезерской пустыни отцу строителю иеромонаху Паисию, Николаевской Надеевской пустыни священника Феодора Дмитриева, иеромонаха Виталия.

Правитель сея пустыни иеромонах отец Тимон, после приключившейся ему болезни, быв исповедан, приобщен *[Святых Таин — А.А.]* и елеосвящен, 21-го числа текущего генваря, волею Божиею умре; и в присутствии прибывшего сюда проездом, в час смерти, благочинного монастырей отца наместника архимандрита Дионисия, тогда же учинен в келье покойного при здешней братии осмотр найденному имуществу (...); и с приложением подлинного реестра рапортовано Его Преосвященству Владимиру, Епископу Костромскому и Галичскому и Кавалеру.

Тело же покойного 23-го числа тож генваря предано по чиноположению соборне, при оном же отце благочинном, погребению...»[154]

Многотрудный земной путь преподобного Тимона был завершен.

ПОЧИТАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ТИМОНА ПОСЛЕ ЕГО КОНЧИНЫ И ИСТОРИЯ НАДЕЕВСКОЙ ПУСТЫНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Как народное почитание преподобного Тимона, так и воссоздание Надеевской пустыни после его кончины продолжались. Как указывает В.А. Самарянов, «с 1842 года, по распоряжению епархиального начальства, вследствие дальности расстояния от Кривоезерской пустыни и неудобства в сообщении с нею и достаточности в способах содержания монастыря и братии, [Надеевская пустынь] поставлена вне зависимости от начальства Кривоезерской пустыни, и наконец, по высочайше утвержденному в 23-й день июня 1856 года определению Святейшего Синода, вследствие ходатайства епархиального начальства, оставлена самостоятельной на правах заштатной обители и на собственном своем содержании»[155]. Инициатором предоставления монастырю полной самостоятельности выступил правитель Надеевской пустыни иеромонах Вениамин[156], а документальные материалы по этому вопросу в сороковых годах XIX века готовил упоминавшийся выше архимандрит Дионисий[157].

Следует отметить, что в указе Святейшего Синода № 6405 от 14 июля 1856 года на имя епископа Костромского и Галичского Филофея (Успенского, 1807-1882, впоследствии ставшего митрополитом Киевским и Галицким) - о предоставлении Надеевской пустыни самостоятельности - подробно описывается состояние обители:

«Во владении Надеевской пустыни по планам и межевым книгам состоит в настоящее время земли и лесу 6204 десятин 969 квадратных сажен; в самой же обители, обнесенной каменною с тремя жилыми башнями оградою, находятся: а) каменная трехпрестольная церковь с каменною же колокольнею, благолепно украшенная и достаточно снабженная ризницею и утварью; б) настоятельские кельи и пять братских корпусов и в) вне ограды: два гостиные корпуса, конюшня и скотный двор; все сии здания, как цер-

Епископ Костромской и Галичский Филофей.

ковные, так и монастырские, построены усердием правителей пустыни. Братии в Надеевской пустыни состоит: по указным определениям 24 и по паспортам от начальства 5 человек, и все они безбедно довольствуются пищею и одеждою»[158] (более подробно — см. Приложение 5).

В 1852 году к теплым приделам Успенского храма обители была пристроена паперть[159]. В 1854-1867 годах в Надеевской пустыни, на месте древнего Никольского храма, взамен построенных отцом Тимоном деревянных келейных корпусов возвели каменный пятиглавый Троицкий собор, четырехстолпное здание которого вмещало до 2 тысяч молящихся — один из самых больших храмов Костромской епархии того времени (не случайно поэтому при утверждении проекта собора Костромской губернской строительной и дорожной комиссией 31 октября 1851 года предписывалось, «чтобы при приступе к работам было обращено особое внимание на свойства грунта земли, на которой предполагается возвести постройку, и в само здание положено было достаточное количество железных связей»[160]). Освящение Троицкого собора совершил 25 августа 1868 года викарий Костромской епархии (в 1866-1869 годах) епископ Кинешемский Ионафан (Руднев; 1816-1906)[161]. Железный пояс старца и переписанные его рукой книги хранились в монастыре как великие святыни.

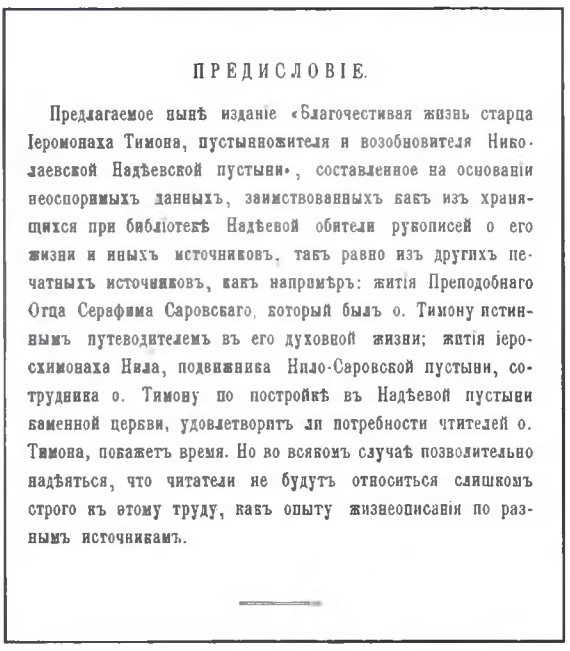
К описываемому времени (в 1866 году) братию Надеевской пустыни составляли: «строитель (игумен) 1, иеромонахов 2, иеродиакон 1, монахов 3, сверх того белый священник 1, диакон 1 и послушников 12»[162]; настоятелем Надеевской пустыни являлся игумен Парфений[163]. Некоторые сведения о составе братии обители спустя несколько лет содержит рапорт на имя архиепископа Костромского и Галичского Платона (Фивейского; 1809-1877) от 29 апреля 1870 года о составлении описи имущества нового Троицкого собора (поданный непосредственно перед назначением в Надеевскую пустынь нового настоятеля иеромонаха Амвросия), который подписали: «заведывающий Надеевою пустынью иеромонах Гавриил, правящий должность казначея иеромонах Филарет, духовник иеромонах Амфилохий, ризничий иеромонах Паисий, монах Иустин»[164].

Архиепископ Костромской и Галичский Платон.

В 1861 году монастырем был издан литографированный портрет преподобного (см. с. 59) работы художника Н. Осташева, «на котором старец изображен в мантии и клобуке, с наперсным бронзовым крестом в память Отечественной войны 1812 года на груди; в правой руке он держит разгнутую книгу, в левой — иноческие четки; стан несколько согнувшийся под бременем лет; взгляд проницательных глаз блещет сосредоточенностью мысли и твердой воли; лицо его обрамлено окладистой, белой, недлинной бородой, а из-под клобука виднеется прядь длинных белых и густых волос; аскетические черты лица его озаряются внутренним светом и, несмотря на несколько суровый оттенок, влекут и притягивают к себе человека»[165].

В 1878 году, как свидетельствует поданная в Костромскую Духовную консисторию ведомость о состоянии Николо-Надеевского монастыря, богослужения в пустыни совершались так: в летнее время ранние литургии — в главном приделе Успенского храма, остальные службы — в Троицком соборе; в зимнее время — ранние литургии в Макариевском приделе Успенского храма, остальные службы — там же в Никольском приделе. Самый большой колокол из имевшихся в обители имел вес 125 пудов[166]. О монастырских стенах в ведомости говорится: «Ограду монастыря составляют: в половине западной стороны, начиная от настоятельского корпуса до половины южной, ограда имеется каменная, ветхая, высотой до трех аршин. С половины южной до половины западной, т.е. до настоятельского корпуса, ограда устроена каменная, новая, высотой от 6 до 9 аршин. В окружности ограда около 300 сажен. В нынешнее лето выделано кирпича 71 тысяча 500, для кладки ограды в будущем лете»[167]. Братию составляли 29 человек — один игумен, 4 иеромонаха, один священник, 2 иеродиакона, 10 монахов и 11 «живущих на испытании в монастырской жизни»[168]. Руководил монастырем настоятель игумен Амвросий[169].

Почитание преподобного Тимона приобрело особый смысл после состоявшегося в 1903 году прославления в лике святых его духовного наставника — преподобного Серафима Саровского. В 1907 году над могилой старца на средства жертвователей, собранные насельником Надеевской



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое нынѣ изданіе «Благочестивая жизнь старца Іеромонаха Тимона, пустынножителя и возобновителя Николаевской Надѣевской пустыни», составленное на основаніи неоспоримыхъ данныхъ, заимствованныхъ какъ изъ хранящихся при библіотекѣ Надѣевой обители рукописей о его жизни и иныхъ источниковъ, такъ равно изъ другихъ печатныхъ источниковъ, какъ напримѣръ: житія Преподобнаго Отца Серафима Саровскаго, который былъ о. Тимону истиннымъ путеводителемъ въ его духовной жизни; житія іеросхимонаха Нила, подвижника Нило-Саровской пустыни, сотрудника о. Тимону по постройкѣ въ Надѣевой пустыни каменной церкви, удовлетворитъ ли потребности чтителей о. Тимона, покажетъ время. Но во всякомъ случаѣ позволительно надѣяться, что читатели не будутъ относиться слишкомъ строго къ этому труду, какъ опыту жизнеописанія по разнымъ источникамъ.

Предисловие игумена Тихона к брошюре «Благочестивая жизнь старца иеромонаха Тимона...»

пустыни иеромонахом Николаем (Бурдуковым)[170], возвели чугунную часовню из металлических рам со стеклами, увенчанную позолоченной главкой. Несколько ранее, в 1905 году, в Москве настоятелем монастыря игуменом Тихоном[171] была издана брошюра «Благочестивая жизнь старца иеромонаха Тимона, пустынножителя и возобновителя Николаевской Надеевой пустыни, Костромской губернии, Макарьевского уезда», а в 1912 году в «Костромских епархиальных ведомостях» (№№ 10-13) печатался труд священника Алексия Воскресенского «Старец иеромонах Тимон, пустынножитель Надеевский, ученик преподобного Серафима Саровского».

В 1908 году на месте бывшей пустынной келии преподобного Тимона близ речки Василевки поставили деревянную часовню. Произошло это при следующих обстоятельствах.

20 июля 1907 года игумен Тихон подал рапорт на имя епископа Костромского и Галичского Тихона (Василевского; 1867-1927), в котором говорилось:

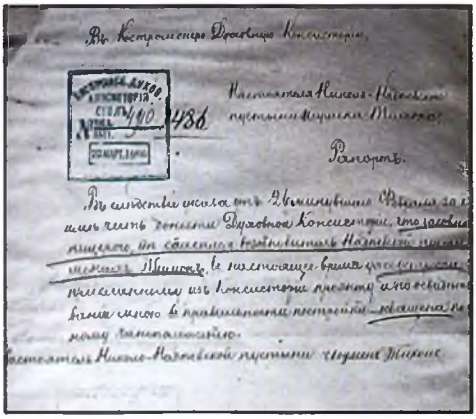
«На правом берегу реки Немды в трех верстах от Николо-Надеевской пустыни находится пещерка, где около пяти лет спасался возобновитель Никольской пустыни иеромонах Тимон; к этой пещерке, в настоящее время, стекается немало лиц, почитающих его память, и многие из них просили меня на том месте, где находится пещерка, устроить на их счет со всеми приспособлениями деревянную часовню.

Представляя об этом, я осмеливаюсь просить Ваше Преосвященство, не признаете ли возможным разрешить устройство означенной часовни и по устройстве освятить ее по церковному законоположению»[172].

17 января 1908 года Костромская Духовная консистория дала распоряжение «разрешить настоятелю Николо-Надеевской пустыни устроить над пещерою иеромонаха Тимона, по утвержденному Костромским губернским правлением проекту, новую деревянную часовню для поставления в ней св. икон и совершения молебствий и по устройстве освятить ее по церковному чинположению, с тем, чтобы часовня (...) причислена была к монастырю и находилась под наблюдением настоятеля с братиею монастыря»[173]. Строительство не заняло много времени: 19 марта 1908 года игумен Тихон доложил в консисторию, что «часовня над пещерою, где спасался возобновитель Надеевской

Епископ Костромской и Галичский Тихон.

пустыни иеромонах Тимон, в настоящее время уже устроена (...) и по освидетельствовании мною в правильности постройки — освящена по церковному чиноположению»[174].

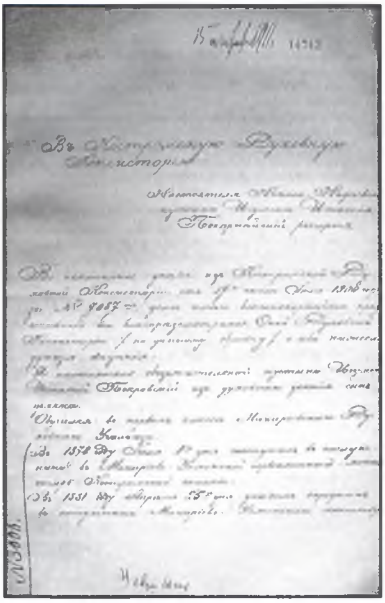


Рапорт игумена Тихона об освящении часовни на месте пустынной кельи преподобного Тимона. ГАКО, ф. 130, оп. 4, д. 2896, л. 6.

К сожалению, численность братии монастыря в описываемое время постепенно сокращалась — об этом свидетельствуют сохранившиеся архивные сведения о насельниках Надеевской пустыни на рубеже XIX-XX веков. В 1888 году, когда монастырем продолжал управлять игумен Амвросий, здесь кроме настоятеля подвизались: живущий на покое игумен Иосиф, братский духовник иеромонах Филарет, иеромонахи Иустин, Виссарион, Исаия и Феофан, священник Василий Соколов, иеродиаконы Макарий и Николай, монахи Исаия, Ионафан, Филофей и Нектарий, послушники Василий Успенский и Иван Перебаскин, а также «живущие по училищным свидетельствам на испытании в монастырской жизни» Михаил Красовский, Александр Лебедев, Иван и Аврамий Аретовы, Иван Преображенский, Виталий Троицкий, Петр Кутузов и Петр Ураков — всего 24 человека[175]. Однако через десять лет, в 1898 году, в братию входили уже только 12 человек: исполняющий должность настоятеля игумен Гавриил (Богословский), ризничий иеромонах Исаия, иеродиаконы Нафанаил, Анастасий и Феодосий, вдовствующий диакон Иоанн Николаевский, монахи Филофей и Нектарий, послушники Василий Успенский, Стефан Нечаев, Михаил Красовский и Федор Соболев[176]. В 1903 году братию составляли настоятель игумен Тихон, иеродиаконы Иннокентий и Феодосий, диакон Иоанн Николаевский, монахи Андрей, Нектарий, Сергий и Вонифатий, послушники Михаил Красовский, Федор Соболев, Василий Слободской, бывший священник Александр Рязановский, а также «живущие на испытании» послушники Николай и Андрей[177]. Кроме того, в обители проживали на покое игумен Гавриил (Богословский), управлявший Надеевской пустынью с 1897 по 1900 год и уволенный от должности по болезни, и бывший настоятель Макариевской Решемской пустыни (в 1889-1901 годах) игумен Порфирий (Шумилов)[178]. В 1906 году в число насельников входили игумен Тихон, иеромонахи Николай, Геронтий, Игнатий и Анатолий, иеродиакон Феодосий, диакон Иоанн Николаевский, монахи Нектарий и Тимон, послушники Василий Слободской и Михаил Красовский, бывший священник Александр Рязановский[179]. Особенно следует отметить, что постриг 77-летнего вдового крестьянина Онисима в монашество с именем Тимон[180] игумен Тихон совершил (в июле 1906 года), несомненно, в память о преподобном старце - возобновителе пустыни.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАДЕЕВСКОЙ ПУСТЫНИ В ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В ноябре 1908 года настоятелем Никольской Надеевской пустыни был назначен иеромонах Игнатий (Покровский), 14 декабря того же года возведенный в сан игумена[181]. Однако к тому времени уже стало очевидно, что небольшой по численности братии не удается поддерживать монастырское хозяйство в необходимом порядке. Поэтому в 1912 году, вскоре после кончины настоятеля, Никольская Надеевская мужская пустынь была преобразована в нештатный общежительный женский монастырь[182]. Соответствующий указ Святейшего Синода последовал 30 ноября 1912 года (см. Приложение 6), а в декабре сюда приехали сестры из костромской Богоявленско-Анастасииной женской обители: новая настоятельница монахиня Сергия (Тихорская), возведенная затем в сан игумении[183], монахиня Саломия (Груздева), послушницы Мария Зуева и Анастасия Садилкова (постриженные в 1913 году в монашество с именами Макария и Авраамия)[184]. Уже в 1913 году в Николо-Надеевском монастыре числились игумения, 3 монахини, 2 «указные» (то есть официально определенные в монастырь) послушницы и 49 «лиц, проходящих испытательный срок»[185]. Число насельниц монастыря в последующие годы составляло в среднем около 60 сестер[186] (в 1917 году вместе с игуменией их было уже 79[187]). Богослужения в храмах Надеевской пустыни стали совершать представители «белого» духовенства: так, в 1917 году здесь служили священник Иоанн Яхонтов и диакон Борис Цветков[188]. Большую помощь обители оказывал священник Богородицкого храма села Словинка[189] Николай Соколов.



Автобиография игумена Игнатия. ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 270(13), л. 26.

В рапорте благочинному монастырей настоятелю Макариево-Унженской обители архимандриту Виссариону[190] от 13 июня 1915 года игумения Сергия описывает положение обители следующим образом: «Сей монастырь я приняла от монахов в декабре 1912 года (...) Поля были мало засеянными, хлеба не было, скота (коров и лошадей) тоже было мало, инвентарь — испорченный, так что покупала и заводила многое снова. (...) В 1913 и 1914 годах был плохой урожай хлебов и трав не только в монастыре, но и во всей окрестности, что, конечно, очень отозвалось на монастырские средства... Деревянные строения приняты от монахов ветхими и по сию пору — одно поправишь, другое валится»[191]. Однако если материальная сторона монастырской жизни и не отлича-

В.С. Садовников. Вид Богоявленско-Анастасииного монастыря в Костроме. Фото с акварели второй половины XIX века.

лась особым благополучием, то духовные традиции Надеевской пустыни, связанные с именем ее преподобного возобновителя, сохранялись непреложными: к примеру, в рапорте архимандриту Виссариону от 27 февраля 1917 года игумения Сергия упоминает о приезде в обитель призванного на военную службу бывшего регента монастырского хора «для поклонения гробнице чтимого старца иеромонаха Тимона»[192].

Проследить судьбу Надеевской пустыни после революции на основании церковных документов удается до 1919 года, когда указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона и Священного Синода от 6/19 февраля 1919 года № 562 настоятельница монастыря игумения Сергия по преклонности возраста была уволена от должности и определена в число сестер костромской Богоявленско-Анастасииной женской обители. В апреле того же года Епархиальный совет докладывал временно управляющему Костромской епархией епископу Филарету (Никольскому; 1858-1921), бывшему Астраханскому: «По мнению совета, ввиду особых условий текущего момента и того, что в Надеевском монастыре только две манатейных монахини*, следовало бы командировать в этот монастырь для временного исполнения обязанностей настоятельницы опытную сестру из Костромского Богоявленского монастыря, каковой, например, является казначея сего монастыря монахиня Платонида»[193]. Указом епископа Филарета от 4/17 мая 1919 года монахиня Платонида была назначена исполнять обязанности настоятельницы обители[194]; это последнее известное нам упоминание о Надеевской пустыни в епархиальных документах.

---

* То есть принявших постриг в мантию.

ЗАКРЫТИЕ И РАЗРУШЕНИЕ НАДЕЕВСКОЙ ПУСТЫНИ

На протяжении 1919 года, как свидетельствуют журналы Костромского епархиального совета[195], многие монастыри Костромской епархии вынуждены были избрать путь, позволяющий хотя бы отчасти сохранить уклад иноческой жизни: монастырские храмы обращались в приходские, а насельники формально объединялись в сельскохозяйственные артели. Как с явным озлоблением отмечалось в 1920 году в циркулярном письме отдела юстиции Костромского губисполкома, «для сохранения прежних монастырей духовные органы, а равно и монашествующие не брезгуют никакими средствами: свертываются в фиктивные коммуны и проч., и потом отписываются своему «начальству», что они «благодушествуют»...»[196].

Надеевский монастырь, так же как и находившаяся поблизости другая женская обитель — Боголюбский монастырь[197] — были формально закрыты властями в 1919 году, однако фактическая ликвидация обители затянулась до 1923 года. К сожалению, свидетельствующие об этом документы («Переписка о ликвидации Боголюбовского и Надеевского монастырей (1919-1923)»; ГАКО, ф. Р-2150, оп. 2, д. 46а) были утрачены в 1982 году при пожаре в костромском архивном хранилище. Тем не менее, отдельные сохранившиеся документы позволяют представить картину постепенного уничтожения монастыря.

Решением коллегии Макарьевского уездного земельного отдела от 7 июля 1919 года «на землях бывших Надеевского и Боголюбского монастырей предложено было организовать сельско-хозяйственные коллективы»[198]. Однако 6 ноября 1919 года заведующий подотделом землеустройства Макарьевского уездного земельного отдела И.И. Зайцев доложил на заседании коллегии отдела: «Во время объезда его по волостям Словинского района обнаружено, что земли Боголюбского и Надеевского монастырей были использованы в текущем году неправильно и несогласно с декретом об отделении церкви от государства»[199] - то есть фактическими хозяевами оставались монашествующие. Коллегия отдела постановила: «Вышеозначенный доклад товарища Зайцева поставить на обсуждение уездного исполкома с просьбою произвести по вышеозначенному делу расследование и привлечь виновных в сказанном упущении лиц к ответственности революционного трибунала, высказав пожелание о том, чтоб на землях Боголюбского и Надеевского монастырей были обязательно организованы сельско-хозяйственные артели или коммуны. При невозможности же организовать коллективные хозяйства — земли этих монастырей должны быть использованы средствами уездного отдела земледелия, путем организации советских хозяйств, согласно ст. 31 Положения о социалистическом землеустройстве»[200].

В итоге принятых мер на территории Надеевского монастыря разместился совхоз «Восход»; владельцем зданий обители и ее земель являлся уездный исполком[201]. Однако насельницы монастыря оставались жить в Надеево, в храмах обители продолжались богослужения.

Развернутая государством кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 году не обошла Надеевскую пустынь (хотя изымать там, как оказалось, было практически нечего; насельницам даже удалось добиться разрешения заменить серебряный евхаристический комплект эквивалентным количеством серебряного лома):

«Протокол. 1922 г. июля 26 дня в Макарьевский уфинотдел представлены общиной верующих Николо-Надеевского монастыря Словинской волости нижеследующие церковные ценности, подлежащие изъятию, согласно дополнительных указаний центра.

1) Оклад с напрестольного серебряного креста — 65 з[олотников].

2) Серебряный ковшик для теплоты — 16 з[олотников].

3) Взамен серебряного потира с приборами — серебро в изделиях, монете и ломе — 2 ф[унта] 10 з[олотников].

Итого 2 ф[унта] 91 з[олотник].

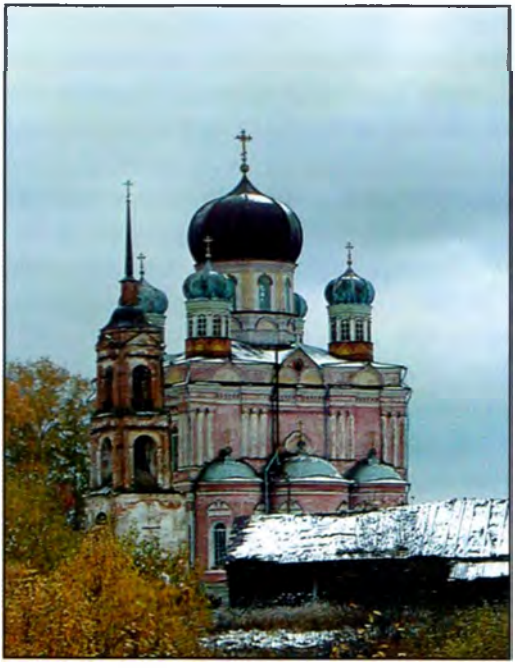
О чем и составлен настоящий протокол.

Завед. уфинотделом (подпись).

Уполномоченный общины верующих Соколова»[202].

Некоторые из насельниц обители оставались в Надеево по меньшей мере до ноября 1923 года; об этом говорит любопытный документ — «Список лиц, не имеющих права избирать и быть избранным в сельский и волостной Совет, согласно Конституции и инструкции по выборам, Словинской волости Макарьевского уезда, Иваново-Вознесенской губернии. Составлен 13 дня ноября мес[яца] 1923 года» (Макарьевский уезд в 1922 году отошел от Костромской губернии к образованной в 1918 году Иваново-Вознесенской). В нем перечисляются (по светским именам): «Безраднова Апп[олинария] 70 лет, Пунегова Ксения 60 лет, Соколова Феоктиста 50 лет, Скворцова Евпраксия 70 лет, Овчинникова Юлия 35 лет, Лешукова Ульяна 30 лет, Трусова Анна 25 лет, Тюнышева Мария 20 лет, Большакова Вера 19 лет, Лапшина Анна 18 лет», причем в графах списка «Чем занимался до февральской революции» и «Чем занимается в настоящее время» лаконично отмечается: «монахини»[203]. В этом списке упоминается и духовенство Богородицкой церкви села Словинка: уже известный нам 33-летний священник Николай Соколов и 45-летний священник Павел Промптов[204]. Однако в «Списке лиц, не имеющих права избирать и быть избранным по Словинской волости от 8 февраля 1925 года», нет имен ни одной из прежних сестер обители (видимо, их к тому времени уже выселили)[205].

Вместе с ликвидацией монастыря верующие ожидали и закрытия храма в Словинке (к счастью, до этого не дошло). Уполномоченный Ивановского губернского отдела ОГПУ по Макарьевскому уезду Чекалев сообщал ответственному секретарю Макарьевского уездного комитета РКП(б): «25 марта сего [1923] года (...) священником села Словинки Павлом Николаевичем Пронтовым *[так в тексте — А.А.]* после окончания обедни в церкви была произнесена проповедь, где говорил он, что в скором времени, то есть на днях нам придется отслужить последний молебен царице небесной и спасителю *[так в тексте — А.А.]*, а



Богородицкая церковь села Словинка. Фото 2002 года.

потом вместо служб и молебствия будет чтение лекций»[206]...

Закрытие монастыря вызвало негативную реакцию местных жителей; об этом свидетельствует «Акт по обследованию работы и состояния Словинской ячейки РКП(б)», составленный в 1925 году инструктором организационного отдела Макарьевского уездного комитета РКП(б) Б.А. Колычковым:

«Взгляды крестьянского населения на совхоз со слов заведующего и рабочего пока неудовлетворительны не из-за самого состояния работы совхоза, а ввиду того, что совхоз находится в бывшем женском монастыре, при котором монастырь запечатан. Но у крестьянского населения, в особенности у пожилого, есть тяга и позывы совхоз сжить и открыть монастырь. (...) И в дальнейшем будто-бы имеются среди христиан слухи, что (...) монастырь отобьют»[207].

Новые владельцы, как говорится в том же «Акте», относились к бывшему монастырскому имуществу бесхозяйственно:

«При совхозе имелось двухэтажное здание, бывшая столовая монахов, при хорошем материальном состоянии большого размера. Но по настоянию ВИКа [волостного исполнительного комитета] и разрешению УИКа [уездного исполнительного комитета] осенью в 24 году верх был сломан на нардом в с. Словинку[208]. Часть материалов увезена, а другая в большинстве валяется на месте. Весь

Чудотворная Словинская икона Божией Матери, главная святыня Богородицкого храма. Фото 2002 года.

материал находится в беспорядке, что доказывает халатное отношение к таковым вещам со стороны ВИКа, что за означенный период не могли перевезти на место, и, с другой стороны, такое хорошее здание нижнего каменного этажа, ничем не покрытого, проливает дождем, отчего появляются прель и гниль»[209].

Даже после изгнания монахинь совхоз не мог похвалиться успехами в своем развитии. В «Отчете о работе Макарьевского уездного земельного управления [УЗУ] за октябрь, ноябрь и декабрь месяцы 1925 года в Макарьевский УИК» говорится: «В ведении УЗУ находится один совхоз «Восход», который большого агрикультурного воздействия на окружающее население не оказывает, т. к. находится на самоокупаемости и развернуть работу не представляется возможным»[210].

В двадцатые и последующие годы в Надеевской пустыни были разрушены Успенский храм, Троицкий собор и колокольня; в здании бывшего братского корпуса (сейчас также полностью разрушенном) находился совхозный молокозавод[211]. К настоящему времени от Надеевской пустыни остались только два невысоких холма на поляне посреди леса — на местах бывших храмов. Неизвестна судьба и главной святыни монастыря, чудотворного образа святителя Николая, и личных вещей старца Тимона: железного пояса, переписанных им святоотеческих творений и богослужебных последований. Часть образов из иконостаса Троицкого собора была перенесена местными жителями в Богородицкий храм села Словинка; некоторые из этих икон находятся сейчас в костромском Богоявленско-Анастасиином кафедральном соборе.

Холмы, поросшие деревьями и кустарником - все, что осталось от Успенского и Троицкого храмов Надеевской пустыни. Фото 2003 года.

Иконы из Троицкого храма Надеевской пустыни, хранящиеся в костромском Богоявленско-Анастасиином кафедральном соборе: слева — святой царь и пророк Давид, справа — святой пророк Иезекииль.

Печальная судьба постигла в XX столетии и городецкую Богородице-Феодоровскую обитель, строителем которой преподобный Тимон являлся в начале XIX века. «Монастырь погибал постепенно. Сначала местные чекисты позарились на монастырскую мебель и вывезли ее. А уж затем начали сбрасывать колокола с храмов и колоколен. (...) Колокольня, лишившись гласа Божьего — колоколов, стала работать водокачкой. Но даже в этом звании раздражала большевиков. Поэтому ее, такую красавицу, они и уничтожили. (...) [Сейчас] остались от всей древности и великолепия [монастыря] лишь два перестроенных корпуса: настоятельские и братские кельи превращены в больницу, а трапезный корпус с церковью святого Пантелеимона — в почту»[212].

Здания городецкого Богородице-Феодоровского монастыря, сохранившиеся до нашего времени: настоятельские и братские кельи (вверху), трапезный корпус (внизу). Фото 2004 года.

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПОЧИТАНИИ ПРЕПОДОБНОГО ТИМОНА В XX ВЕКЕ

После разрушения Надеевской пустыни местом паломничества почитателей преподобного, наряду с его могилой, стал Никольский источник близ деревни Паново, выкопанный и освященный преподобным Тимоном. Имеются письменные свидетельства исцелений, происходивших на источнике или после употребления взятой здесь воды, с тридцатых годов XX века до нашего времени. Приведем здесь (с некоторыми сокращениями) три из них.

«Колодчик, который находится у деревни Паново, у нас в деревне называли источником великого святого Николая Угодника и говорили, что выкопан он святым батюшкой Тимоном.

...Когда у моей внучки появился сын, мой правнук, она его родила семи месяцев, недоношенного. И все бы хорошо, а вот речи нет, даже «мама» по слогам не произносил. Когда на колодчик от церкви [Введенского кафедрального собора г. Галича] поехали, я его с собой взяла. И вот сразу после прибытия в Галич мой правнук стал говорить.

Я очень чту этот колодчик. Батюшка Тимон, выкопавший его, был очень сильным молитвенником, что так этот колодчик помогает. С большой уверенностью говорю: мне 30 сентября будет 80 лет *[запись сделана в 2002 году — А.А.]*, я обязана этому свету светлому».

«После перенесения трех сложнейших операций в онкологическом диспансере я, очень больная и слабая, услышав от прихожан [Введенского кафедрального собора], что они ездят помолиться ко святому источнику Николая Угодника и отца Тимона, попросила сестру свозить меня туда.

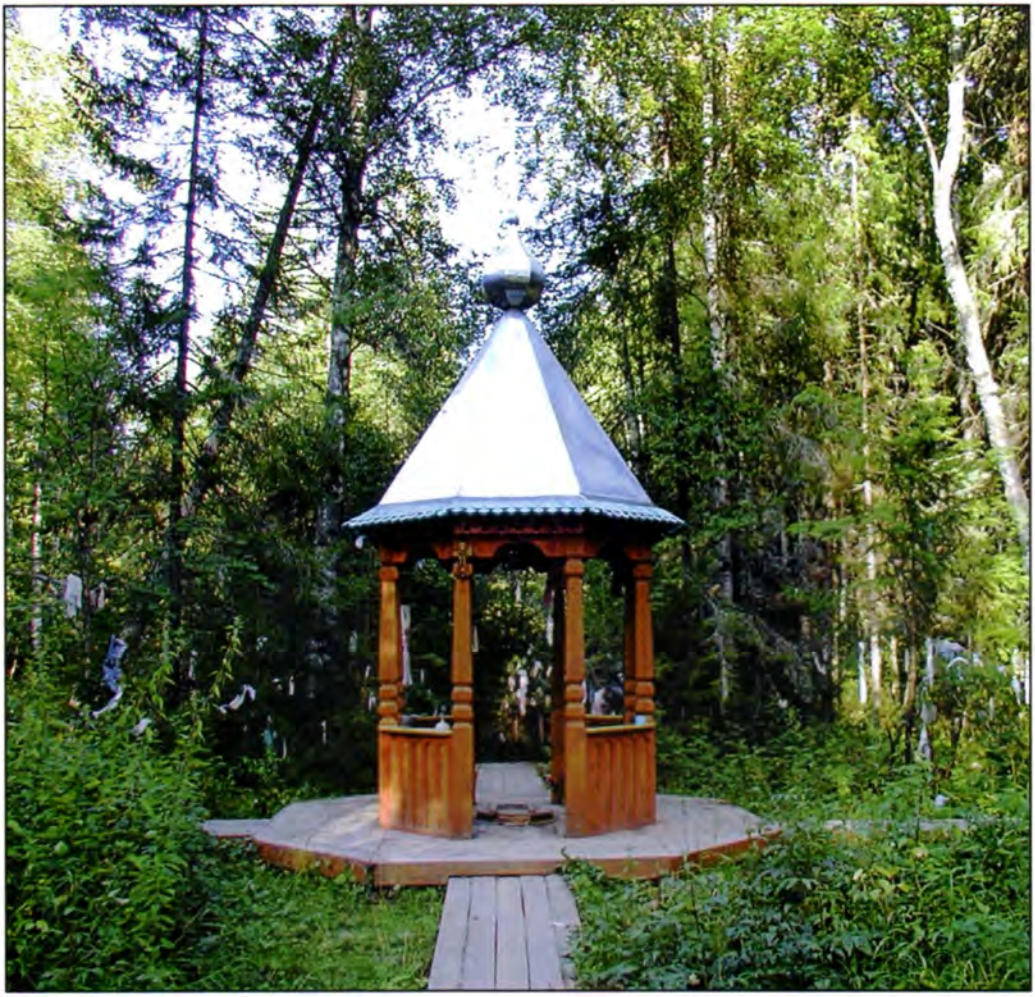
В автобус меня вносили на руках. На источнике я усердно молилась со слезами. Раздели меня, полили святой водичкой и домой мне много набрали воды. Одежду свою я велела там оставить и сказала: «Я умру, а вы вспомните Клавдию». Но после поездки я почувствовала себя лучше. А на другой год сама поехала, без посторонней помощи».

«Вместе с прихожанами храма Введения Пресвятой Богородицы я поехала в паломничество в село Словинку, чтобы помолиться Смоленской иконе Божией Матери — это было 10 августа. До этой поездки по святым местам я нигде не была. У меня очень болели ноги, я решила съездить.

Святой колодчик отца Тимона находится в укромном месте в лесу, но к нему ведет торная, то есть протоптанная, тропа, а подход к источнику был очень вязкий, топкий. Отслужив молебен на источнике, мы попили воды, набрали ее домой, а потом обливались этой святой водой. Но как я только вступила в этот вязкий ил у источника, у меня по ногам словно ток прошел. Хотя вода была ледяная, мне было очень жарко. После первой поездки к источнику я почувствовала облегчение в ногах. Потом я ездила каждый год, и ноги перестали болеть. А до этого я ездила шесть раз в санатории, и безрезультатно»[213].

Существует благочестивая традиция посещения источника преподобного Тимона в день празднования в честь Смоленской иконы Божией Матери – 28 июля / 10 августа - местночтимый чудотворный образ Которой (именуемый Словинским) находится в Богородицком храме села Словинка[214]. Попечением Галичского благочиния Костромской епархии над источником воздвигнута деревянная часовня.

На кустах, окружающих часовню, всегда можно увидеть множество привязанных ленточек. Это связано с давним местным обычаем: каждый, получивший исцеление от недугов при посещении источника или после употребления взятой из него воды, должен вернуться сюда и оставить ленточку в память о поданной ему благодатной помощи Божией.



Часовня над источником преподобного Тимона. Фото 2003 года.

ОБРЕТЕНИЕ СВЯТЫХ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО ТИМОНА И ИХ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ

В августе 2003 года Галичской археологической экспедицией (руководитель — старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского богословского института, кандидат исторических наук А.Г. Авдеев) при исследовании фрагментов стен и фундамента Успенского храма Надеевской пустыни был обнаружен склеп - место захоронения преподобного Тимона, где покоились его святые мощи.

В докладной записке руководителей экспедиции, представленной на рассмотрение синодальной Комиссии по канонизации святых, указывалось:

«При расчистке стен Успенского храма рядом с его алтарем (между Троицким и Успенским храмами) был выявлен завал камней, спускавшийся по склону холма к юго-западу. Во время разборки завала в его верхней части экспедиция обнаружила отдельные фрагменты человеческих костей и чугунные детали часовни. При полном снятии завала была выявлена верхняя часть кирпичного склепа размерами 2,40х3,80 м. В заполнении склепа находились фрагментированные останки, разбросанные по всей площади склепа. Они принадлежали мужчине преклонных лет, высокого роста и крепкого телосложения. Также был обнаружен бронзовый нательный крест; о иноческой принад-

Расчистка склепа, в котором покоились святые мощи преподобного Тимона (в центре - А.Г. Авдеев). Фото 2003 года.

лежности захоронения свидетельствует найденный на дне склепа параман (и крест, и параман можно с уверенностью датировать второй половиной XVIII — началом XIX вв).

При опросе старожилов из близлежащей деревни Паново выяснилось, что открытый склеп является местом захоронения старца Тимона Надеевского. Об этом же свидетельствуют и обнаруженные здесь фрагменты чугунной часовни, которая с начала XX века стояла над местом погребения старца. По рассказам местных жителей, Николо-Надеевская пустынь после революции 1917 года была закрыта и превращена в молочную ферму. После Великой Отечественной войны монастырский некрополь подвергся осквернению и разграблению. По свидетельству местного жителя — одного из участников этого акта — земля с могил сгребалась бульдозером, а затем погребения раскапывались в поисках якобы спрятанного в них золота. При этом было указано и на исследованное нами захоронение старца Тимона.

В связи с тем, что могила уже однажды была вскрыта, а на территории пустыни обнаружились многочисленные — в том числе и совсем недавние — следы деятельности так называемых «черных археологов», возможность дальнейшего поругания останков надеевского старца представлялась более чем реальной. Чтобы предотвратить это, 17 августа 2003 года останки старца Тимона и его сохранившиеся личные вещи — иноческий параман и нательный крест — были перенесены в Богоявленско-Анастасиин кафедральный собор града Костромы»[215].

Над склепом преподобного в Надеевской пустыни сейчас установлен памятный крест. Замечательно, что канавка, выкопанная преподобным, сохранилась до нашего времени. «Канавка отчетливо прослеживается с трех сторон, кроме юго-западной стороны. В самой канавке имеется много кирпича (по-видимому, она была обложена кирпичом или сразу за канавкой была расположена монастырская ограда). На всем протяжении канавка сильно поросла растительностью, но визуально прослеживается достаточно четко»[216].

Учитывая то, что в послевоенные годы место упокоения преподобного Тимона подверглось вскрытию, священноначалие Костромской епархии сочло необходимым передать обретенные останки старца для проведения медико-криминалистического исследования в Российский центр судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ (несомненно, такая практика требуется сейчас во всех подобных случаях). В результате работ, компетентно и скрупулезно произведенных заведующим отделом идентификации личности центра заслуженным врачом РФ доктором медицинских наук профессором В.Н. Звягиным, был составлен отчет, завершающийся выводом:

«Результаты медико-криминалистического исследования и анализ портрета иеромонаха Тимона с учетом житийных данных и результатов археологического исследования, взятые в совокупности, свидетельствуют о принадлежности останков иеромонаху Тимону, возобновителю Надеевской пустыни, преставившемуся в 1840 году на 74-м году жизни»[217].

Слева - нательный крест преподобного Тимона (со следами эмали), справа - параман старца (после реставрации, проведенной в 2003 году). Фото 2004 года.

Рака со святыми мощами преподобного Тимона в костромском Богоявленско-Анастасиином кафедральном соборе. Фото 2003 года.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ТИМОНА В ЛИКЕ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ

Непрекращающееся почитание старца Тимона в пределах Костромской епархии и собранные епархиальной комиссией по канонизации святых материалы позволили вынести вопрос о возможности прославления надеевского подвижника в лике местночтимых святых Костромского края на рассмотрение церковного священноначалия. Положительное решение этого вопроса синодальной Комиссией по канонизации святых Русской Православной Церкви нашло свое завершение в Определении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 24 декабря 2003 года:

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II О КАНОНИЗАЦИИ ПРЕПОДОБНОГО ТИМОНА, СТАРЦА НАДЕЕВСКОГО (1766-1840)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

На протяжении более полутора веков верующими Костромского края благоговейно хранится память о жизни и старческом служении иеромонаха Тимона, пустынножителя и возобновителя Никольской Надеевской пустыни Костромской епархии, ученика и духовного друга великого подвижника и молитвенника — преподобного Серафима, Саровского чудотворца, столетний юбилей прославления которого в лике святых мы отмечаем в 2003 году.

Начав свое служение Церкви Христовой в диаконском сане на Нижегородской земле и, по кончине супруги, вступив на путь подвижнической жизни, диакон Тихон - будущий старец Тимон - непреложно руководствовался духовными наставлениями преподобного Серафима. По благословению саровского старца он поступил в братию Вознесенского Печерского Нижегородского монастыря, а затем, приняв монашеский постриг, возглавлял Богородице-Феодоровскую Городецкую обитель — являвшуюся местом пребывания великой святыни Костромского края и всей Православной России, чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, до скорбной годины иноземного нашествия в XIII столетии.

По благословению преподобного Серафима иеромонах Тимон удалился в надеевские леса и там пребывал в подвиге пустынножительства, соединенном с непрестанной молитвой и иноческими трудами. Но *не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5, 14)*; эти Евангельские слова исполнились на старце Тимоне, как и на его духовном наставнике преподобном Серафиме Саровском. По прошествии шести лет пустынного безмолвия Господь явлением Своим призвал иеромонаха Тимона к новому подвигу — воссозданию монашеской жизни в Никольской Надеевской пустыни. При последней встрече отца Тимона с преподобным Серафимом саровский старец духовно укрепил своего ученика в предстоящих трудах и напутствовал его словами: «Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей на пути, сей и в тернии; всё где-нибудь да прозябнет и возрас-

тет и плод принесет, хотя и не скоро».

Господь наделил иеромонаха Тимона благодатными дарами прозорливости, чудотворений и исцелений - многие случаи проявлений которых были записаны современниками и сохранились до нашего времени.

Пройдя долгий путь благочестивой подвижнической жизни, старец Тимон преставился ко Господу в 1840 году — в срок, предсказанный ему преподобным Серафимом. Предсмертные слова подвижника, обращенные к инокам обители, служат примером духовного назидания для всех нас: «При несомненной вере в Божественный промысл, жизнью воздержною, миролюбивою, молитвою бденною, пламенною, терпением постоянным, сокрушением нелицемерным идите неуклонно, пролагайте себе дорогу в вечность, за гробом на небе наша отчизна; все простите меня, молю вас, Господа ради».

25 декабря 2003 года, костромской Богоявленско-Анастасиин кафедральный собор. Оглашение Определения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II о прославлении преподобного Тимона в лике местночтимых святых Костромской епархии.

Синодальная Комиссия по канонизации святых, рассмотрев благочестивую жизнь и пастырское служение иеромонаха Тимона, исполненные истинного смирения, послушания, благодатной прозорливости и чудотворения как при жизни, так и по смерти, непрекращающееся народное почитание праведника, бывшего истинным другом, собеседником и учеником преподобного Серафима Саровского, не нашла препятствий для его прославления в лике преподобных как местночтимого святого Костромской епархии.

Настоящим определяем:

1. Причислить иеромонаха Тимона, старца Надеевского, к лику местночтимых святых Костромской епархии.

2. Честные останки иеромонаха Тимона, пребывающие ныне в Богоявленско-Анастасиином кафедральном соборе града Костромы, именовать святыми мощами и воздавать им должное поклонение.

25 декабря 2003 года. Осенение молящихся иконой преподобного Тимона (слева - архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл, справа - епископ Тираспольский и Дубоссарский Юстиниан).

3. Имя преподобного Тимона, старца Надеевского, включить в собор Костромских святых (23 января / 5 февраля), а память праздновать в день его кончины — 21 января / 3 февраля.

4. Службу новопрославленному иеромонаху Тимону, после дня прославления, отправлять общую по чину преподобных и благословить составление особой службы.

5. Писать новопрославленному иеромонаху Тимону, старцу Надеевскому, иконы для поклонения, согласно определению VII Вселенского Собора.

6. Напечатать житие иеромонаха Тимона для назидания в благочестии чад церковных.

7. Настоящее Определение Наше довести до сведения клириков и верующих православных приходов и обителей города Костромы и Костромской епархии.

Предстательством и молитвами преподобного Тимона, старца Надеевского, Господь да укрепит веру православных христиан и ниспошлет им Свое благословение.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ»[218].

В соответствии с благословением Предстоятеля Русской Православной Церкви прославление преподобного Тимона, старца Надеевского, в лике мест-

25 декабря 2003 года. Молитва у святых мощей преподобного Тимона.

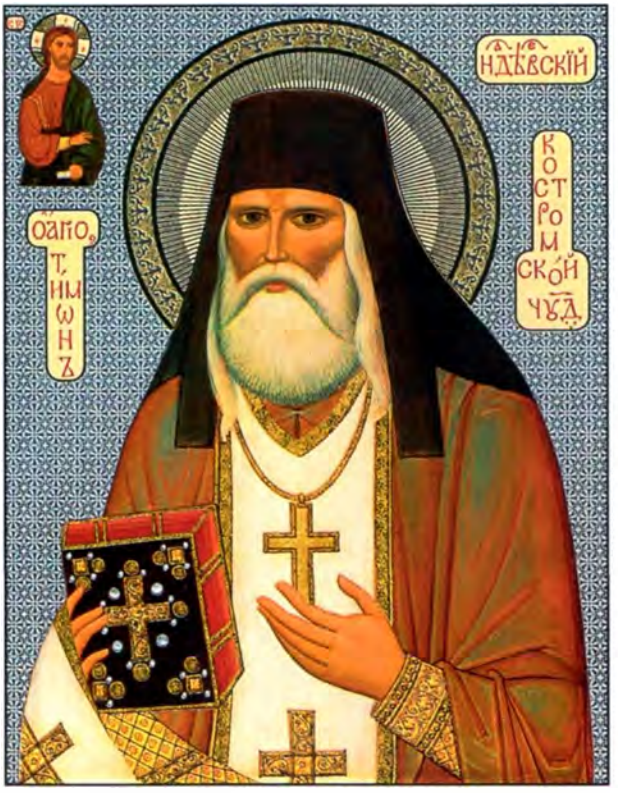
25 декабря 2003 года. Участники канонизации преподобного Тимона в Богоявленско-Анастасиином кафедральном соборе.

6 февраля 2004 года. Передача иконы и частицы святых мощей преподобного Тимона в дар Вознесенскому Печерскому монастырю (справа - епископ Нижегородский и Арзамасский Георгий).

ночтимых святых Костромской епархии состоялось 25 декабря 2003 года в Богоявленско-Анастасиином кафедральном соборе града Костромы. За Божественной литургией, которую совершали автор книги, архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл и епископ Тираспольский и Дубоссарский Юстиниан, после оглашения Определения Святейшего Патриарха при пении тропаря преподобному Тимону архипастыри осенили молящихся иконой новопрославленного святого. На богослужении присутствовало все духовенство Костромской епархии и многочисленные верующие. По завершении литургии участники торжества приложились к святым мощам преподобного Тимона, рака с которыми теперь располагается близ киота с Феодоровской иконой Пресвятой Богородицы.

5 февраля 2004 года, в день празднования Собора Костромских святых, главная святыня Костромского края — чудотворная Феодоровская икона Божией Матери — была перенесена в Нижний Новгород; до 25 марта она находилась в Вознесенском Печерском мужском монастыре, где начался монашеский путь преподобного Тимона. Вместе с иконой в Нижний Новгород прибыла и частица мощей надеевского старца, 6 февраля за Божественной литургией переданная в дар обители вместе с иконой новопрославленного святого.

Завершая повествование о жизни и подвигах преподобного Тимона, хотелось бы выразить надежду, что по милости Божией настанет время нового воссоздания Надеевской пустыни - по словам самого святого, «места благочестивых трудов и покоя великих и многих подвижников», среди которых воссияло и имя старца Тимона, ученика преподобного Серафима Саровского.



Дни памяти преподобного Тимона, старца Надеевского

Преставление ко Господу — 21 января / 3 февраля.
Собор Костромских святых — 23 января / 5 февраля.

Тропарь, глас 4

Яко светозарная звезда / возсиял еси в пределех земли Костромския, / преподобне отче наш Тимоне, / последуя завету преподобнаго Серафима Саровскаго, / в Надеевской пустыни подвигом бдения, пощения и молитвы подвизался еси, / многия иноки и в миру сущия ко Христу привел еси, / ныне со святыми у Престола Божия пребываеши. / Молися Христу Жизнодавцу / о всех, с верою имя твое призывающих.

Кондак, глас 3

Преподобне отче Тимоне, / земли Костромския похвало и украшение, / от юности Христа Бога возлюбил еси, / Евангельски шествовав путем земным, / Небеснаго Отечества сподобился еси. / Ныне же моли Всемилостиваго Господа / спастися душам нашим.

Молитва преподобному Тимону, старцу Надеевскому

О преподобне и богоносне отче наш Тимоне, дивный строителю и благоукрасителю обители Надеевския, Костромския земли преславный чудотворче!

Ты, от юных лет Промыслом Божиим к духовному подвижничеству призванный, о благоугождении Господу Богу и Спасителю нашему Иисусу Христу издетска помышлял еси. Прилежным учеником и воспитанником бывый, богомудрая наставления пастырей, учителей церковных и преподобных отцев неленостно в сердце своем слагал еси.

Егда же призвал тя Господь к служению Церкви Святей Своей, попущением Божиим многия скорби мирския и треволнения житейская испытал еси. Сего ради Человеколюбивый Бог велие утешение духови твоему подал еси, егда удостоил тя прияти чин ангельский. Темже и сам искушен быв, помози ныне и нам, искушаемым скорбьми и болезньми временныя сея жизни.

Ты, от великаго подвижника земли Русския преподобнаго и богоноснаго отца нашего Серафима, Саровскаго и всея России чудотворца, духовная наставления получивый, сам многая верная чада ко спасению наставил еси. Управи и наш путь, немощных и грешных, от спасения ныне далече отстоящих.

Еще в земней жизни своей чудесных видений святых угодников Божиих удостоивыйся, ты и ныне со Пречистою Богородицею и со всеми святыми, Костромскаго края покровителями, пред Престолом Божиим молишися. Испроси и нам у Великодаровитаго Бога грехов оставление и на Страшном Суде милосердое прощение.

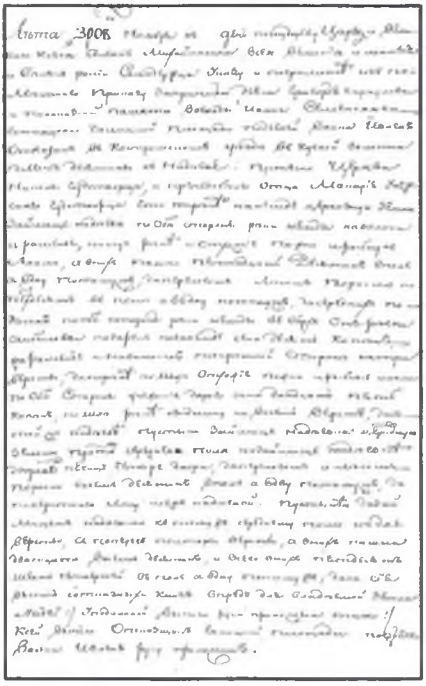
Моли, о преподобне и богоносне отче наш Тимоне, да помилует Господь страну нашу, да просветит ея жителей светом Святаго Евангелия Своего и утвердит Церковь Свою Святую до скончания века. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Грамота 1664 года о землях и угодьях Надеевской пустыни (фрагмент)

Копия данной грамоты сохранилась в архивных бумагах Троицкой Кривоезерской пустыни. Текст приводится по копии, с частичным сохранением его орфографических особенностей.



Лета 7172-го [1664] ноября в (...) день по Государеву, Цареву и Великаго Князя Алексия Михайловича Всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца Указу и по грамоте из Поместнаго приказу за приписью дьяка Григорья Караулова и по наказной памяти воеводы Ивана Семеновича Готовцова, Галицкой площади подьячий Васка Иевлев отказал в Костромском уезде в Куской волости Плеские десятины к Надееве пустыни церкви Николы чудотворца и преподобнаго отца Макария Унженскаго чудотворца, что на реке на Немде, церковную землю: займище Надеева по обе стороны реки Немды наволоки* и раменье**, на Шуе реке и отхожие пожни и рыбную ловлю, а в них пашни пятнадцать десятин в поле а вдву потому же, да перелогом лесом поросло, пятьдесят в поле а вдву потому же, да серед них покосом по обе стороны реки Немды вверх от речки Санбыловки по за реке по Немде сена десять копен***, за раменье и наволокове по зарешной стороне на три версты, да по реке по Шуе отхожие пожни и рыбные ловли по обе стороны Унженские дороги сена двадцать пять копен, по Шуе реке в длину на восемь

---

* Наволок — речная пойма (участок берега, заливаемый водой во время весеннего половодья), заливной луг.

** Раменье — лес, соседний с полями или пашней.

*** 1 копна — мера площади сенокосных угодий, применявшаяся в XVII столетии. 1 копна равнялась 0,1 десятины (то есть считалось, что с одной десятины снимали в среднем 10 копен сена).

верст, да в той же Надееве пустыни займище Надеевка церковную землю против середнева поля на займище Надеевке дворовых печищ четыре двора, да перелогом и лесом поросло восемь десятин в поле а вдву потому же, да поверстнаго лесу меж Надеевской пустынею да займищем Надеевкою к тому же середнему полю на две версты, а поперек полторы версты, а в них пашни двадцать восемь десятин, и всего в них пятдесят шесть четвертей в поле а вдву потому же. Дана сия выпись с отказных книг впредь для владеемой земли и угодей. У подлинной выписи рука приложена тако: К сей выписи отказщик Галицкой площади подьячий Васька Ивлев руку приложил.

Государственный архив Ивановской области, ф. 893, оп. 1, д. 233, л. 20.

Приложение 2

Свидетельства о Николо-Надеевской пустыни в документах двадцатых годов XVIII века

Приведенные ниже материалы извлечены из «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода», том IV. В данном описании вначале приводится заглавие дела, а затем кратко излагается его содержание.

Дело № 238/68, 17 мая 1724 года.

По просьбе игумена Иоасафа и братии Словенского монастыря, в Кадуевской осаде, Костромского уезда, о приписке к их монастырю Николаевской Надеиной и Преображенской, в Булине, пустыней.

Словенский монастырь имел 15 монахов, Николаевская пустынь — четырех, а Преображенская — пять. Обе пустыни не владели ни угодьями, ни крестьянами, ни бобыльскими дворами, «а пропитывались собою». Московская Синодальная Канцелярия* полагала приписать эти пустыни к Словенскому монастырю, но определения Святейшего Синода в деле нет.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, том IV (1724 год), СПб., 1880, стб. 236.

---

* До учреждения в 1744 году Костромской епархии в церковном отношении местность, где располагалась Надеевская пустынь, принадлежала к Московской митрополичьей, а затем — Патриаршей области, именовавшейся с 1721 года синодальной (в связи с учреждением Святейшего Синода вместо Патриаршества).

Дело № 243/448, 12 мая 1724 года – 29 октября 1725 года.

По доношению Московской Синодальной Канцелярии о приписке к Костромскому Троицкому Ипатьевскому монастырю малобратственных: Троицкого Сыпанова и Благовещенского монастырей и пустыней: Рождественской, в Кинешемском уезде, Пахомиевой и Преображенской, в Галичском уезде, Ильинской-Яблонной, Николаевской, Николаевской в Надеине, Воскресенской в Гаезикове, Словенской на реке Томе и Андреяновой.

По доношению Синодальной Канцелярии о приписке вышеназванных обителей к Ипатьевскому монастырю резолюции Святейшего Синода, за неимением сведений ни о числе монашествующих в тех обителях, ни об их угодьях и крестьянах не последовало. 22 октября 1725 г. архимандрит Ипатьевского монастыря Серапион вновь ходатайствовал пред Синодом о приписке к его монастырю двух из означенных пустыней – Рождественской, что в Кинешемском уезде, и Благовещенской – в Галичском, объяснив при этом, что прочие указанные обители, приписанные к Ипатьевскому монастырю по приговору Московской Синодальной Канцелярии, упразднены им, за исключением одного Сыпанова монастыря. Когда и на основании каких данных состоялся в Московской Синодальной Канцелярии такой приговор – из дела не видно. Дело Серапиона не решено.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, том IV (1724 год), СПб, 1880, стб. 239-240.

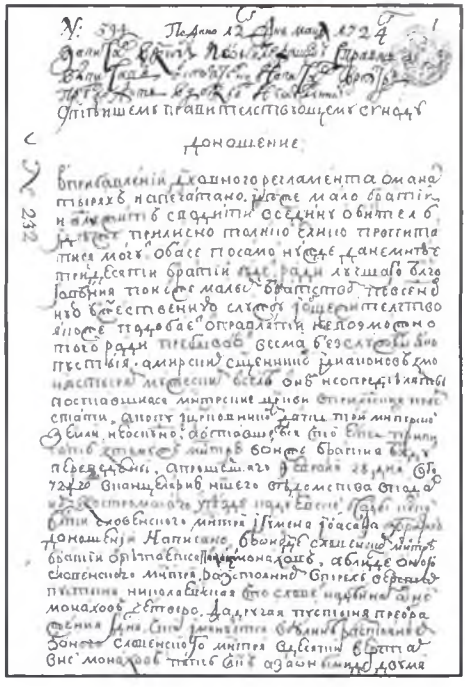
Из упомянутых выше обителей, кроме Надеевской, еще не менее двух пустыней - Словенская (точнее, Словинская Богородицкая или Ново-Словинская Богородице-Одигитриева) и Ильинская Яблонная – все же не были упразднены. Как указывает И.В. Баженов, около 1744 года Словинская обитель имела 107 душ крестьян и лишь при учреждении штатов в 1764 году была обращена в приходскую церковь[219], а Ильинская Яблонная пустынь (где в 1753 году проживали только двое насельников) также существовала до 1764 года[220].

Представляет интерес доклад канцелярии Синоду (1724 год), сохранившийся до нашего времени (текст приводится с частичным сохранением орфографических особенностей).

1724 года маия 12го дня.

Подоношение Московской Синодального правления канцелярии о приписке Костромскаго уезду Кадуевской осады Куской волости к Словенскому монастырю, пустынь Николаевской, что словется Надеина, Преображения что в Булине. (...)

В прибавлении Духовного Регламента о монастырях напечатано, идеже мало братий, надлежит сводити во едину обитель, идеже прилично толико, елико пропитатися могут, обаче по самой нужде, да не менее тридесяти братий будет, ради лучшаго благоговения, понеже малым братством повседневную



Божественную службу и общежителство якоже подобает отправляти невозможно, того ради пребывают весма без службы яко пустыя, а мирских священников и диаконов в монастырях мужеских отселе он не определяет, а оставшиеся монастырские церкви в приходския поверстати, а попу и церковником дать той монастырской земли неоскудно, а оставшее, вся что есть приписать к томуж монастырю вонже братия будут переведены. А прошедшаго февраля 28 дня сего 724 года в канцелярию нашего ведомства в поданном Костромскаго уезду Кадуевской ограды Куской волости Словенского монастыря игумена Иоасафа з братиею доношении написано, во оном де Словенском монастыре братии обретается пятнадцать монахов, а близ де оного Словенского монастыря разстоянием в трех верстах пустыня Николаевская что слывет Надеина а в ней монахов четверо. Да другая пустыня Преображения Господня, что имянуется в Булине, разстоянием от оного Словенского монастыря в десяти верстах, в ней монахов пять человек, а за оными де двумя пустынями крестьянских и бобылиих дворов нет, а пропитание де имеют оные монахи собою, и оные пустыни никоторым степенным монастырям и поныне не приписаны. И что Его Императорского Величества указом и Святейшаго Правительствующаго Синода разсмотрением вышеозначенную Николскую и Преображенскую пустыни повелено было приписать ко оному их Словенскому монастырю и монахов для общаго сожития перевести в тот же монастырь. А по справке в Монастырском приказе по закладным книгам прошлого «706» года, в Костромском уезде помянутых пустынь Никольской и Преображенской не написано, также и что в тех пустынях монахов порознь обретается и какими доходами оные себе пропитание имеют, того во оном Монастырском приказе неведомо. Канцелярия нашего ведомства оных пустынь, Никольской и Преображенской, к Словенскому монастырю, без указу Вашего Святейшества, в приписку отдать не смеет, а по мнению нашей канцелярии оные пустыни по Духовному регламенту к Словенскому монастырю надлежит приписать, понеже по окладным книгам в Монастырском приказе оные пустыни и никакими доходы не числятца. Потому Святейший Правительствующий Синод что соблаговолит. (...)

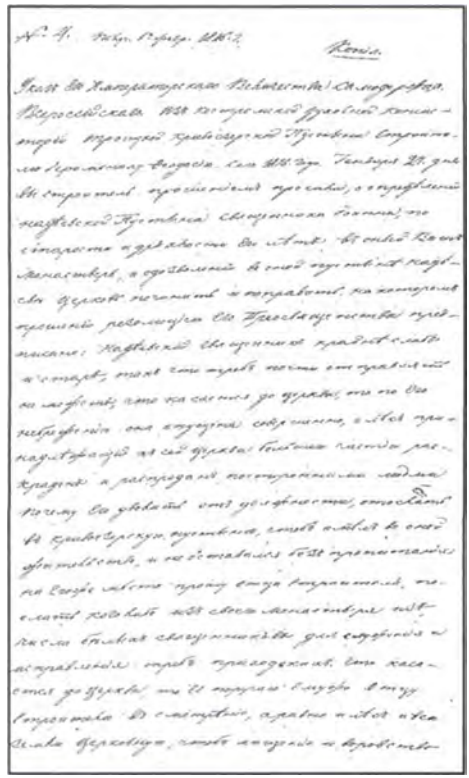
Российский государственный исторический архив,
ф. 796, оп. 5, д. 238, лл. титул, 1-1об.

Приложение 3

Документальные материалы о ремонте деревянного Никольского храма и общем состоянии Надеевской пустыни в 1816 году

Тексты указов печатаются по копиям, сохранившимся в архиве Кривоезерской пустыни.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Костромской Духовной консистории Троицкой Кривоезерской пустыни строителю иеромонаху Феодосию.



Сего 1816 года генваря 27 дня Вы, строитель, прошением просили о определении Надеевской пустыни священника Иоанна, по старости и дряхлости его лет, в оный Ваш монастырь, и о дозволении в оной пустыни Надееве церковь починить и поправить. На котором прошении резолюциею Его Преосвященства* предписано:

«Надеевский священник крайне слаб и стар, так что треб почти отправлять не может, что касается до церкви, то по его небрежению она опущена совершенно, а лес, принадлежащий к сей церкви, большею частию раскраден и распродан посторонними людьми. Почему его уволить от должности, отослать в Кривоезерскую пустынь, чтоб имел во оной жительство и не оставался без пропитания; на его же место прошу отца строителя послать кого-либо из своего монастыря из числа белых священников для служения и исправления треб приходских. Что касается до церкви, то ее поручаю ему же отцу строителю в смотрение, а равно и лес и всю землю церковную, чтоб хищение и воровство было пресечено, о чем и предписать кому следует».

---

* С 1812 по 1817 год Костромской епархией управлял епископ Сергий (Крылов-Платонов), скончавшийся в августе 1824 года в Рязани в сане архиепископа.

И для того по указу Его Императорского Величества Консисториею определено: с прописанием резолюции Его Преосвященства к должному по ней исполнению послать к Вам, строителю Кривоезерской пустыни, указ, и посылается сей, а о увольнении священника таковой же указ благочинному послан. Генваря 27 дня 1816 года.

Государственный архив Ивановской области, ф. 893, оп. 1, д. 233, лл. 15-15об.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Костромской Духовной консистории Троицкой Кривоезерской пустыни отцу строителю иеромонаху Феодосию.

Сего февраля 29-го дня присланным к Его Преосвященству Сергию, Епископу Костромскому и Галичскому и Кавалеру, Вы, строитель, прошением испрашивали дозволения в церкви Надеевой пустыни, яко способной к поправлению, пол перестлать, иконостас сделать и устроить престол, и причислить к оной церкви по ее малоприходству три деревни: Лыжино, (неразб.) и Турово от Новословинской пустыни*. На котором прошении резолюциею Его Преосвященства предписано:

Епископ Костромской и Галичский Сергий.

«В Надеевской церкви пол перестлать, иконостас сделать, Святый престол устроить, а равно произвести и другие нужные исправления дозволено. Что касается до перемещения прихожан, то о сем отец строитель имеет просить особо: о чем ему и предписать указом».

И для того по указу Его Императорского Величества консисториею определено: с прописанием резолюции Его Преосвященства к должному по оной исполнению послать к Вам, отцу строителю, указ, и посылается сей февраля 29 дня 1816 года.

Государственный архив Ивановской области, ф. 893, оп. 1, д. 233, лл. 16-16об.

---

* Несмотря на то, что Словинская пустынь была упразднена еще в XVIII веке, село Словинка (или Словинки) часто именовалось Новословинской пустынью даже в официальных документах XIX столетия.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Костромской Духовной консистории Троицкой Кривоезерской пустыни отцу строителю иеромонаху Феодосию.

Сего сентября 23 дня поданным Его Преосвященству Сергию, Епископу Костромскому и Галичскому и Кавалеру, Вы, отец строитель, рапортом донесли, что в Надеевой пустыни Николаевская церковь Вами поправлена, на каковую поправку суммы Вами употреблено из Троицкой Кривоезерской пустыни более тысячи рублей. На котором рапорте резолюциею Его Преосвященства предписано:

«Принять за известие, хранить для справок, где следует; а отцу строителю за попечение о церкви объявить письменно мою благодарность».

И для того по указу Его Императорского Величества консисториею определено: о изъявлении Его Преосвященством Вам, отцу строителю, за попечение о церкви благодарности, послать к Вам, отцу строителю, указ, и посылается сей сентября 25 дня 1816 года.

Государственный архив Ивановской области, ф. 893, оп. 1, д. 233, л. 18.

Приложение 4

Описания храмов, строений и имущества Надеевской пустыни в документах 1832-1838 годов

Опись, учиненная в Николаевской Надеевской пустыни строителем иеромонахом Макарием с братиею 1832-го года апреля (...) дня.

(...) Теплая деревянная церковь во имя святого Николая чудотворца, крытая тесом со скалью* и обитая тесом же; на коей глава обита деревянной чешуею; крест деревянный обит жестью, вкруг шеи четыре клейма, в которых изображены: с восточной стороны преподобный Макарий Унженский чудотворец; с южной Преображение Господне; с западной Николай чудотворец; и с северной стороны Вознесение Господне. Входов в нее два: с северной и другой с западной стороны, при коих сделаны два крыльца большие, с навесами, крытые тесом по скале. Внутри церкви пол деревянный, стены оштукатурены и расписаны, на потолке в церкви изображено Отечество** с предстоящими семью ангелами и окружающими херувимами, по стенам изображены девять чинов ангельских. (...)

Вновь строящаяся каменная трехпрестольная церковь с таковою же колокольнею, по утвержденному плану и фасаду Его Преосвященством Павлом, Епископом Костромским и Галичским и Кавалером.

---

* Скала или скалье — береста, употребляемая для внутренней прокладки кровли.

** «Отечество» - другое название иконы «Троица Новозаветная».

Колокольня деревянная, крытая тесом, глава на ней деревянная чешуйчатая, крест деревянный, обит жестью, и находится в крайней ветхости, почему склонилась на полуденную сторону, на ней колоколов 6: в одном весу 9 пуд 28 фунтов, в прочих пяти весу неизвестно. (*Примечание на полях:* «За ветхостию употреблена на обжиг кирпича церковного»).

Святые ворота, от древности едва составляют вид.

На юго-восточной стороне на углу деревянные кельи, в них печи кирпичные, с кладовым чуланом, на них мезонин, на обе стороны окошки, покрыты тесом со скалью, крыша выкрашена красной краской на масле, внутри кельи настоятельские. (*Примечание на полях, относящееся к святым вратам и кельям:* «Употреблены на обжиг кирпича»). (...)

На юго-западном углу деревянный корпус для приема богомольцев, в нем печи кирпичные, с чуланом, крыт тесом, с мезонином, по обе стороны окошки.

Между настоятельскими кельями с юго-западной и братской трапезой с восточной стороны — ограда, решетчатый частокол.

На северной стороне деревянный одноэтажный корпус братских келий с 4-мя покоями и 2-мя теплыми коридорами, в нем кирпичные печи, крыт тесом по скале.

Колодезь с деревянным срубом.

На северо-восточном углу братская трапеза с келарнею деревянная, в них печи кирпичные, а третья для котла с чугунным котлом, наверху светелка, крытая тесом со скалью.

Вне монастыря скотный двор, при котором две избы, светелка и въезд с задней стороны, крыт тесом со скалью, при нем имеется монастырских 3 лошади; рогатой скотины — коров 11, телиц 2 и бык один и еще малый бычок, всего 15 скотин.

Хлебный амбар, крыт тесом со скалью.

Баня братская, крыта тесом со скалью.

Овин. (...)

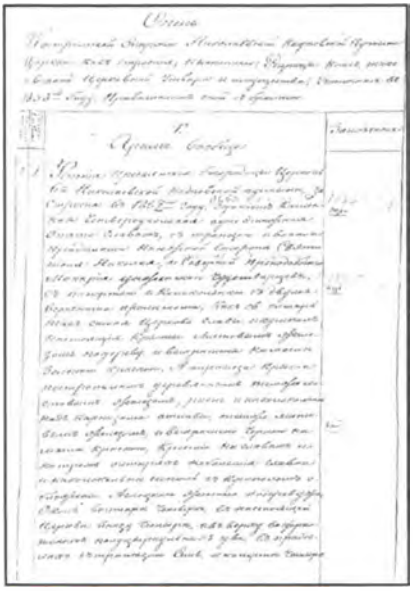
В лесу на реке Шуе изба, в ней печь одна. (...)

Государственный архив Ивановской области,
ф. 893, оп. 1, д. 194, лл. 15-23об.

Опись Николаевской Надеевской пустыни вновь прибылым церковным вещам, учиненная при освящении церкви Успения Божией Матери в 1838-м году (...).

Колокольня каменная с двумя верхними пролетами, шпиль и крест обиты белым железом. (...)

Государственный архив Ивановской области,
ф. 893, оп. 1, д. 194, л. 28.



Опись Костромской епархии Николаевской Надеевской пустыни, церкви как строения, иконостаса, ризницы, книг, так и всякой церковной утвари и имущества, учиненная в 1838-м году правителем оной с братиею.

Успения Пресвятыя Богородицы церковь в Николаевской Надеевской пустыни, застроена в 1837-м году, зданием каменная четвероугольная, одноэтажная, о пяти главах, с трапезою, и во оной приделы на южной стороне святителя Николая и северной — преподобного Макария Унженского чудотворцев; с папертью и колокольнею с двумя верхними пролетами. Как св[ятой] алтарь, так самая церковь главы и кумпол настоящия крыты листовым железом по дереву и выкрашены на масле зеленою краскою. А трапеза крыта по стропилам деревянным тем же листовым железом, равно и на колокольне над карнизами отливы, тем же листовым железом, и выкрашены черною на масле краскою. Кресты на главах, и на трех алтарях небольшие главки, и на колокольне шпиль с кумполом обложены аглецкою жестию по дереву же. Окон во алтаре четыре, в настоящей церкви внизу четыре и вверху во фронтонах полуциркульных два, в приделах с трапезою семь и паперть — четыре. (...) Наружность церкви, трапезы и паперти убрана щекотурною работою, и с колокольнею раскрыта краскою красною. (...)

В библиотеке:

Книги в лист: Евангелие с поучениями на праздничные дни; Благовестник; Устав церковный; Октоих осми гласов в двух книгах один экземпляр; еще Октоих в двух книгах один экземпляр; Миней месячных двенадцать книг; еще Миней месячных одиннадцать книг в золотом обрезе, обложенные красным сафьяном; Минея праздничная одна; Миней общих две книги; Псалтирей следованных три; Апостолов два; поучений повседневных одна; Миней-Четий в четырех книгах один экземпляр; Пролог в четырех книгах один экземпляр; Пролог трехчастный мартовской четверти — одна книга; Требник один; Триодь постная в двух книгах, один экземпляр; Триодь цветная одна книга; Ефрема Сирина одна книга; Патерик Печерский одна книга; Библия в лист Екатерининская одна книга; Кормчая в двух частях — один экземпляр.

В четверть листа: Ирмологов пять книг; О должностях пресвитеров одна книга; службы Николаю Чудотворцу три книги; книжица благодарственных пений; служебников три книги; книжицы, нарицаемые высокоторжественные дни — четыре; книжица придворного нотного пения одна; Октоихов нотного пения две книги; праздники нотные одна книга; святителя Димитрия [Ростов-

ского] поучений 2-я и 3-я части — две книги; Иоанна Лествичника одна книга; азбука начального учения простого нотного пения одна книга; книжка служба Успению Божией Матери одна в пергаменте; три книжки — 1-я служба Феодоровской Божией Матери, 2-я Димитрию Ростовскому, 3-я на Святую Пасху, в бумажном переплете; книжка чин молитвенный, писанный полууставом из [требника] Петра Могилы — одна.

В 8-ю долю листа: Евангелие и Апостол на славянском и русском диалекте — одна; Святцы одна книга; Часослов одна книга; Канонник одна книга; служебников две книги; проповеди [протоиерея] Даниила Груздева одна книга; службы на Преображение и Вознесение Господне две книги; служба Иерусалимской Божией Матери, писанная полууставом — одна книга; реестр о поминовении Императорской фамилии один.

На колокольне колоколов медных:

1. Весу в нем 67 пудов 17 фунтов.
2. Весу в нем 32 пуда 8 фунтов.
3. Весу в нем 9 пудов 38 1/2 фунтов.
4. Еще пять колоколов небольших, в которых весу не обозначено. (...)

Корпус на северо-восточном углу деревянный, на два отделения с проходными сенями и с мезонином, крыт по скале тесом, на правой стороне — братская трапеза, в ней печь кирпичная и перегородка тесовая с двумя чуланами, а на левой — братская келарня, в ней печь кирпичная с очагом, в коем вмазан для согревания воды чугунный котел, с перегородкою и чуланом.

Корпус на юго-восточном углу деревянный с мезонином, крыт по скале тесом, с тремя кельями, одним чуланом и сенями, в нем печь кирпичная одна.

Корпус на юго-западном углу деревянный с мезонином, крыт по скале тесом, с двумя кельями, двумя чуланами и сенями, в нем печь кирпичная одна.

Корпус на северной стороне деревянный, крыт тоже по скале тесом, на два отделения с проходными сенями, четырьмя братскими кельями и двумя теплыми коридорами, в них две печи кирпичные. (...)

Скотный двор, при нем две избы и над воротами холодный чулан с накатом, крыто по скале тесом, в избах же две печи кирпичные. При нем находится скота рогатого — коров десять и два быка.

Конский двор, при нем изба с чуланом, крыта дранью, в избе печь кирпичная. При нем находится лошадей четыре.

Амбар, крыт по скале тесом.

Баня, в ней печь кирпичная и очаг с котлом чугунным.

Овин для сушки хлеба.

Два колодца со срубами дерев[янными]. (...)

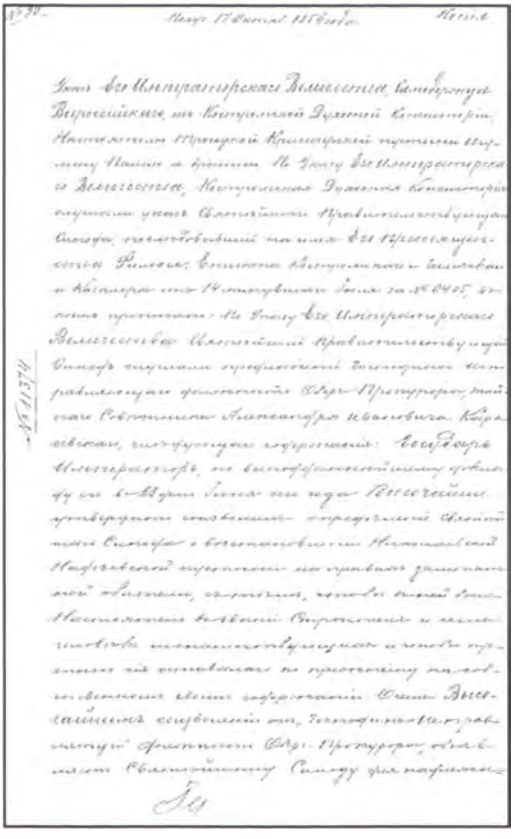
В лесу при реке Шуе деревянная изба с двумя комнатами и печью кирпичною, для пустынножителей.

Государственный архив Ивановской области,
ф. 893, оп. 1, д. 194, лл. 32-55об.

Приложение 5

Предоставление Надеевской пустыни самостоятельности в 1856 году

Текст указа Костромской Духовной консистории печатается по копии, сохранившейся в архиве Кривоезерской пустыни.



Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Костромской Духовной консистории, настоятелю Троицкой Кривоезерской пустыни игумену Паисию с братиею.

По указу Его Императорского Величества, Костромская Духовная консистория слушали указ Святейшего Правительствующего Синода, последовавший на имя Его Преосвященства Филофея*, Епископа Костромского и Галичского и Кавалера от 14 минувшего июля за № 6405, в коем прописано: По указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод слушали предложение господина исправляющего должность обер-прокурора, тайного советника Александра Ивановича Карасевского, следующего содержания:

Государь Император, по всеподданнейшему докладу его в 23 день июня сего года Высочайше утвердить соизволил определение Святейшего Синода о восстановлении Николаевской Надеевской пустыни на правах заштатной обители, с тем, чтобы в ней был настоятель в звании строителя и семь человек монашествующих и чтобы пустынь сия оставалась по прежнему на собственном своем содержании. О сем Высочайшем соизволении он, господин исправляющий должность обер-прокурора, объявляет Святейшему Синоду для надлежащего к исполнению распоряжения.

---

* Преосвященный Филофей (Успенский; 1807-1882) управлял Костромской епархией в 1853-1857 годах. Скончался в январе 1882 года в Киеве, являясь митрополитом Киевским и Галицким.

По справке оказалось, что вышеозначенное определение Святейшего Синода 22 сентября минувшего 1855 года состоялось вследствие ходатайства Вашего Преосвященства о восстановлении Николаевской Надеевской пустыни Костромской епархии самостоятельною и что определением сим было заключено: «Костромское епархиальное начальство ходатайствует пред Святейшим Синодом о восстановлении Надеевской пустыни, приписанной к Троицкой Кривоезерской пустыни, самостоятельною заштатною».

Из представленных по сему предмету Вашим Преосвященством сведений видно: 1) что Надеевская пустынь начало существования своего относит к 1-й половине 17 столетия и хотя с 1816 года, по распоряжению епархиального начальства, состоит приписанною к Кривоезерской пустыни, но по отдаленности ее от сей обители и трудности сообщения с нею, управляется особыми правителями, содержится и устрояется собственными способами, вне всякого от Кривоезерской пустыни пособия. Во владении Надеевской пустыни по планам и межевым книгам состоит в настоящее время земли и лесу 6204 десят. 969 квадр. сажен; в самой же обители, обнесенной каменною с тремя жилыми башнями оградою, находятся: а) каменная трехпрестольная церковь с каменною же колокольнею, благолепно украшенная и достаточно снабженная ризницею и утварию; б) настоятельские кельи и пять братских корпусов и в) вне ограды: два гостиные корпуса, конюшня и скотный двор; все сии здания, как церковные так и монастырские, построены усердием правителей пустыни. Братий в Надеевской пустыни состоит: по указным определениям 24 и по паспортам от начальства 5 человек, и все они безбедно довольствуются пищею и одеждою. Пользуясь обильными доходами и вкладами от многочисленных богомольцев, пустынь за всеми значительными расходами на постройки имеет собственного капитала более 2500 руб. серебром, которые обращаются из процентов в Приказе общественного призрения. 2) Троицкая Кривоезерская пустынь, к которой приписана Надеевская, имеет в своем владении земли 230 десят. 119 квадр. саж., водяную мукомольную мельницу, часовню и рыбную ловлю, приносящие ей значительный ежегодный доход, и сверх того капитал 11602 руб. 47 1/4 коп., хранящийся в кредитных учреждениях; от Надеевской же пустыни никаких доходов не получает, пользуясь только из дач ее дровяным лесом для отопления монастырских зданий и строевым для построек, и на будущее время, по удостоверению епархиального начальства, может безбедно существовать без Надеевской пустыни, если из дач сей последней будет по-прежнему пользоваться лесом.

Принимая во внимание, во-первых, что Николаевская Надеевская пустынь в настоящее время находится в благоустроенном состоянии; во-вторых, что она имеет достаточные средства к самостоятельному и безбедному существованию на будущее время, и, наконец, в-третьих, что за отделением сей пустыни от Кривоезерской, с дозволением последней пользоваться по-прежнему строевым и дровяным лесом из принадлежащих Надеевской пустыни лесных дач, Кривоезерская пустынь в содержании своем не оскудеет, Святейший Синод

по уважению всех сих обстоятельств и согласно с заключением Костромского епархиального начальства определяет:

1) Состоящую в Макарьевском уезде Костромской епархии Николаевскую Надеевскую пустынь отчислить от Троицкой Кривоезерской, возвесть на степень самостоятельной заштатной пустыни, с учреждением в оной настоятельства строительного и с определением для оной 7 человек монашествующих на собственном иждивении пустыни.

2) Из принадлежащих Надеевской пустыни лесных угодий дозволить Кривоезерской пустыни употреблять на собственные потребности строевой и дровяной лес, но с тем однако же, чтобы та и другая обитель (...) пользовались строевым лесом на монастырские постройки не иначе, как с разрешения Святейшего Синода, и чтобы настоятель Надеевской пустыни за сбережением леса имел строгое наблюдение.

3) На приведение сего положения в исполнение предоставить господину исправляющему должность обер-прокурора Святейшего Синода тайному советнику Александру Ивановичу Карасевскому испросить установленным порядком Высочайшее Его Императорского Величества соизволение, для чего и передан был в канцелярию обер-прокурора на время исполнения подлинный протокол.

Приказали: о Высочайше утвержденном определении Святейшего Синода касательно восстановления Николаевской Надеевской пустыни на правах заштатной обители, с тем, чтобы в ней был настоятель в звании строителя и семь человек монашествующих, и чтобы пустынь сия оставалась по-прежнему на собственном своем содержании, дать знать Вашему Преосвященству для надлежащего со стороны Вашей исполнения в чем следует. Независимо от сего предписать Вашему Преосвященству сделать должное с Вашей стороны распоряжение к исполнению и 2 пункта упомянутого определения Святейшего Синода относительно дозволения Кривоезерской пустыни пользоваться строевым и дровяным лесом из принадлежащих Надеевской пустыни лесных угодий на изъясненных в том пункте основаниях.

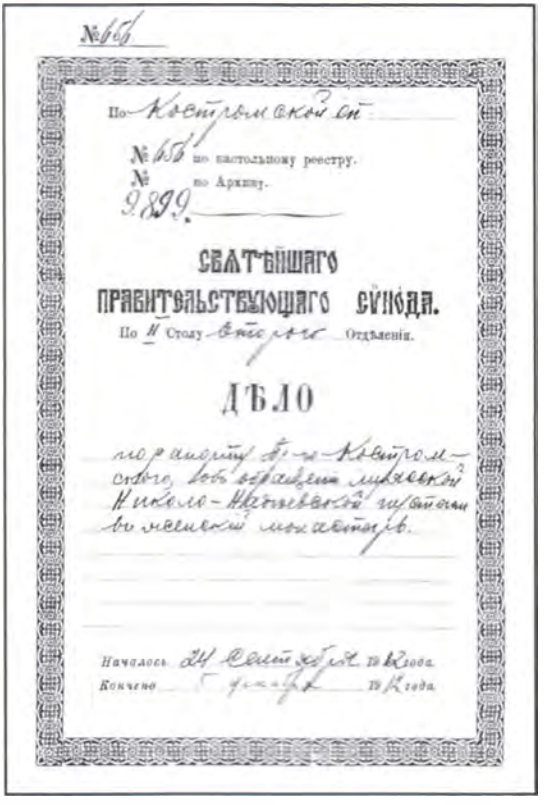
На сем указе резолюция Его Преосвященства последовала: «К исполнению сего указа консистория имеет сделать надлежащее распоряжение». — Приказали: о содержании сего указа дать знать строителю Надеевской и Вам, настоятелю Кривоезерской пустынь с братиями указами, с тем, чтобы согласно сему указу Святейшего Синода из принадлежащих Надеевской пустыни лесных угодий Кривоезерская пустынь пользовалась на собственные потребности строевым и дровяным лесом, и чтобы та и другая (...) употребляла строевый лес на монастырские постройки не иначе, как с разрешения Святейшего Синода, и чтобы строитель Надеевской пустыни за сбережением леса имел строгое наблюдение. Сентября 29 дня 1856 года.

Государственный архив Ивановской области, ф. 893, оп. 1, д. 253, лл. 1-4.

Приложение 6

Преобразование Надеевской пустыни в женский монастырь в 1912 году

Указ Святейшего Синода печатается по копии, сохранившейся в фондах Российского государственного исторического архива.


№ 656

По Костромской еп.

№ 656 по настольному реестру.

№ по Архиву.

9899

СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА.

По II Столу второго Отдѣленія.

ДѢЛО

по рапорту Бр-го Костромского, объ обращеніи мужской Николо-Надеевской пустыни въ женскій монастырь.

Началось 24 Сентября 1912 года.

Кончено 5 декабря 1912 года.

1912 года ноября 30 дня.

По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушали: рапорт Преосвященного Костромского*, от 12 сентября 1912 года за № 798, по делу об обращении заштатной общежительной Николо-Надеевской пустыни, Макарьевского уезда, в женскую общежительную обитель.

ПРИКАЗАЛИ: Преосвященный Костромской в рапорте Святейшему Синоду объясняет, что в Макарьевском уезде существует заштатная общежительная мужская Николо-Надеевская пустынь. Обитель сия имеет: 3103 дес. земли и 34760 руб. запасного капитала и все необходимые постройки как для помещения братии, так и для разных сельско-хозяйственных надобностей. Но имея столь достаточные средства к содержанию, Николо-Надеевская пустынь не только не развивается в своем благоустройстве, а год от году падает. Причиною тому служит недостаток монашествующих как в количественном, так и особенно в качественном отношении. В настоящее время в обители состоит: 4 иеромонаха, 2 иеродиакона и 2 монаха, все из крестьян, без всякого образования, а оба монаха даже неграмотные. Настоятель обители игумен Игнатий умер 7 марта

---

* С 1905 по 1914 год Костромской епархией управлял епископ (с 1913 года — архиепископ) Тихон (Василевский; 1867-1927), впоследствии (в 1923 году) уклонившийся в обновленческий раскол и скончавшийся в 1927 году, являясь обновленческим «митрополитом Воронежским».

сего года. Избрать нового настоятеля из среды братии не представляется никакой возможности в виду совершенного несоответствия наличных монашествующих настоятельской должности. Настоятель же, назначенный извне, окажется в положении одинокого деятеля без помощников, и потому даже при достаточной энергии не в состоянии будет привести обитель к надлежащему благоустройству. За отсутствием способных монашествующих в обители не имеется никаких просветительных или благотворительных учреждений, хотя по своим средствам обитель могла бы иметь таковые. Не проявляя ни просветительной, ни благотворительной деятельности, обитель не оказывает религиозно-нравственного влияния на окрестное население, которое, если и посещает обитель, то лишь в виду имеющегося здесь в Успенской церкви явленного образа святителя и чудотворца Николая. При таком состоянии Николо-Надеевской пустыни наиболее действительной и целесообразной мерой к благоустройству ее во всех отношениях является обращение ее из мужской в женскую. Ввиду сего Преосвященный Костромской ходатайствует об обращении мужской Николо-Надеевской пустыни в женский общежительный монастырь с таким числом монашествующих, какое обитель в состоянии будет содержать на собственные средства, и об учреждении при сей обители штатных священнической и диаконской вакансий. Обсудив изъясненное ходатайство Преосвященного Костромского совместно с дополнительными сведениями, доставленными Костромской Духовной консисторией, Святейший Синод, во внимание к приведенным Преосвященным Костромским соображениям, определяет:

1) состоящую в Макарьевском уезде Костромской епархии Николо-Надеевскую мужскую заштатную общежительную пустынь обратить в женский общежительный монастырь, с наименованием его Николо-Надеевским и с таким числом сестер, какое обитель окажется в состоянии содержать на собственные средства;

2) принадлежавшее бывшей мужской Николо-Надеевской пустыни имущество передать во владение преобразованного Николо-Надеевского женского общежительного монастыря;

3) предоставить Преосвященному Костромскому братию бывшей мужской Николо-Надеевской пустыни разместить по мужским обителям Костромской епархии по его, Преосвященного, усмотрению;

и 4) при Николо-Надеевском женском общежительном монастыре учредить штатные священническую и диаконскую вакансии с тем, чтобы содержание по сим вакансиям относилось на изысканные местные средства;

о чем Преосвященного Костромского уведомить указом, в хозяйственное управление передать выписку из сего определения, а редакциям «Церковных ведомостей» и «Правительственного вестника» дать знать по принятому порядку. (...)

Российский государственный исторический архив,
ф. 796, оп. 194, д. 2469, лл. 7-8об.

ПРИМЕЧАНИЯ

Употребляемые сокращения:

ГАИО — Государственный архив Ивановской области.
ГАКО — Государственный архив Костромской области.
ГАНИКО — Государственный архив новейшей истории Костромской области.
ГАНО — Государственный архив Нижегородской области.
КЕВ — Костромские епархиальные ведомости.
РГИА — Российский государственный исторический архив.

[1] Воскресенский Алексей. Старец иеромонах Тимон, пустынножитель Надеевский, ученик преподобного Серафима Саровского. КЕВ, 1912, № 10, отд. неоф., с. 272.
[2] Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения, ч. I. М., 1856 (далее — Сказание инока Парфения), предисловие, с. I.
[3] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 369, 372.
[4] ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 271(7), лл. 10об-11.
[5] Ковалевский Андрей. Подвижник Нило-Сорской пустыни иеросхимонах Нил. М., 1897, с. 31.
[6] В заглавиях части публикаций (№№ 11-13) — видимо, по недосмотру редакции — преподобный ошибочно именуется иеросхимонахом.
[7] В «Ведомости Городецкого Феодоровского монастыря о монашествующих и послушниках за 1818 год» отмечается: «Иеромонах Тимон. (...) Лет — 52» (ГАНО, ф. 570, оп. 556, д. 35, лл. 16об-17). Сам преподобный в «Послужном списке Николаевской Надеевской пустыни о братии оной» за 1839 год указывал свой возраст — 73 года (ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 195, л. 280).
[8] Имена своих родителей преподобный Тимон лично записал в одной из принадлежавших ему книг с просьбой к читателю молитвенно помянуть их (Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 10, отд. неоф., с. 273).
[9] И священник Алексий Воскресенский, и игумен Тихон указывают другое мирское имя преподобного — Тимофей; однако все архивные документы как нижегородского, так и костромского периода жизни старца свидетельствуют о том, что в миру преподобный носил имя Тихон. Видимо, первоначально такая ошибка была допущена в рукописи «Блаженные и святые дни...», а жизнеописатели просто повторили ее.
[10] Житие старца Серафима Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. М., 1884 (далее — Житие старца Серафима), с. 47.
[11] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 10, отд. неоф., с. 273-274.
[12] «Оранский первоклассный общежительный монастырь расположен при реке Русе, недалеко от деревни Оранки, в 50 верстах от Нижнего Новгорода. (...) Основание его относится к первой половине XVII столетия... Главная святыня соборной церкви и всего монастыря — (...) Оранская икона Богоматери, принесенная в 1635 году из Москвы [основателем обители] Гладковым...» (Православные Российские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных монастырей в Российской империи и на Афоне (далее — Православные обители). СПб., 1910, с. 357-358).
[13] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 10, отд. неоф., с. 274.
[14] Согласно предположению, основанному на записях о роде преподобного Тимона в синодике Надеевской обители, Евдокия была дочерью диакона Стефана (Тихон,

игумен. Благочестивая жизнь старца иеромонаха Тимона, пустынножителя и возобновителя Николаевской Надеевой пустыни, Костромской губернии, Макарьевского уезда. М., 1905, с. 9).

[15] Деревянная церковь во имя святителя Алексия, митрополита Московского, была построена в селе Зиняково в 1765 году и имела престолы: во имя святителя Алексия в летнем (холодном) храме, во имя святителя Иоанна Златоустого — в зимнем (теплом) храме (Адрес-календарь Нижегородской епархии в память исполнившегося в 1888 году 900-летия Крещения Руси. Сост. диакон А. Снежицкий. Н.-Новгород, 1888, с. 844). До нашего времени деревянная церковь не сохранилась. Впоследствии здесь была построена каменная церковь во имя святителя Алексия, митрополита Московского, которая после закрытия в XX веке сейчас возвращена Нижегородской епархии и восстанавливается (ныне село, где располагается храм, именуется Зиняки).

[16] Именование «Федоров», встречающееся в церковных документах (ГАНО, ф. 579, оп. 589а, д. 6, л. 34; ф. 585, оп. 1, д. 22, л. 1) может трактоваться и как отчество, и как фамилия.

[17] Иеромонах Парфений в своем «Сказании» приписывает старцу Тимону следующие слова: «Когда кончил [я] учение в семинарии, понудили меня жениться, хотя и сверх моего желания» (Сказание инока Парфения, с. 190). Однако последующий рассказ преподобного о своей жизни, передаваемый иеромонахом Парфением, имеет фактические неточности и излишне схематичен. Поэтому в вопросе о браке будущего старца мы склонны более полагаться на оценку, даваемую священником А. Воскресенским и игуменом Тихоном.

[18] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 10, отд. неоф, с. 275.

[19] Там же, с. 276-277.

[20] «Саровская Успенская пустынь, в Темниковском уезде [Тамбовской губернии]. Расположена на границе Нижегородской и Тамбовской губерний, в 37 верстах от уездного города Темникова. Стоит она на холме, при слиянии речки Саровки с рекой Сатисом, на месте древнего города Сараклича... Первым в Саровские леса пришел инок Арзамасского Спасского монастыря Исаакий, (...) [который] построил церковь во имя Пресвятой Богородицы и тем положил начало Саровской обители (1706 г.)... Монастырь многолюден и благоустроен. Управляет им игумен» (Православные обители, с. 418-421).

[21] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 10, отд. неоф., с. 278.

[22] «Первоклассный Печерский общежительный монастырь расположен на правом берегу реки Волги, в одной версте от Нижнего Новгорода. В прежнее время монастырь находился в двух верстах от теперешнего места... Основателем монастыря является инок Киево-Печерской лавры св. Дионисий — впоследствии архиепископ Суздальский и митрополит всея Руси. Основание относится к 1329 году; монастырь был наименован Печерским в честь Печерской иконы Божией Матери, которая была принесена Дионисием из Киева. Первым настоятелем обители был св. Дионисий... В Смутное время Печерский монастырь был оплотом православия и русской государственности» (Православные обители, с. 359-360).

[23] ГАНО, ф. 579, оп. 589а, д. 6, л. 34.

[24] Собственноручная запись преподобного об этом событии имелась на принадлежавшей ему книге «Семь слов преподобного Макария Великого», хранившейся в Николо-Надеевской пустыни (Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 10, отд. неоф., с. 279).

[25] Сведения о назначении преподобного экономом архиерейского дома сохрани-

лись лишь в трудах его жизнеописателей, документальных подтверждений этому нам не известно.

[26] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 10, отд. неоф., с. 279.

[27] «Когда паломник проезжает по Волге мимо села Городца, то взору его представляется монастырь, живописно расположенный на левом берегу реки, около указанного села, в 18 верстах к северо-западу от уездного города Балахны. Основание этого монастыря относится к началу XIII века; устроил его великий князь Юрий II Всеволодович в память чуда, проявленного иконой Божией Матери... В 1408 году обитель была разорена татарами, после чего она долгое время не могла оправиться. В конце XVII века обитель была упразднена, но затем, по просьбе местных жителей, ее восстановили» (Православные обители, с. 356).

[28] ГАНО, ф. 570, оп. 556, д. 3, л. 7.

[29] ГАНО, ф. 585, оп. 1, д. 22, л. 1.

[30] ГАНО, ф. 570, оп. 556, д. 35, л. 16об.

[31] ГАНО, ф. 585, оп. 1, д. 22, л. 1.

[32] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 300.

[33] Житие старца Серафима, с. 48.

[34] Феодосий, архимандрит. Историческое описание Феодоровского монастыря в связи с минувшим политическим значением села Городца, Нижегородской губернии, Балахнинского уезда. Изд. 2. Н.-Новгород, 1900, с. 32.

[35] ГАНО, ф. 177, оп. 766, д. 691, лл. 4-7об.

[36] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 19-20.

[37] Отметим, что П.И. Латухин жертвовал средства на строительство в Надеевской обители Успенского храма. В книге записи пожертвований на постройку церкви под 20 мая 1834 года упомянуто: «Подано балахонским купцем Петром Ивановым Латухиным в поминовение родителей в синодик поставить двести рублей», а под 1 августа 1834 года указано: «Подано балахонским купцем Петром Ивановым Латухиным в поминовение родителей (...) два ста [200] рублей вторично» (ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 164, л. 5об).

[38] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 19.

[39] Там же.

[40] ГАНО, ф. 177, оп. 766, д. 691, л. 3; История Феодоровского Городецкого монастыря (Нижегородской губернии) и построение в Санкт-Петербурге храма в память 300-летнего юбилея царствования Императорского Дома Романовых. СПб., 1913, с. 110.

[41] Священник Алексий Воскресенский в жизнеописании старца Тимона, ошибочно полагая временем завершения судебной тяжбы 1817 год, делает вывод о причастности епископа Моисея к гонениям на преподобного — что, с учетом процитированных нами архивных документов, видится полностью необоснованным.

[42] Цит. по: Макарий, архимандрит. История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказания о Нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года. СПб., 1857, с. 213.

[43] Святители земли Нижегородской. Н.-Новгород, 2003, с. 112.

[44] ГАНО, ф. 570, оп. 556, д. 35, лл. 16об-17.

[45] ГАНО, ф. 177, оп. 766, д. 691, л. 4.

[46] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 302.

[47] ГАНО, ф. 570, оп. 556, д. 35, л. 17об.

[48] Там же, л. 17.

[49] ГАНО, ф. 570, оп. 556, д. 8, л. 220.

[50] Там же, л. 221.

[51] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 21.

[52] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 303.
[53] ГАНО, ф. 570, оп. 556, д. 35, лл. 16-16об.
[54] «Обитель эта расположена в лесу, на обширной горе, в 4 верстах от уездного города Арзамаса. Основана обитель в 20-х годах XVIII столетия, по желанию нескольких арзамасских граждан. Последние написали челобитную императору Петру Великому, в которой ходатайствовали о разрешении выстроить на упомянутой горе часовню и две келии. Получив согласие, они приступили к постройке деревянной часовни, затем начали строить храм. Так было положено начало Высокогорскому монастырю (1718 г.). Последний, однако, просуществовал недолго: подвергаясь частым нападениям разбойников, скрывавшихся в соседних лесах, иноки принуждены были оставить обитель, взяв с собою все движимое имущество и ризницу... Все это они перенесли в Арзамасский Троицкий монастырь, и лишь в 1743 году Высокогорская обитель была снова возобновлена» (Православные обители, с. 354).
[55] Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. СПб., 1910, с. 266.
[56] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 304.
[57] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877, с. 883.
[58] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 233, л. 21об.
[59] Две грамоты Святейшего Патриарха Адриана о построении и освящении Никольского храма еще в начале XX столетия хранились в Надеевской пустыни (Тихон, игумен. Указ. соч., с. 28).
[60] КЕВ, 1887, № 3, часть неоф., с. 66-67.
[61] «Называлось место погостом Николаевской церкви, Кадыевского уезда, Кусской волости. За этой церковью оставлена вся земля, какою владела пустынь (по плану 1778 года всей земли числилось за священно- и церковно-служителями сей пустыни 6204 десятин и 962 сажени)» (Памятная книга для Костромской епархии. Сост. и изд. В.А. Самаряновым. Кострома, 1868 (далее — Памятная книга), отд. I, с. 119).
[62] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 28.
[63] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 307.
[64] Памятная книга, отд. I, с. 119.
[65] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 308.
[66] Сказание инока Парфения, с. 195.
[67] Ковалевский А. Указ. соч., с. 26.
[68] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 305.
[69] Там же, с. 305-306. Тихон, игумен. Указ. соч., с. 24.
[70] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 25.
[71] Белоруков Д.Ф. Деревни, села и города Костромского края. Кострома, 2000, с. 113.
[72] «Основание пустыни относится к первой половине XVII столетия. Она основана вследствие предсказания блаженного Симона Юрьевецкого (...), что через сорок лет по кончине его [на этом месте] будет создана обитель во спасение инокам. Блаженный скончался в 1584 г., следовательно, первоначальное основание пустыни должно относить к 1624 г., когда здесь поселились несколько любителей безмолвно-уединенной жизни. В 1641 году пустынножители уже имели храм Пресвятой Троицы с четырьмя приделами... Первоначальником пустыни был первоосновательница ее строитель монах Симеон, муж аскетического направления» (Свято-Троицкая Кривоезерская пустынь Костромской губернии, Макарьевского уезда. Кострома, 1904 (далее — Кривоезерская пустынь), с. 3).
[73] Там же, с. 22-29.
[74] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 26.

[75] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 308. Тихон, игумен. Указ. соч., с. 28.

[76] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 145, лл. 20-20об.

[77] «Отец Феодосий был из купцов г. Вереи, Московской губернии, в монашество пострижен в Николаевском Пешношском монастыре, где 30 июля 1807 года произведен был во иеродиакона, а 6 декабря того же года — и во иеромонаха. Здесь он исправлял должность уставщика. В 1813 году переведен из Московской в Вологодскую епархию, где и определен был строителем Белавинской пустыни. Оттуда в мае 1815 года переведен в Костромскую епархию и 1 июля того же года получил в управление Кривоезерскую пустынь, с званием строителя оной» (Кривоезерская пустынь, с. 15). Игумен Феодосий являлся настоятелем Кривоезерской пустыни до своей кончины, последовавшей 28 апреля 1827 года (Тихон, игумен. Указ. соч., с. 26). С 1 августа 1827 года до 1832 года строителем Кривоезерской пустыни был иеромонах Макарий (Ульянов) (ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 145, л. 105; Кривоезерская пустынь, с. 20).

[78] Упоминание о таком прошении содержится в книге игумена Тихона (указ. соч., с. 27). Однако в документах Кривоезерской пустыни за 1827 год (ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 145) никаких письменных распоряжений Преосвященного Самуила по данному поводу нет; видимо, благословение было преподано в устной форме.

[79] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 29.

[80] Хлеб преподобному Тимону доставляли насельники пустыни, считавшие своим долгом часто осведомляться о его здоровье (там же, с. 30).

[81] Там же, с. 31.

[82] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 310-311.

[83] Там же, с. 311.

[84] Житие старца Серафима, с. 48.

[85] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 11, отд. неоф., с. 311-312.

[86] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 33.

[87] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 233, л. 19об.

[88] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 154, л. 8об.

[89] Там же, лл. 100-100об.

[90] Там же, лл. 153-154об.

[91] Деяние Святейшего Синода 29 января 1903 года // Житие преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. Сост. Л.И. Денисов. М., 1904, с. 8-9.

[92] Житие преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. Сост. Л.И. Денисов. М., 1904, с. 320.

[93] Житие старца Серафима, с. 228-229.

[94] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 12, отд. неоф., с. 337. Впоследствии преподобный Тимон утверждал, что мощи некоторых святых насельников пустыни почивают именно под храмом.

[95] Иеромонах Парфений (Агеев) родился в Молдавии, воспитывался в старообрядческой среде; затем принял постриг на Святой Горе Афон и, вернувшись в Россию, стал известным духовным писателем. Был строителем Николо-Берлюковской пустыни Московской епархии, с 1860 года — настоятель Гуслицкого Спасо-Преображенского мужского монастыря (также Московской епархии), основанного по указу императора Александра II специально для обращенных к Церкви старообрядцев. Скончался в 1868 году (портрет см. на с. 55).

[96] Сказание инока Парфения, с. 193.

[97] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 35. Такие именования святых подвижников древней Надеевской пустыни упоминались и в синодике 1678 года, пребывавшем в обители, затем переданном в Государственный архив Костромской области и в 1982 году сгоревшем при пожаре в архивном хранилище.

[98] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 35-36. По преданию, преподобный Тимон действительно был погребен в лапотках, данных ему преподобным Серафимом.

[99] Там же, с. 36.

[100] Там же.

[101] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 339-340.

[102] К примеру, в июле-августе 1834 года на две недели, для посещения Нижегородской ярмарки (ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 167, л. 28).

[103] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 340. Одна из записей в книге пожертвований на строительство храма гласит: «Собрано во время ярмонки [ярмарки] Нижегородской от доброхотных дателей сто шестьдесят семь рублей 15 копеек» (ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 164, л. 5об).

[104] Иеромонах Никон (в миру Прихудайлов Николай Иванович) родился 21 ноября 1801 года в селе Васильевское Шуйского уезда Владимирской губернии, был последним из 12 детей у своих родителей — крепостных графа Шереметева. 26 мая 1822 года определен послушником в число братии Кривоезерской пустыни; 25 декабря 1823 года пострижен игуменом Феодосием в мантию с именем Никон; Великим постом 1824 года переселился в Надеево (хотя периодически проживал и в Кривоезерской пустыни), 31 августа 1824 года рукоположен во иеродиакона, 9 мая 1828 года — во иеромонаха (Ковалевский А. Указ. соч., с. 5-30).

[105] Иеромонах Никон перешел на жительство в Нило-Сорскую пустынь в 1835 году; указ о его перемещении последовал 15 сентября 1836 года. В 1837-1842 годах он являлся строителем Нило-Сорской пустыни и впоследствии скончался в июле 1870 года, приняв постриг в схиму с именем Нил (Тихон, игумен. Указ. соч., с. 37).

[106] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 368.

[107] Ковалевский А. Указ. соч., с. 31.

[108] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 161, лл. 1-2.

[109] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 165, л. 1.

[110] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 167, л. 412.

[111] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 39.

[112] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 367.

[113] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 167, л. 46.

[114] Там же, лл. 46-56.

[115] «Архимандрит Дионисий, в миру Димитрий Ананиевич Муравьев, с 1795 года обучался в Костромской Духовной семинарии, а с 1803 до 1807 года в Троицкой Лаврской; по окончании в последней курса учения в 1807 году определен учителем Костромской семинарии... В 1809 году рукоположен во священники к Подгорной Преображенской церкви посада Пучежа; в 1810 году назначен благочинным церквей; в 1811 возведен в сан протоиерея; (...) 28 мая 1826 года переведен из Пучежа в Костромской кафедральный собор (...); 18 мая 1833 года пострижен в монашество иеромонахом» (Херсонский И. Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии. Кострома, 1892, вып. II, с. 260). Впоследствии отец Дионисий возглавлял Авраамиево-Городецкий монастырь, Кривоезерскую пустынь, Тихоно-Луховский и Паисиево-Галичский монастыри. В марте 1835 года он был возведен в сан игумена, в октябре 1838 года — в сан архимандрита. С 28 сентября 1839

года — настоятель Макариево-Унженского монастыря. Скончался в этой же обители 17 ноября 1849 года (там же, с. 260-262).
[116] Ковалевский А. Указ. соч., с. 40-41.
[117] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 165, л. 20.
[118] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 367.
[119] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 180, лл. 104-104об.
[120] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 368.
[121] Там же.
[122] Иеромонах (впоследствии — архимандрит) Паисий управлял Троицкой Кривоезерской пустынью с 1837 по 1865 год (Кривоезерская пустынь, с. 21).
[123] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 185, лл. 53-54об.
[124] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 195, лл. 167-167об.
[125] Там же, л. 29.
[126] Орлов Виктор, свящ. Галичский Староторжский Николаевский женский монастырь. Историческое описание, составленное по документам архива. М., 1913, с. 39.
[127] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 194, л. 55.
[128] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 165, л. 9.
[129] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 195, лл. 220-220об.
[130] Сказание инока Парфения, с. 194.
[131] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 195, лл. 280-280об, 382.
[132] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 12, отд. неоф., с. 340-341.
[133] «Высоковский Успенский монастырь, единоверческий, 3 класса, общежительный, в Макарьевском уезде, в 70 верстах от города Макарьева. Учрежден в 1829 году из существовавшей с 1820 года общежительной единоверческой пустыни» (Русские монастыри. Центральная часть России. М., 1995, с. 371).
[134] Сказание инока Парфения, с. 189-190.
[135] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 12, отд. неоф., с. 342.
[136] «Священник Кир Александров Владимиров, 39 лет, из окончивших курс философии» (Комплектная сказка Воскресенской церкви погоста Низкусь Макарьевского уезда за 1848 год; ГАКО, ф. 130, б/ш, д. 358).
[137] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 362-366.
[138] Там же, с. 369.
[139] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 40. Игумения Таисия (Кузнецова), возглавлявшая Староторжскую обитель с мая 1818 года по ноябрь 1840 года, проживала затем на покое в том же монастыре и скончалась 18 ноября 1852 года (Орлов Виктор, свящ. Указ. соч., с. 36-38).
[140] В записках С.Н. Нелидова говорилось: «Старушке помещице Ульяне Стефановне Бартеневой старец сказал раз: «Мы с тобою перейдем в вечность один после другого; сперва я, а вслед за мною и ты». И действительно, Бартенева пережила его только одной неделей» (Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 363).
[141] Там же, с. 369-370.
[142] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 196, л. 39.
[143] Сам преподобный Тимон в конце 1839 года писал: «Оный иеромонах Виталий от роду имеет 45 лет, из мещан, обучался письмоводству, поступил в монашество 1831-го года в декабре месяце 5 числа, посвящен во иеродиакона 1832-го года в июне месяце, а во иеромонаха 1832-го года декабря 6 числа Нижегородским Преосвященным архиереем Амвросием; исправлял должность казначейскую в Нижего-

родском Оранском монастыре» (ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 196, л. 38об). В Надеевскую пустынь отец Виталий прибыл из Тихоновского монастыря Калужской епархии. После кончины преподобного Тимона указом консистории от 6 февраля 1840 года иеромонах Виталий назначен был правителем Надеевской пустыни (там же, лл. 78-78об).

[144] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 41.

[145] Херсонский И. Указ. соч., с. 261.

[146] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 370-371.

[147] Тихон, игумен. Указ. соч., с. 42.

[148] Утверждение священника Алексия Воскресенского о том, что старец скончался в возрасте 77 лет и 7 дней (Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф, с. 371) неверно, так как основано на монастырских преданиях, а не на реальных фактах.

[149] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 372.

[150] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 199, лл. 1-1об.

[151] Там же, лл. 2об-8об.

[152] Там же, лл. 9-9об.

[153] Там же, л. 10.

[154] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 196, лл. 64-65.

[155] Памятная книга, отд. I, с. 120.

[156] «Унженского Макариева монастыря иеромонах Вениамин, 30 лет. В монашество поступил в 1826 году; на штатную вакансию в оный монастырь определен в 1827 году. Из учителей. 1829 года сентября 20 дня определен присутствующим в Унженское Духовное правление» (Список членов Духовных правлений и благочинных за 1830 год: ГАКО, ф. 130, б/ш, д. 444, лл. 41об-42). Став правителем Надеевской пустыни, иеромонах Вениамин впоследствии скончался 22 июня 1852 года (ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 233, л. 5).

[157] Херсонский И. Указ. соч., с. 261.

[158] ГАИО, ф. 893, оп. 1, д. 253, лл. 1об-2.

[159] ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 271(7), л. 1.

[160] ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 438, лл. 2-2об.

[161] ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 271(7), л. 20.

[162] Памятная книга, отд. I, с. 120.

[163] Там же, отд. II, с. 59.

[164] ГАКО, ф. 130, б/ш, д. 241, л. 2.

[165] Воскресенский Алексей. Указ. публ., КЕВ, 1912, № 13, отд. неоф., с. 371-372.

[166] ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 271(7), лл. 1-2об, 20.

[167] Там же, л. 20.

[168] Там же, л. 24.

[169] «Игумен Амвросий, 49 лет, курс кончил в низшем отделении Костромской Духовной семинарии. Из духовного звания, дьяческий сын. В монашество пострижен 21 ноября 1863 г. в Николо-Бабаевском монастыре. Определен в Николо-Бабаевский монастырь — 1853 августа 28. Рукоположен во иеродиакона — 1864 июня 21, во иеромонаха — 1866 декабря 10. (...) По указу Святейшего Правительствующего Синода от 1870 апреля 4 за № 658 определен настоятелем Николо-Надеевой пустыни. (...) По указу Святейшего Правительствующего Синода посвящен во игумена — 1874 ноября 21» (там же, лл. 2об, 6).

[170] Иеромонах Николай, родившийся в 1844 году, окончил Кинешемское Духовное училище, до выхода в отставку был гражданским чиновником. Монашество принял

в 1876 году в Троицкой Кривоезерской пустыни, подвизался в различных обителях Костромской епархии, в сентябре 1905 года уже в сане иеромонаха перемещен в Надеевскую пустынь. В «Послужном списке о монашествующих и бельцах Костромской епархии Николо-Надеевской пустыни за 1906 год» настоятель игумен Тихон дал отцу Николаю такую характеристику: «Очень хороших качеств. По болезненному состоянию к послушаниям неспособен» (ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 214, лл. 12об-13).

[171] Игумен Тихон (в миру Трофим Сергиев) родился в 1853 году в крестьянской семье. Поступив в 1880 году в Никольский Тихонов Луховский монастырь Костромской епархии, там же в декабре 1881 года принял монашеский постриг. 22 октября 1882 года рукоположен во иеродиакона, 12 марта 1889 года — во иеромонаха с назначением исполняющим должность ризничего; 20 ноября 1896 года определен духовником монастырской братии. Указом Святейшего Синода № 7965 от 17 ноября 1900 года утвержден в должности настоятеля Николо-Надеевской общежительной пустыни; 16 июня 1902 года возведен в сан игумена (ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 212, лл. 1об-2).

[172] ГАКО, ф. 130, оп. 4, д. 2896, л. 1.

[173] Там же, лл. 4-4об.

[174] Там же, л. 6.

[175] ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 153-б, лл. 6об-10об.

[176] ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 199, лл. 5об-10.

[177] ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 214, лл. 2об-6об.

[178] Там же, лл. 7об-10.

[179] Там же, лл. 12об-19.

[180] Там же, лл. 17об-18.

[181] «Игумен Игнатий Покровский из духовного звания, сын дьячка. Обучался в первом классе в Макарьевском Духовном училище. В 1878 году июля 1 дня поступил в послушники в Макариево-Унженский первоклассный монастырь Костромской епархии. (...) В 1893 году февраля 28 дня пострижен в монашество. В 1893 году мая 23 дня рукоположен во иеродиакона. (...) В 1895 году января 14 дня рукоположен во иеромонаха. (...) В 1902 году января 14 дня утвержден в должности благочинного надзирателя Макариево-Унженского монастыря. (...) В 1908 г. ноября 24 дня определен настоятелем Николо-Надеевской пустыни» (ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 270 (13), лл. 26-27). Скончался в сане игумена 7 марта 1912 года (РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 2469, л. 7).

[182] ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 283, л. 129об.

[183] «По ведомости (послужному списку) за 1917 год о настоятельнице Николо-Надеевского монастыря игумении Сергии значится, что она имеет от роду 70 лет (...); дочь псаломщика села Мостовки Макарьевского у[езда], девица, в миру именовалась Анна Феодорова Тихорская; поступила в [Богоявленско-Анастасиин] монастырь в 1858 году; определена в послушницы в 1896 году; пострижена в монашество 1898 г. марта 21; проходила послушание в рукодельной икон и состояла при алтаре монастырского храма (...); назначена настоятельницей Николо-Надеевского монастыря 1912 г. декабря 12; возведена в сан игумении 1913 г. февраля 2» (там же, лл. 129-129об).

[184] ГАКО, ф. 360, оп. 1, д. 46, лл. 1об-2.

[185] Там же, лл. 2об-3; ГАКО, ф. 360, оп. 1, д. 47, лл. 1об-8.

[186] ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 283, л. 31.

[187] ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 259, лл. 7об-15об.

[188] ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 283, лл. 47-47об.
[189] Ранее, в связи с освящением Никольского придела в Надеевской обители, нами уже упоминались церкви села Словинка — в то время деревянный храм, «теплый» (отапливаемый), имевший три престола (в честь Рождества Пресвятой Богородицы, во имя святителя и чудотворца Николая и во имя преподобного Сергия Радонежского), свидетельств о точном времени постройки которого не сохранилось, и каменный «холодный» (неотапливаемый) храм в честь Смоленской иконы Божией Матери, построенный в 1806 году. Впоследствии каменная церковь, как полностью обветшавшая, была разобрана, и в 1870-1892 годах на ее месте рядом с деревянным храмом построили новый каменный, также «холодный», храм с тремя престолами - в честь Словинской иконы Божией Матери, во имя святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (ГАКО, ф. 130, оп. 4доп, д. 12, лл. 1, 27, 66; Краткие статистические сведения о приходских церквах Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911, с. 278-279).
[190] «Настоятель Макариево-Унженского первоклассного штатного необщежительного монастыря архимандрит Виссарион (Ильинский) (...) из духовного звания, в 1872 году, по окончании курса в Костромской Духовной семинарии, рукоположен во священника, в 1911 году пострижен в монашество, назначен настоятелем Николо-Бабаевского монастыря и возведен в сан архимандрита, а в 1913 году перемещен на должность настоятеля Макариево-Унженского монастыря, 66 лет...» (Список настоятелей и настоятельниц мужских и женских монастырей, пустынь и скитов и начальниц женских общин по Костромской епархии за 1917 год; ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 351, л. 33).
[191] ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 283, лл. 40-40об.
[192] Там же, л. 46.
[193] Там же, л. 138.
[194] Там же, л. 138об.
[195] ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 430.
[196] ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 584, л. 56.
[197] «Боголюбский монастырь, общежительный, в 56 верстах от города Макарьева, при селе Боголюбском. Учрежден в 1893 году из существовавшей с 1864 года женской общины» (Русские монастыри. Центральная часть России. М., 1995, с. 371).
[198] ГАКО, ф. Р-2150, оп. 2, д. 54, л. 36.
[199] Там же.
[200] Там же.
[201] ГАКО, ф. Р-2150, оп. 4, д. 7, л. 107об.
[202] ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1236, л. 47.
[203] ГАКО, ф. Р-316, оп. 2, д. 1, л. 4.
[204] Там же, л. 3об.
[205] ГАКО, ф. Р-2150, оп. 5, д. 1, л. 6-7об.
[206] ГАНИКО, ф. Р-198, оп. 1, д. 134, л. 84.
[207] ГАНИКО, ф. Р-198, оп. 1, д. 505, л. 16.
[208] Решение о строительстве в Словинке народного дома (нардома) было принято на общем собрании словинской ячейки РКП(б) 16 марта 1924 года (ГАНИКО, ф. Р-198, оп. 1, д. 389, л. 3).
[209] ГАНИКО, ф. Р-198, оп. 1, д. 505, л. 17.
[210] ГАКО, ф. Р-2150, оп. 2, д. 193, л. 100.

[211] Отчет об экспедиции в Надеевскую пустынь от 27 августа 2003 года, л. 4. Архив Костромской епархии.

[212] Смирнова Мила. Край. Краеведческие очерки. Н.-Новгород, 1999, с. 195-196.

[213] Рапорт благочинного Галичского округа, настоятеля Введенского кафедрального собора г. Галича протоиерея Александра Шастина от 11 июня 2003 года. Приложения 1-3. Архив Костромской епархии.

[214] В XX веке деревянный храм в Словинке был разрушен, однако каменная Богородицкая церковь осталась действующей и ныне часто посещается паломниками, направляющимися к источнику старца Тимона.

В связи с тем, что Словинская икона Божией Матери почитается преимущественно в пределах Костромской епархии, приведем здесь более подробные сведения о ней. «Словинская икона Пресвятой Богородицы явилась чудесно в 1628 году жителю Галичской волости деревни Шертецова Титу Гаврилову, больному чрезвычайным расслаблением тела, в церкви, стоявшей без пения [т.е. без совершения богослужений] и чрезвычайно обветшавшей. Многоразличные чудеса, бывшие от этой святой иконы, были исследованы по повелению (...) царя Михаила Феодоровича; с благословения Патриарха Филарета построен здесь монастырь, который существовал до 1764 года. Ныне на этом месте приходская церковь Богородицкая...» (Памятная книга, отд. I, с. 58).

[215] Докладная записка протоиерея Александра Шастина, кандидата исторических наук А.Г. Авдеева и иеромонаха Димитрия (Нетесина) от 20 августа 2003 года. Архив Костромской епархии.

[216] Отчет об экспедиции в Надеевскую пустынь от 27 августа 2003 года, л. 2. Архив Костромской епархии.

[217] Акт медико-криминалистического исследования № 10/2003 ОИЛ от 21 декабря 2003 года, л. 24. Архив Костромской епархии.

[218] Определение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II о канонизации преподобного Тимона, старца Надеевского (1766-1840) от 24 декабря 2003 года. Архив Костромской епархии.

[219] Баженов И.В. Упраздненные монастыри Костромской епархии. М., 1909, с. 10.

[220] Там же, с. 5.

СТАРОРУССКИЕ МЕРЫ ВЕСА, ДЛИНЫ И ПЛОЩАДИ, УПОМИНАЕМЫЕ В ТЕКСТЕ КНИГИ

1 пуд = 16,38 кг
1 фунт = 409,5 г
1 золотник = 4,27 г

1 верста = 1066,8 м
1 сажень = 2,13 м
1 аршин = 71,1 см
1 четверть = 17,78 см
1 вершок = 4,45 см

1 десятина = 1,093 га
1 квадратная сажень = 4,55 м^2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 2

От автора 3

Детские и юношеские годы будущего старца 6

Приходское служение и начало иноческого пути 10

Пребывание в городецкой Богородице-Феодоровской обители 16

Перевод в Высокогорскую Вознесенскую пустынь 22

Первые посещения преподобным Тимоном Надеевской пустыни 26

Перемещение в Надеевскую пустынь 32

Подвиг пустынножительства 35

Начало возобновления Николо-Надеевской пустыни 39

Последняя встреча старца Тимона с преподобным Серафимом 41

Строительство Успенского храма 46

Продолжение воссоздания пустыни и подвиг старчества 53

Свидетельства современников о прозорливости преподобного Тимона и совершавшихся по его молитвам чудотворениях 58

Последние дни земной жизни и кончина преподобного 61

Почитание преподобного Тимона после его кончины и история Надеевской пустыни во второй половине XIX - начале XX века 67

Преобразование Надеевской пустыни в женский монастырь 72

Закрытие и разрушение Надеевской пустыни 74

Свидетельства о почитании преподобного Тимона в XX веке 80

Обретение святых мощей преподобного Тимона
и их освидетельствование 82

Прославление преподобного Тимона в лике
местночтимых святых Костромской епархии 85

Тропарь, кондак и молитва преподобному Тимону,
старцу Надеевскому 90

Приложения 92

Приложение 1. Грамота 1664 года о землях и угодьях
Надеевской пустыни (фрагмент) 92

Приложение 2. Свидетельства о Николо-Надеевской
пустыни в документах двадцатых годов XVIII века 93

Приложение 3. Документальные материалы о ремонте
деревянного Никольского храма и общем состоянии
Надеевской пустыни в 1816 году 96

Приложение 4. Описание храмов, строений и имущества
Надеевской пустыни в документах 1832-1838 годов 98

Приложение 5. Предоставление Надеевской пустыни
самостоятельности в 1856 году 102

Приложение 6. Преобразование Надеевской пустыни
в женский монастырь в 1912 году 105

Примечания 107

Старорусские меры веса, длины и площади,
упоминаемые в тексте книги 117

Архиепископ Костромской и Галичский
АЛЕКСАНДР (Могилев)

ПРЕПОДОБНЫЙ ТИМОН, СТАРЕЦ НАДЕЕВСКИЙ

Ответственный за издание — *иеромонах Харитон (Просторов)*

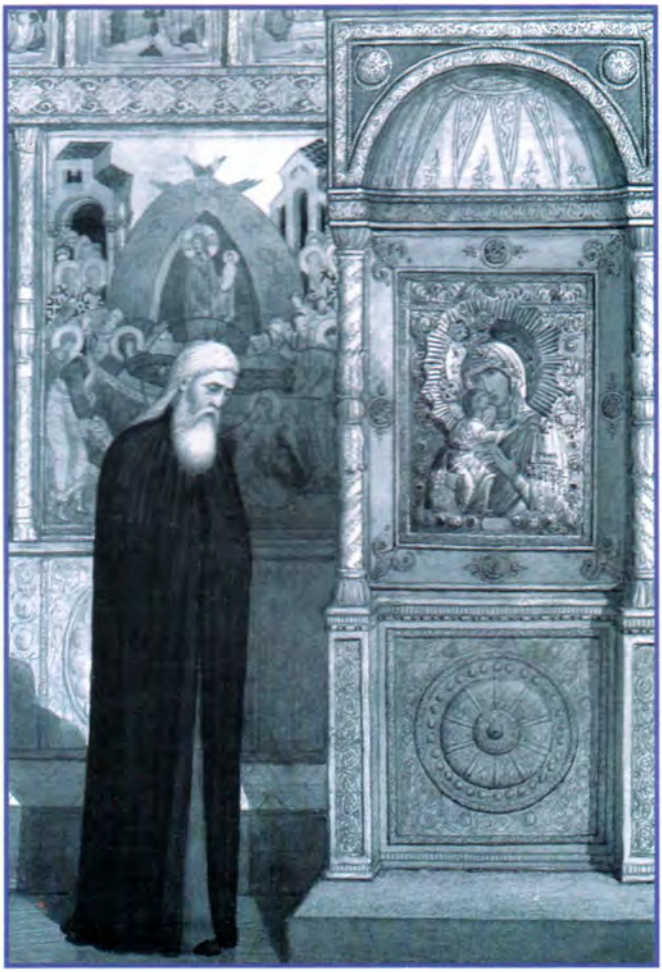
© Архиепископ Александр (Могилев), 2004 г.
© Костромская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), 2004 г.

Сдано в набор 12.07.2004. Подписано в печать 22.08.2004.
Формат 70x100 1/16. Бумага мелованная. Гарнитура Baltica.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1719.

Отпечатано ФГУИПП «Кострома»,
Россия, 156010, г. Кострома, ул. Самоковская, 10.

На второй странице обложки: икона преподобного Серафима Саровского начала XX века из Свято-Серафимовского крестового храма в архиерейской резиденции Костромской епархии. В нижнем правом углу иконы — частица святых мощей преподобного Серафима, подаренная крестовому храму Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в 1994 году.

На четвертой странице обложки: 25 декабря 2003 года. Священнослужители Костромской епархии прикладываются к мощам новопрославленного преподобного Тимона, старца Надеевского.



Преподобный Тимон
у чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.

Рисунок А. Серова.

Ублажаем тя, преподобне отче Тимоне,
и чтим святую память твою,
наставниче монахов
и собеседниче ангелов